

ТИБОР ФИШЕР

И ДНОТАМ ПРОСЬБА
НЕ БЕСПОКОИТЬСЯ

Рассказы

Тусовке Мартеля-Балло посвящается.

Пальчики оближешь

Переходя через Кембридж-серкус, Джим решил, что ему хочется быть банкиром.

Мысль о том, что тебе будут оплачивать отпуск, праздники и выходные, пробила с такой яростной силой, перед которой любое физическое вождение просто-напросто отдыхает. Призрачные пляжи уже зашуршали песочком на Шэфтсбери-авеню. Он едва ли не впал в экстаз от восхитительной перспективы получать деньги за то, чтобы вообще ничего не делать; сидеть дома и тупо тарашиться в стену.

Оставалось лишь утешать себя тем, что он вроде как сам себе босс и единственное начальство – состояние, переоцененное настолько, что вообще непонятно, как подобное может служить утешением. По скромному мнению Джима, ценность подобной позиции в глазах широкой общественности была явно и непомерно завышена. Когда ты сам себе босс, все твои «начальственные» решения сводятся лишь к тому, чтобы выбрать, чью задницу вылизать первой и какую кучу дерьма разгрести сначала.

Была в банковском деле еще одна сторона, которая весьма его привлекала: каждый месяц тебе выдают зарплату. Разумеется, зарплату выдают не только банкирам, но банкирам ее выдают гарантированно. У Джима были все данные для того, чтобы стать банкиром: у него была пара приличных костюмов и безоговорочная готовность сделать все ради денег. У него есть костюмы, у него есть галстуки, у него в жизни нет никаких приятностей и никаких предпочтений в плане, чем заниматься и чему себя посвятить, но у него нет и гарантированной зарплаты. Разумеется, самое лучшее – это открыть свое дело; при условии, что твоя фирма будет процветать. Но тут тоже есть свои минусы...

Когда-то в молодости, уже очень давно (и он никому об этом не рассказывал), Джим пытался устроиться на работу в банк. И даже ходил на собеседование в три банка: в два британских и один японский. Это были известные и солидные банки – монстры в финансовом мире. Джим готовился к собеседованиям серьезно, потому что претендентов было достаточно, и он уже обошел сотни людей, чтобы получить приглашение на собеседование, и еще потому, что он всегда высоко ценил деньги.

Он предпринял попытку, он сделал все, от него зависящее; но теперь, опираясь на опыт и мудрость прожитых лет, Джим понимал, что мог бы тогда постараться получше. Он не ползал по полу на коленях и не вопил во всю глотку, что для него эта работа гораздо важнее, чем жизнь, смерть, вселенная и все, что ученым еще предстоит обнаружить в природе. С тех пор Джим сам проводил собеседования с потенциальными претендентами, нанимавшимися на работу, и уяснил для себя одну важную вещь: самое главное в собеседовании – это не содержание вопросов и не суровая атмосфера. Самая большая приятность – это заставить человека, пришедшего на собеседование, раболепствовать и унижаться, ползать на брюхе, стоять на задних лапках и лаять по команде «голос». Как вы мне все надоели, мне скучно, мы оба знаем, что тебе эта работа нужна исключительно ради денег, но если она тебе нужна, то покажи мне, как сильно ты в ней нуждаешься. Хотя бы какое-то развлечение... Покажи мне, что ты готова на все. Ну, я не знаю... сиськами потряси, что ли. Чтобы я видел, в каком ты отчаянном положении.

На самом деле – помимо того, что он не стал унижаться и вилять хвостиком, – они, наверное, почувствовали, что он считает их всех придурками и мерзавцами. Потому что он именно так и считал. К несчастью, он не проявил достаточной дальновидности и прозорливости, поскольку ему предложили один проект из категории «получи все, что хочешь, быстро и

сразу». Его пригласили на должность директора одной рок-н-рольной группы в Эксетере. Для Джима до сих пор осталось загадкой, почему ему сделали это странное предложение. Хотя у него было стойкое подозрение, что главную роль здесь сыграло его умение читать и писать, и еще то, что у него был приличный костюм, и еще то, что они были уверены, что он не станет ловчить с их деньгами, поскольку им было известно, где живут его родители, и еще потому, что каждый из девяти членов группы был вполне в состоянии сделать из Джима котлету даже при раскладе один на один.

Как ни странно, но «Пятьдесят бешеных пальчиков» (на самом деле, совсем не смешно) играли довольно прилично. Кстати, именно поэтому он и согласился стать их директором (не считая того очень важного обстоятельства, что он не умел играть ни на одном музыкальном инструменте, и вообще был далек от искусства, и должность директора – это была единственная возможность затесаться в богемный мир актеров, художников и музыкантов, где вся жизнь представляла собой сплошную пьянку-гулянку в глобальном масштабе). Конечно, они играли не гениально, и в их репертуаре на десять песен было всего две композиции, которые они написали сами (разумеется, самые слабые из всей программы), но было в них что-то такое... возбуждающее, захватывающее и неподдельно опасное. И прежде всего – в Бенни, лидер-гитаре, который держал в страхе весь Эксетер и его окрестности в радиусе ста миль. Бенни любил развлекаться следующим образом: он приходил в клуб, где его никто не знал, и если даже специально и не нарывался на драку с пьяной компашкой в полдюжины человек, но никогда не отказывался помахать кулаками, если что-то подобное назревало. Таковы были его представления о приятном и содержательном времяпрепровождении. Однажды Джим, не подумав, пошел вместе с Бенни в один клуб в Плимуте; ему пришлось прятаться в туалете, запершись в кабинке, пока Бенни крушил столы в зале, разбираясь с какой-то крутой компанией. По прошествии какого-то времени – Джиму показалось, что прошла неделя, не меньше, – в дверь кабинки тихонечко постучали.

– Джим? Это я, Бенни. Все в порядке, мы можем идти.

«Пятьдесят бешеных пальчиков» сыграли тринадцать концертов; и всякий раз Джиму стоило таких нервов собрать их всех вместе, что потом он буквально валился с ног от изнеможения. Никакого зла на них не хватало. Ценой немалых усилий он смог устроить, чтобы на последнем концерте присутствовал один известный музыкальный журналист. Журналист даже приехал в Эксетер, но на концерт не попал. Стараниями Гари, саксофониста группы, его отправили в травматологическое отделение местной больницы прямо с тусовки «ребята, давайте жить дружно», устроенной для журналистов перед концертом. Джим мог бы ожидать чего-то подобного от Бенни или Винса (тоже ходячее зло; ходили слухи – и у Джима не было оснований не верить, – что эксетерские домовладельцы образовали своеобразную коалицию против Винса и договорились, что с этим парнем они больше дел не имеют, потому что он уже здорово поизгадил немало квартир и комнат и к тому же знал множество хитрых способов, как обмануть незадачливых домовладельцев и съехать с квартиры, не заплатив); или, уж если на то пошло, от любого другого из «бешеных пальчиков», но только не от Гари, который был убежденным вегетарианцем, потому что – как он объяснял всем и каждому, кто хотел его слушать и кто не хотел, – сердце его обливается кровью при одной только мысли о страданиях бедных животных. К тому же Гари был слепым. Джим спас журналиста в тот самый момент, когда он уже лежал на полу, а Винс подначивал Гари:

– А теперь вмажь ему слева, дружище.

Они отыграли концерт, а потом в зал ворвалась полиция и арестовала всех, кроме Винса, который, как всегда, исхитрился избежать возмездия. Все это могло стать началом разнузданной, энергичной и весьма прибыльной для

группы кампании; могло, но не стало. Тот журналист ничего про них не написал, ни единой строчки. И вообще никто про них не написал, Джими видел, как Бенни упаковали в его собственный полицейский фургончик. Каждый раз, когда он потом приезжал в Эксетер, он спрашивал про Бенни, но никто ничего не знал. Бенни всегда был сам по себе. С другой стороны, младший брат Бенни, который не мог даже настроить гитару и ни разу в жизни не припарковался в неподобающем месте, стал теперь уважаемым продюсером и владельцем нескольких зданий в Доклендсе.

Потом Джим получил работу у мистера Айса. Не из-за каких-то особых талантов и даже не по собственной инициативе, а просто потому, что он тусовался в правильном гольф-клубе. Джим ненавидел гольф, но он работал там барменом, и, может быть, потому, что он понятия не имел, что с ним проводят собеседование, он сумел произвести благоприятное впечатление на мистера Айса, и тот, к несказанному удивлению Джима, предложил ему работу.

Столько на свете вранья. Столько вздора. Столько собачьего бреда – например, этот бред насчет гангстеров. Чем занимаются гангстеры, согласно всеобщему представлению? Наркобизнесом, контролем над проституцией и вооруженными ограблениями. Джим имел некоторое представление обо всех этих сферах преступной деятельности.

Один его знакомый, консультант-анестезиолог, который жил этажом выше в Илинге (Джим тогда жил у другого знакомого и как бы сторожил квартиру), вкладывал средства в покупку квартир в Вест-Энде и селил там молоденьких проституточек из Израиля и Японии (которых ему «сватали» приятели, тоже анестезиологи); сам он рассматривал это занятие как нечто среднее между прибыльным вложением денег и хобби. Он ездил в аэропорт встречать девочек, занимался ремонтом и обстановкой в квартирах и постоянно носился по магазинам то на предмет растений в горшках, то на предмет специальных подставок под тостеры. Джим при желании мог поймать девочку за полцены – по знакомству.

Теперь наркотики: самый лучший из всех наркодилеров, с которыми Джим имел дело, когда сам умеренно употреблял (бурная молодость, шальные деньги), был один бригадир на пенсии (ветеран войны на Фолклендских островах) с лихо закрученными кверху пышными усами. Он жил в Танбридж-Уэлс, но приезжал в город с товаром всегда очень четко и в срок, и ни разу не прокололся и никого не подвел и не кинул – привычка к порядку, усвоенная, должно быть, еще в военном училище. Все остальные, с кем приходилось сталкиваться Джиму, в большинстве своем были либо законченные неудачники, верхом мечтаний которых было устроиться на работу в большой супермаркет, чтобы раскладывать товары по полкам, либо матери-одиночки со своими сопливыми чадами, которые в глазах клиентов имели только одно неоспоримое преимущество – они всегда были дома, что, разумеется, было удобно (и еще: если кто-то из них «попадался», то у них всегда была маза подавить на жалость – мол, надо же чем-то кормить ребенка).

Вооруженное ограбление: еще один Джимов знакомый по имени Херби, бармен в «Блэксе», отсидел четыре года за угон инкассаторского фургончика (причем задержали его исключительно потому, что он забыл дома бумажник с документами). Очень приятный и дружелюбный парень, добрейшей души человек, он падал в обморок при виде крови, и в тюрьме он выжил только за счет того, что безропотно гладил рубашки тамошних «авторитетов», и теперь он имел очень хороший побочный доход – шил мягкие игрушки для завсегдаеаев «Блэкса» (специализировался на поддельно антикварных плюшевых медведях; кстати, шить он выучился в тюрьме), а свободное время он посвящал переводам испанской поэзии (причем скорее всего переводил он отвратно).

Нет, настоящие гангстеры, настоящие преступники, истинные мерзавцы не совершают преступлений. Преступления – это для некомпетентных дебилов,

которые не знают, чем себя занять. Преступления не приносят по-настоящему больших денег, и рано или поздно ты все равно загремишь в тюрьму. Настоящие гангстеры подвизаются в администрации профессионального спорта и в шоу-бизнесе.

Джим знал все это не понаслышке. Он шесть лет проработал на мистера Айса – ездил по стране и искал перспективных футболистов и боксеров. Это была просто мечта, а не работа. Путешествия, легкие деньги, встречи со знаменитостями.

Но Джим все равно ушел. Именно так и бывает, когда все хорошо: на каком-то этапе ты вдруг понимаешь, что ты застопорился и не движешься дальше.

Поначалу он пребывал в состоянии восторженной эйфории; упивался сознанием того, что он снова вольная птица, и проникался чувством глубокого облегчения, потому что некоторые аспекты работы на мистера Айса очень его нервировали. Не то чтобы в этой работе было хоть что-нибудь неприятное, нет. Сам факт, что он работает на мистера Айса, уже предполагал, что все относились к нему с уважением, как к человеку надежному и деловому; а в боксерских кругах его и вовсе обхаживали, как могли, потому что все понимали, что последствия возможных скандалов могут быть самыми пагубными. Это было чем-то похоже на ситуацию в Израиле в изложении того же знакомого анестезиолога: «Там у каждого есть пистолет. Буквально у каждого. Так что уровень преступности очень низкий. Ты лезешь к кому-нибудь в дом. И получаешь пулю в лоб. Ты пытаешься грабить банк. И получаешь пулю в лоб. Слушаешь музыку слишком громко. Получаешь пулю в лоб. Ходишь по улице и палишь из своей пушки – просто так, для развлечения. Получаешь пулю в лоб». Люди в администрации профессионального спорта неизменно и безукоризненно вежливы, но Джим всегда опасался, что однажды, погожим утречком, Айс завалится к нему домой с парочкой мертвых продюсеров и любезно попросит их похоронить.

И наконец, его работа – при всей своей занимательности и приятности – была какой-то слишком уж несущественной. Носить костюм. Просматривать корреспонденцию, изредка отвечать на письма. Поднести сумку. Вызвать такси. Купить выпить. Смеяться, когда босс рассказывает анекдот. В общем, это не та работа, которая приносит удовлетворение.

Однажды ночью, в четыре утра, его разбудил звонок. Он вскочил к телефону, но в темноте запнулся и ударился головой о дверной косяк. Разбил голову в кровь. Звонил один из их с Айсом боксеров. Из отеля в Лас-Вегасе.

– Джим, дружище, у меня тут проблема...

У него все внутри оборвалось. Изнасилование? Убийство? Наркотики? Сломанная рука? Азартные игры? Вооруженное нападение?

– ...в ванной нету затычки.

Даже в полусне, совершенно одуревший, с разбитой в кровь головой, Джим мгновенно все взвесил: расстояние между Лондоном и Лас-Вегасом, тот немаловажный факт, что боксер пробудет в Америке еще несколько дней, еще более важный факт, что Айс ему очень симпатизирует, также значимый факт, что боксер был многообещающим парнем, но далеко не звездой (атлет в легчайшем весе, который живет с мамой). У него было два возможных ответа: «Слушай, придурок, а не пошел бы ты в жопу». Или: «Дарий, ты позвони администратору, и они все уладят». В итоге, он сам позвонил, все уладил, договорился, чтобы Дарию немедленно принесли эту несчастную затычку, но этого он себе не простил.

И как раз после этого он ушел. И в первое время вовсе не жалел, что ушел.

Гарридо, продавец офисной техники, который ставил компьютеры в конторе у АЙса, показал Джиму, как пользоваться Интернетом. Гарридо был единственным в Великобритании честным продавцом офисной техники и единственным, кто мог объяснить все толково, наверное, потому что он знал, чем торгует. Тогда еще Интернет был для многих в новинку. Если ты заводил разговор о всемирной сети, обычно тебе отвечали: что? Работая на АЙса (кошмарные маленькие очечки, прическа, которая, может быть, и была модной лет двадцать назад, дешевый костюм, типичный ист-эндский грубиян в третьем поколении), Джим ничему не научился, разве что узнал, в каких клубах и барах любят оттягиваться боксеры.

А он хотел научиться у АЙса премудростям бизнеса. Потому что, когда у него появилась своя компания, все его визги и писки по поводу независимости и свободы были раздавлены и размазаны по земле, как щенок под колесами джаггернаутовой [1 - В индийской мифологии Джаггернаут - одно из воплощений бога Вишну; в переносном смысле - безжалостная, неумолимая сила. - Примеч. пер.] колесницы. Правительство, муниципалитет, коммунальные службы, твои собственные клиенты и служащие, уборщицы и соседи, система почтовой связи, производители телефонов с автоответчиком, общественный транспорт, дорожное движение - вся планета становится в очередь, чтобы отвесить тебе пинка, если ты хочешь открыть свое дело. Джим никогда в жизни не чувствовал себя по-настоящему одиноким, пока не открыл небольшую компанию «Последняя правда» (в честь стиля каратэ, который он изучал две недели).

Он уже начал всерьез сомневаться в своих умственных способностях. Может быть, он свалял дурака. Кругом столько вранья. Столько неправды. Может быть, он - единственный такой одаренный, кто всему этому верит? Может быть, это вранье - просто условность, которую все принимают, но никто не относится к ней серьезно? Как названия улиц, к примеру. Та же Кембридж-серкус не имеет вообще никакого касательства к Кембриджу. В общем, все это очень большая задница. Такая же дрянь, как и присловье, что тяжелый труд так или иначе вознаградится. Ага. Разбежались.

Или взять то же великое заблуждение, что Лондон - это якобы город. Никакой это не город. Это сплошная война. Конечно, людей не убивают в открытую прямо на улицах и не распикивают их тела по канавам - видимость приличий все-таки соблюдается. Грабежи, мародерство и массовая резня, как правило, происходят за закрытыми дверями и ставнями, в укромных местах, куда не заглядывают посторонние. Но от этого они не становятся менее жестокими. Кстати, все это раскрылось совсем недавно. Правда была ужасной. От нее плохо пахло. Как в плохих боевиках: если ты узнаешь правду, тебе затыкают рот. Или как в жизни: как только ты начинаешь въезжать, что происходит на самом деле, ты сам себе затыкаешь рот. Навсегда. Мертвые не болтают.

Джим потратил немало энергии, жалея о том, что время не повернешь вспять. Ему хотелось вновь стать молодым - чтобы настучать себе по голове и вбить в эту дурную голову одну очень простую истину: ползай на брюхе, виляй хвостом, но устройся на нормальную работу, получай свои деньги и делай что хочешь по выходным. Его одержимость идеей, что тебе оплачивают выходные - что у тебя есть возможность просто отдохнуть, даже не две недели, даже не неделю, а хотя бы два дня, когда тебе не нужно ни о чем думать, когда можно просто отключиться от всех забот и вообще ничего не делать, - уже начинала его пугать. Был только один верный способ не думать об оплачиваемых выходных - думать о том, что тебе оплачивают больничный. Ты несколько дней лежишь дома в постели... а тебе «капают» денежки (а коллегам приходится вкалывать за тебя, пусть даже никто не справляется с твоей работой так же хорошо, как ты). Наверное, это и есть рай на земле. Джим ужасно завидовал всем этим скромным служащим на твердом окладе, которые по окончании рабочего дня спокойно уходят домой и не думают о работе до завтрашнего утра. Вот оно - простое человеческое счастье.

Искатели приключений, которые искренне полагают себя рисковыми людьми – со всеми своими поездками на велосипеде по местам боевых действий, прыжками с парашютом, альпинизмом, прыжками с мостов на резиновых тросах, охотой на крокодилов, – даже не представляют себе, что такое настоящий риск. На свете нет ничего опаснее, чем затевать свое дело. Когда ты сигаешь из самолета, ты рискуешь только жизнью; когда ты владеешь компанией, пусть даже скромненькой мелочной лавкой, ты рискуешь бессмертной душой.

Когда Джим проходил мимо театра Святого Мартина, на него налетела мелкая худосочная шестнадцатилетка (с ней были еще две подружки: первая такая же мелкая и худосочная, а вторая на редкость страшненькая), причем с такой силой, которую трудно предположить в мелкой и худосочной шестнадцатилетке. В руке у каждой было по банке пива. И они не смотрели по сторонам, потому что приехали из Саттона-чего-то-там и были слегка не в себе от обилия впечатлений.

Наверное, это единственное, что оправдывает проживание в ядовитом и шумном Лондоне; возможность снисходительно усмехаться в адрес провинциалов, которые приезжают из совершенно дремучих мест, где самая волнующая из новостей – это специальные скидки в местном супермаркете.

Джима бесили туристы. Куда бы ты ни пошел, буквально везде тебя поджидает толпа восторженных школьников-итальянцев, которые пребывают в твердой уверенности, что им явилось божественное откровение, потому что они стоят на куске бетона чуть к северу от этой великой сточной канавы под названием Темза.

Тот черномазый удалбанный наркоман толкнул Джима совсем не специально, что совсем уже ни в какие ворота не лезло. Он вообще не заметил Джима, который сердито взглянул на него. В этом есть что-то не то, когда тощий недомерок ростом пять футов четыре дюйма натывается на здорового мужика ростом шесть футов и дюйм и весом (пусть даже он управляет своей компанией) пятнадцать стоунов. В этом есть что-то неправильное. Джим скользнул взглядом по прыщавой физиономии, и вдруг на него снизошло озарение. Он понял, почему рабство держалось так долго; он знал собак, у которых на морде было больше смекалки и интеллекта, чем у этого парня.

Искушение вмазать ему по роже – чтобы в следующий раз этот придурочный видел, куда идет, – было практически неодолимым. Джим вдруг с ужасом осознал, что не сделал этого лишь потому, что шел на встречу с клиентом и кровь у него на рубашке смотрелась бы несколько вызывающе. С ним явно творилось что-то нехорошее. Ему нужно было как следует отдохнуть.

Он нашел нужный дом и, отдуваясь, поднялся пешком по лестнице; четыре пролета по крутым ступенькам. По странному совпадению офисы всех перспективных клиентов располагались на любом этаже, кроме первого, и обязательно в здании без лифта. Это была совершенно новая компания, состоявшая из единственного дизайнера с козлиной бородкой и образованием не выше среднего.

Но дизайнера на месте не оказалось.

– Мы пытались вам позвонить, – сказала секретарша с поразительно искренним участием. Полчаса назад маму дизайнера увезли в больницу, и ему пришлось срочно сорваться. Мобильный у Джима был выключен, потому что он не купил новую батарейку, а батарейку он не купил потому, что у него не было на нее лишних средств; у него не было лишних средств и на мобильный тоже, но не иметь мобильного телефона сейчас считается неприличным. И вот ведь что самое мерзкое: это была действительно уважительная причина. Джим чуть ли не пожалел, что это было не обычное «забыл о встрече» или «еще не пришел с

обеда» – тогда бы он с полным правом обиделся, психанул и вычеркнул бы эту контору из списка возможных партнеров.

А теперь ему придется тащиться сюда еще раз, чтобы выслушать сто и одну причину, почему они не нуждаются в его услугах по созданию веб-сайта для их компании. «Вот он я, – невесело размышлял Джим, – в нужное время и в нужном месте, но у меня все равно ничего не выходит».

Когда он вышел обратно на Олд-Комптон-стрит, его едва не сшиб в канаву здоровенный байкер, который вывалился из бара, где торговали спиртным навынос. Мужик был действительно слишком здоровый, так что Джим даже не стал рассматривать гипотетическую возможность набить ему морду и ограничился выразительным взглядом. На спине его черной косухи было вышито – в мастерском исполнении – изображение скелета на мотоцикле. Это был крепкий и мощный скелет с хорошо развитыми грудными мышцами, массивными ручищами, высокими резкими скулами и идеальной осанкой. Увешенный всякими металлическими прибабасами, в бандане на черепушке и с косой за плечами, скелет улыбался во все тридцать два зуба. Внизу была надпись: Смерть гоняет на «Харлее» .

Это тоже была ложь. В прошлом месяце Джиму пришлось исполнить одно неприятное поручение: у его соседа была собака, старый-большой коккер-спаниель, которого нужно было свезти к ветеринару, чтобы тот его усыпил. Поначалу Джим переживал, что его полная неспособность выказать пусть даже видимость жалости к этому шелудивому псу говорит о его столь же полном бездушии; но даже он возмутился, когда увидел, с каким скучающим видом ветеринар исполняет свою работу. Еще секунду назад Осло был глупым, глухим и вонючим псом и вдруг стал просто комком грязной шерсти. От его собачьей индивидуальности не осталось вообще ничего. Ничего. Ветеринар даже и не попытался как-то смягчить боль утраты, не сказал Джиму ни слова сочувствия. Его больше заботило, как бы успеть выпить чаю в промежутке между двумя посетителями.

Смерть не будет ни наглой, ни дерзкой. Она не будет изящной и утонченной. И сексапильной не будет, и впечатляющей тоже. Смерть – слово женского рода. Но смерть – это не женщина, а мужик типа того ветеринара. Равнодушный. Скучающий. Ему наскучило людское позерство, и сами люди наскучили тоже. Он лысый. И толстый. И плохо одет. Ему нечего нам сказать. У него нет ни такта, ни денег, ни перспектив. Он невыразительный и незаметный. У него маленький член. Он из тех, кого если и приглашают пойти на футбол, то в последнюю очередь; из тех, кто будет скромно сидеть в длинной очереди, дожидаясь пособия по безработице. Смерть – это маленький мусорщик, тихий, как мышь. Он ездит в общественном транспорте и никогда не скажет ничего интересного.

Джим вернулся к себе в контору. Бетти был на месте, хотя делать ему было нечего. (Впрочем, он всегда находил, чем заняться со своим обожаемым компьютером.) Бетти даже не спросил у Джима, как все прошло с клиентом; он был полностью поглощен какой-то бродилкой-стрелялкой, но не играл, а ломал коды паролей и переписывал их заново.

Когда Джим познакомился с Бетти (который шел в качестве бесплатного приложения к партии машин из одного обанкротившегося компьютерного магазина), тот – в приливе непонятной, нетипичной для нашего времени и совершенно безумной откровенности – рассказал ему, что так его звали в школе и что он ненавидит это дурацкое прозвище. От школы тебе не избавиться никогда, хотя поначалу и кажется, что ты распрощался с ней навсегда. Джим использовал любую возможность, чтобы назвать Бетти его школьным прозвищем. Потому что – к чему отрицать очевидное? – все мы любим терроризировать ближних.

Сейчас в фирме Джима осталось лишь два человека: сам Джим и Бетти. Вообще-то, если по справедливости, Бетти – компьютерный гений – достоин был лучшей участи. Если по справедливости, он должен был бы работать в каком-нибудь крупном правительственном учреждении на должности старшего программиста. Их же фирма использовала в работе уже готовые программы, которые Джим был вполне в состоянии освоить самостоятельно, если бы дал себе труд внимательно прочитать руководства. То, что Бетти работал в фирме у Джима, было сродни тому, как если бы какой-нибудь средней руки бакалейщик нанял Эйнштейна, чтобы тот подметал полы у него в магазине.

Тогда почему Бетти не уходил? Джим много чего не умел. Не умел ездить на одноколесном велосипеде, не умел жонглировать мачете и не говорил по-португальски. Но при наличии времени и желания он мог бы добиться некоторых успехов в любой из этих областей. Бетти же не умел общаться с людьми. И был патологически не способен этому научиться. Например, он не мог никому позвонить. Если бы у него в доме случился пожар, то он бы скорее сторел заживо, чем позвонил пожарным. Он мог заставить себя ответить на чей-то звонок, да и то не всегда и скрипя зубами (и если такое случалось, потом он весь день себя чувствовал абсолютно разбитым); но позвонить сам он не мог – как не мог, например, сделать тройное сальто назад.

При таком роде деятельности Бетти мог бы заработать себе на хлеб с маслом, если бы работал дома. И Джим, кстати, тоже. Но они были связаны неким причудливым пактом обоюдного обнищания. Джим недоплачивал Бетти с самого начала; потом – чувствуя себя при этом последней сволочью, – Джим наполовину урезал ему зарплату с двухсот до ста фунтов в неделю, объяснив это фантастической невезухой с клиентами (чистейшая правда) и клятвенно заверив Бетти, что сокращение зарплаты – мера исключительная, чрезвычайная и, разумеется, временная. Когда Джим понизил зарплату Бетти до пятидесяти в неделю, он втайне надеялся, что Бетти возмутится и сам попросит расчет. Бетти не получал ни пенни уже два месяца, но номинально он оставался штатным сотрудником на твердой ставке, стало быть, сам Джим оставался его начальником. Джим подумывал о том, чтобы сократить Бетти зарплату до тридцатки в неделю, но решил, что не стоит, поскольку подобный шаг выставил бы его самого в крайне невыгодном свете – из злостного и даже хамского эксплуататора он бы превратился в эксплуататора патетического, а Джим ненавидел патетику.

– Да, я понимаю, – пошептал Бетти в трубку. У Бетти была привычка говорить очень тихо, когда он разговаривал по телефону, и еще прикрывать рот рукой. Он почему-то считал, что так Джим его не услышит: в совершенно пустом кабинете, сидя не далее чем в пяти футах от него.

В первое время у них была секретарша, Вера. Джиму она очень нравилась. Он очень долго соображал почему и наконец понял: Вера была законченной неудачницей. Каждый день перед работой она по два часа изнуряла себя в тренажерном зале, но лишь прибавляла в весе. Ее постоянно грабили на улице, у нее угоняли машину и обворовывали квартиру как минимум раз в месяц. Стиральные машины рвали ее белье. Женатые мужчины, с которыми она крутила романы, обращались с ней как с последней шлюхой. Разумеется, все ее романы заканчивались плачевно. Она постоянно собачилась со своими соседками по квартире, а все свободное время посвящала поискам новой квартиры и попыткам выцепить почту со старой. Она всегда забывала покупки в автобусе.

Присутствие Веры действовало ободряюще, но Джим оценил это только тогда, когда нанял Ребекку. Ребекка была настоящей красавицей, и Джим принял ее на работу прежде всего из-за заманчивой перспективы закрутить легкий романчик с красивой женщиной (чего с ним не случалось уже много лет).

Но у Ребекки был один недостаток: она была счастлива. Однажды вечером Джим зашел в один бар и увидел Ребекку в компании друзей. Она смеялась, ей было классно, и глядя на все это безобразие, Джим решил ее уволить. Дела в конторе шли хуже некуда, и он бы уволил ее так и так, но толчком послужило именно то, что Ребекка имела наглость получать удовольствие от жизни. Джим вдруг осознал, что за последние пять лет – пока он занимался своим скромным бизнесом – он не был счастлив ни разу. У него не было рака, он не испытывал настоящей нужды, не пребывал в безысходном отчаянии двадцать четыре часа семь дней в неделю, но он либо работал как проклятый, либо беспокоился о работе, либо безуспешно пытался устроить свою личную жизнь. Каждое утро он просыпался невыспавшимся и разбитым и оставался таким же невыспавшимся и разбитым до вечера. Целый день ходил вялым и мутным. Ни минуты воодушевления или бодрости. За все это он отомстил Ребекке, что возмутило его самого, но смутно и словно издалека – как это бывает, когда смотришь по телевизору очередной плохо снятый репортаж о жестоких репрессиях в некой непонятной стране, которую ты никогда не сумеешь найти на карте; всего лишь «ну надо же, что творят» перед тем, как достать еще пива из холодильника.

– Я понимаю, – сказал Бетти в трубку.

Джим улыбнулся блистательной Серафине, которая как раз входила в соседнюю дверь. Он так до сих пор и не понял, зачем ей свой офис. Тренер по фитнесу, которая выезжает к клиентам на дом, могла бы вести все дела по мобильному телефону. Наверное, офис для Серафины был показателем и подтверждением успеха, как и ее спортивный автомобиль. Она приходила два раза в неделю. На полчаса или – от силы – на час. Как обычно, на ней было платье самых что ни на есть невозможных цветов, сегодня – ярко-зеленое с ядовито-желтым. Крошечная облегающая фитюлька, на грани разрыва растянутая на ее безупречных формах. Хотя при ее красоте и фигуре Серафина могла бы напаять на себя мешок для мусора и все равно привлекать к себе восхищенные взгляды мужчин; на нее можно было смотреть и смотреть, но сколько бы ты ни смотрел, тебе все равно было трудно поверить, что такое роскошное тело вообще существует в природе. В этом и заключалась ее работа – безупречная вариация проституции.

Еще два-три года назад Джим бы попробовал к ней подкатиться. Ясное дело, она была слишком красивой и преуспевающей женщиной, чтобы его понять (мы говорим «Серафина» – подразумеваем «Успех»), но он бы попробовал все равно. Он проигрывал свою битву; внутри обосновывался неприятный застой. Он стал замечать странный запах – запах нестираного кухонного полотенца, который преследовал его повсюду. Он принимал душ каждый день, но запах все равно оставался. Он ежедневно менял белье, остервенело терся мочалкой, не жалел ароматных лосьонов, но впечатление было такое, что его постоянно обрызгивали этим запахом увядания. Его тело заживо разлагалось, еще не успев лечь в могилу.

Нет. Сейчас для него было бы истинным наслаждением заполучить хорошую качественную фотографию Серафины в голом виде, которая всегда была бы при нем для продолжительной стимуляции воображения. Так было бы проще для всех. И никому бы от этого не было плохо. Когда Джим учился в школе и представлял себе взрослую жизнь, больше всего его привлекало то – хотя он бы в жизни в этом не признался, – что у него будет жена, ради которой не жалко будет умереть и которая будет готова умереть ради него. Теперь же выбор ресторанов, где можно поужинать (по средствам), и фильмов, которые хочется посмотреть обоим, необходимость постоянно следить за собой, чтобы не сказать чего лишнего или вообще чего-нибудь не того, – все эти «мелкие радости» казались ему слишком обременительными и напряженными. Именно его неуместные замечания обычно и приводили к разрыву с подругами («Лейбористы должны победить», «У тебя шикарные ноги», «Я тебя люблю»); на самом деле, гарантированно безопасных фраз не существует вообще, но можно хотя бы

попробовать отфильтровать те заявления, которые стопроцентно губят отношения, и по возможности их избегать.

Скоро все должно кончиться. Злость и ярость почти иссякли. Но это было не то состояние смирения, в которое специально вгоняют себя безнадежно больные люди, когда понимают, что ярость и злость им ничем не помогут. Банкротство стало бы облегчением, бальзамом на рану, потому что тогда у него появилось бы оправдание, чтобы сдать без боя. Может быть, он бы сумел устроиться куда-нибудь на работу. Богатым он бы, конечно, не стал, но зато жил бы себе без напрягов и тяжких раздумий.

- Я понимаю, - сказал Бетти и повесил трубку.

- Тут это... ну, в общем... я скоро вернусь. - Бетти надел куртку и вышел, оставив Джима одного в кабинете, в этой ненасытной пасти - размером 20 на 22 фута и 10 футов в высоту, - которая жрала только наличность. Бетти пошел чего-то там исправлять. У него были друзья, которые работали на крупные фирмы и которые время от времени обращались к нему за помощью, если что вдруг напортачили. Когда у кого-то из этих высокооплачиваемых суперспециалистов случался конкретный затык, когда что-то вдруг замыкало в их гениальных мозгах, а клиенты уже поторапливали, они потихонечку вызывали Бетти, чтобы он разрешил эту безвыходную ситуацию. Ясное дело, ему не платили ни цента. Однако он все равно с удовольствием брался за эту работу, но только в том случае, если проблема была действительно серьезная. Простые проблемы (компьютер, не включенный в сеть) приводили его в бешенство; но настоящее бедствие, на преодоление которого уходило пять суток упорной работы без перерывов на сон и еду, вливало в него столько сил, что он буквально летал на крыльях.

Когда Джим начинал, в Лондоне было всего три дизайнерские компании. Тогда главной проблемой было растолковать потенциальным заказчикам, что такое веб-сайт. Имелось три варианта ответа «нет». Вариант: я этого не понимаю. Вариант: это очень интересно, и вы абсолютно правы, но сначала пусть все устаканится, а потом мы обязательно с вами свяжемся. И вариант: спасибо, у нас уже есть свой веб-сайт.

А потом откуда-то вдруг появились десятки конкурентов. Плюс к тому у крупных компаний теперь были свои дизайнерские отделы, а мелкие фирмы предпочитали покупать готовые сайты «массового производства», не озадачиваясь оригинальными разработками. Джим стоял у истоков этой золотой лихорадки, а в итоге остался с носом. Он на собственном опыте убедился, что пионеры не достигают «богатства и славы»; пионеры без гроша в кармане либо тихо спиваются в каком-нибудь затрапезном баре в тщетных поисках благодарных слушателей, либо умирают от холода, а закутанные в меха грабители и пираты топчут их кости.

Джим склонился над компьютером Бетти. Это был его личный комп. Из-за острой нехватки свободных средств Джим просто не мог обеспечить Бетти казенной машиной. Тем более такой мощной. Это была самая современная и продвинутая модель на текущий месяц, с самым козырным процессором.

Бетти, однако, совершенно не разбирался в «железе». Джим тоже особенно не разбирался, но его скромных познаний хватило на то, чтобы раскрутить корпус и достать материнскую плату. Он положил ее на пол и осторожно наступил на нее ногой. Потом он вернул плату на место.

Теперь ему есть чем заняться, пока меня не будет, подумал Джим. Эта поездка во Францию - даже не отпуск. Это - его последний шанс.

Дождь обрушился на приземлившийся самолет с таким остервенением, как будто пытался пробить обшивку и добраться до Джима. Глядя в иллюминатор на

сплошную стену воды, за которой едва угадывалось здание аэропорта, Джим с трудом сдерживался, чтобы не разрыдаться.

Да, это было несправедливо. Нечестно. Он прилетел на юг Франции в середине августа – из Лондона, где впервые за последние четыре месяца показалось солнце, – потратив на это деньги, которых у него не было. И попал в настоящий ливень. У него восемь лет не было отпуска. Он подсчитал это в полете. В последний раз он был в отпуске восемь лет назад: ему выплатили отпускные, и он совершенно спокойно поехал отдыхать. Конечно, за эти несчастные восемь лет он работал не каждый день. Не каждый, но близко к тому.

И вот теперь, когда его самолет приземлился в Ницце, ему приходилось бороться с собой, чтобы не разрыдаться и не закричать во весь голос: «У меня восемь лет не было отпуска. Я живу в городе, где почти никогда не бывает солнца. Я не прошу ни о чем сверхъестественном. Мне всего-то и нужно пять дней хорошей погоды. Всего лишь пять дней. Я специально для этого и прилетел сюда, на юг Франции – край, знаменитый обилием солнца, и особенно в середине августа, в самый жаркий сезон. Мне не нужно культурной программы. Не нужно никаких развлечений. Мне даже женщины не нужны. Я прошу об одном: о пяти днях хорошей погоды».

Когда Джим сидел в турагентстве в тихом шоке от цен на билеты (он слишком поздно решил, и билетов в экономический класс уже не было), он никак не мог сообразить, на сколько дней ему ехать.

Можно было устроить себе долгий уик-энд, прихватив пару дней к выходным. Итого, значит, четыре. Соблазнительная идея. Но это как-то совсем не похоже на отпуск, тем более что день прилета и день отлета нельзя считать за дни полноценного отдыха. То есть на все про все остается два дня. Какой смысл лететь на два дня?! Больше всего ему нравилась мысль о двух неделях (да и кому бы она не понравилась), но это было никак невозможно: к тому времени его офис давно бы сдали кому-то другому. К тому времени про него позабыли бы даже его кредиторы. Объективно неделя – это немногим больше, чем пять дней. Хотя звучит очень даже больше. Что такое пять дней? По сути, одна рабочая неделя. Но звучит совершенно иначе. Пять дней звучит как пять дней. Почти так же, как два или три дня. А на деле ты получаешь еще два дополнительно. На самом деле Джим переживал даже за эти пять дней. Потому что – по закону подлости – именно в эти пять дней ему могли позвонить насчет очень крупной и прибыльной сделки. Впрочем, стоит учесть, что за все время существования фирмы потенциальные клиенты сами звонили им крайне редко, так что если кто-то действительно будет заинтересован в их услугах, несколько дней он вполне подождет. Несколько дней все равно ничего не решат, поскольку создание веб-сайта – процесс трудоемкий и долгий (включающий месяцы переговоров и предварительных наметок, которые будут еще по сто раз переделаны). Однако Джим все равно опасался, что если его не будет на месте, чтобы лично сказать клиенту: «На этой неделе я в отпуске, так что давайте назначим встречу на следующей», – сделка накроется медным тазом.

Он знал, откуда идет этот страх. Был один случай. В тот непродолжительный первоначальный период, когда Джим еще находил удовольствие в том, что он работает исключительно на себя, а не на какого-то постороннего дядю. Тогда он еще позволял себе роскошь в виде долгих обеденных перерывов и двадцатиминутных солнечных ванн на Сохо-сквер. Однажды он так вот нежился на солнышке, а по возвращении в офис обнаружил, что звонили из французского посольства – в 12.15 (ровно через три минуты после того, как он ушел на обед). Когда же он перезвонил им в 15.37 (он специально засек время), они уже обратились в другую дизайнерскую компанию. В этой связи Джим ужасно расстроился. Он уже представлял себе, как по-свойски захаживает во французское посольство, и все французские женщины обещающе

ему улыбаются – и он улыбается им, даже самым страшеньким. Но больше всего он расстроился потому, что, как потом выяснилось, заказ «ушел» к Крессуэллу. Да, Джим боялся. Это был страх пропустить жизненно важный звонок, сделку, которая вмиг его озолотит. Собственно, именно по этой причине (не считая отсутствия денег) он восемь лет не ходил в отпуск.

Девушка из турагентства сверлила его глазами. Она была вежливой и дружелюбной, но в ее взгляде сквозило явственное раздражение. Джим безнадежно «завис». Он никак не мог сообразить, на сколько же дней ему ехать. Никак не мог решиться. Многие люди женятся и выходят замуж, не обременяя себя такими упорными размышлениями и сомнениями, какими терзался Джим. Он никак не мог выбрать: пять дней или все же неделя. Мозги отказывались соображать. С тем же успехом девушка-туроператор могла бы попросить его умножить в уме 123 768 на 341 977.

Джим лихорадочно соображал, пытаясь придумать, как бы перевести разговор на другую тему, чтобы скрыть свой умственный паралич. Это было весьма прискорбно, если подумать: сидеть в турагентстве, не в силах решить, что тебе надо, и при этом не в силах встать и уйти. Куда ни кинь – всюду клин. Полная неспособность к действию. Ему почему-то казалось, что это – самое важное решение в его жизни, и он не может его принять. Но если он сейчас уйдет, он уже никогда не поедет в отпуск и просто сломается. В голову лезли самые что ни на есть неприятные мысли. Например, что он всегда принимает неправильные решения. Он копался в себе в поисках хоть какой-то подсказки: чего ему хочется по-настоящему.

– Вы футболом не интересуетесь? – спросил он у девушки-туроператора.

– За пять дней можно неплохо отдохнуть, – сказала она. Ее нельзя было винить. Продать один билет до Ниццы – не такое уж и захватывающее событие в ее практике. В агентстве уже собралась очередь. Трое человек нетерпеливо ждали, когда их обслужат. Причем они наверняка собрались покупать индивидуальные туры в Мельбурн для всей семьи. Может быть, это был далеко не первый случай, когда в агентство приходил такой вот нерешительный идиот в состоянии полного мыслительного нестояния. К несказанному изумлению Джима, его кредитная карточка не была заблокирована – лишнее подтверждение тому, что банки, оформляющие кредитки, крайне небрежно следят за превышением лимитов. Джима переполняла жгучая благодарность к этой девушке из турагентства, и он даже подумал преподнести ей букет цветов. Но притащить ей цветы означало бы признать себя конченным неудачником, тем более что тогда бы ему не хватило денег пообедать. Может быть, это была самая ценная помощь, которую он получил за всю жизнь, – тот самый спасательный круг, который не даст ему утонуть в себе.

Спускаясь по трапу, Джим еще раз себе повторил, что дождь не такая уж и трагедия. Все равно уже пять часов вечера, и сегодня он так и так не попадет на пляж; а поскольку в августе здесь никогда не бывает дождей, то можно с уверенностью предположить, что завтра дождя точно не будет, поскольку сегодняшний дождь исчерпал весь лимит вероятности, а завтра Джим может валяться на пляже сколько угодно, главное, не заработать ожоги.

У багажной ленты он убедился, что это действительно был Чарли Кидд. В Хитроу он заметил кого-то очень похожего на Кидда на другом конце зала отлета, но он не был уверен на сто процентов, и ему было лень вставать и тащиться в другой конец зала. Кидд, адвокат, в свое время оказывал кое-какие услуги Айсу, и последний раз Джим его видел несколько лет назад, когда он садился в такси с двумя женщинами, с которыми определенно собрался залечь в постель; они не были ослепительными красавицами, но и уродинами тоже не были. С одной из них Джим пообщался на вечеринке – с той, которая наполовину бирманка, психотерапевт, с явным намерением весело провести ночь, – но он обхаживал ту американскую студентку, явно

посимпатичнее. Она писала диплом по разрешению конфликтных ситуаций и держалась весьма дружелюбно, и Джим слишком поздно сообразил, что она держалась дружелюбно буквально с каждым, кто был готов ее выслушать, и не питала к нему никакого особого интереса.

Кидд стоял на другой стороне багажной ленты. Багажа пока не было. Джим решил не подходить и не здороваться. Он был вымотан до предела. Он ничего не имел против Кидда. На самом деле Кидд ему даже нравился, но им было совершенно не о чем разговаривать, и если он подойдет к Кидду, чтобы поздороваться и поболтать, тот наверняка его спросит «Как процветает бизнес?», и Джиму придется ответить, что «Бизнес да, процветает», а он никогда не умел врать убедительно. Деловым партнерам ты никогда не расскажешь про свои стесненные обстоятельства, а друзей загружать неприлично. «Если не случится какого-то чуда, на той неделе я буду вешаться». Нет, так друзьям не говорят.

Багажа по-прежнему не было. Минут через десять Джим все-таки подошел к Кидду. В противном случае он бы просто заснул, где стоял. Как ни странно, но Кидд вроде бы был очень рад его видеть:

- Что ты здесь делаешь?

- Приехал, в гости к приятелю на пару дней.

- Я тоже приехал к приятелю. У него вилла неподалеку от Сен-Тропез. Там есть бассейн. Большой бассейн. И вообще, все, что нужно для отдыха. Так что не надо даже никуда выходить. В это время года на пляжах вообще делать нечего. Если хочешь, поедem со мной.

Как-то так вдруг получилось, что все приглашают его погостить на вилле на юге Франции. Весьма заманчиво, правда? Вилла Хьюго была где-то под Ниццей, и Джим нисколько не сомневался, что по сравнению с предложением Кидда это будет унылое и убогое место. Кидду даже не нужно расхваливать виллу своего приятеля. Джим был уверен, что это будет настоящий дворец, буквально набитый роскошными, потрясающей красоты французенками – голыми и охочими до хорошего секса. Да, все именно так и будет. Сначала ты веришь, что жизнь – штука волнующая и прекрасная, потом начинаешь думать, что это не так, а потом понимаешь, что жизнь действительно хороша, но не для тебя. Только по списку приглашенных. А тебе остается только подглядывать в замочную скважину.

На самом деле был один способ пробраться наверх, к этой приличной и даже роскошной жизни. Наверное, единственный способ. Выгодно жениться. На богатой старухе. Отец Кидда владеет парочкой улиц в Лондоне, один из его братьев – член парламента, другой держит целую сеть ночных клубов в Европе, и при этом сам Кидд – человек очень приятный и милый. Джим весьма ему симпатизировал и даже подумал о том, чтобы забить на Хьюго, который временами бывал откровенно нудным. Но Хьюго ждал его на выходе из аэропорта, и Джим просто не мог его кинуть так злобно. Как бы он ни старался, быть говнюком у него получалось плохо.

Сумка Кидда выползла на багажной ленте второй. Джим пожелал ему удачного отдыха, а сам ждал еще полчаса, пока не покажется его багаж. Ему уже стало казаться, что сейчас его скрутят злые таможенники, и ему придется отбивать свою сумку с боем.

Хьюго ждал его на выходе. Несмотря на кошмарный дождь, он был в шортах и майке.

- Чего ты так долго?

- Да так, ублажал одну стюардессочку, - сказал Джим. Хьюго, похоже, воспринял его слова серьезно. Это произвело на него неизгладимое впечатление. Должно быть, в его глазах Джим выглядел таким диким зверем и сексуальным монстром. Тот, кто сам не занимается частным бизнесом, обычно уверен, что это - сплошное удовольствие и разнузданное распутство, семь дней в неделю двадцать четыре часа в сутки, - хотя на самом деле это тяжкий и неблагодарный труд, и большинство деловых операций Джим разрабатывал на маминой кухне, и доходов у него не было никаких, и все это было еще скучнее, чем стоять в длинной очереди на почте.

Они с Хьюго знали друг друга еще со школы. Они никогда не были особенно близки, но они жили рядом и ходили домой после уроков одной дорогой. Со школьных лет у Джима сохранилось два ярких воспоминания о Хьюго. Его частенько поколачивали одноклассники, потому что он немец (хуже немцев были только черные), хотя он, конечно же, сам нарывался, открыто болея за немцев в футболе; и член у него был похож на кабачок, за что его тоже изрядно мутузили. Хьюго являл собой яркий пример того, что наследственность не всегда срабатывает, как надо: его отец преподавал литературу в университете, а мама преподавала скрипку в музыкальной школе. Сам Хьюго за всю свою жизнь прочел, наверное, книг пять, не считая учебников (да и то под давлением родителей). Джим хорошо помнил, как он стеснялся показываться на людях в компании Хьюго, чтобы никто не подумал, что он дружит с таким идиотом.

После школы они почти не виделись, хотя кое-какие новости об успехах Хьюго до него доходили - его мама и мама Хьюго иногда встречались в супермаркете. А потом, где-то месяц назад, он случайно наткнулся на Хьюго в одном итальянском ресторанчике на Шарлотт-стрит. Хьюго сказал что у него теперь новая девушка - русская, что он на пару недель снял виллу под Ниццей, и почему бы Джиму не погостить у него несколько дней? Джима тронула искренняя теплота в голосе Хьюго, равно как и его великодушное приглашение, но он сказал «нет». Потом он подумал как следует и решил, что он зря отказался. Можно было бы и съездить. Ему определенно пора отдохнуть, и он был уже слишком старым, чтобы ехать куда-то совсем одному.

Джима также умилило, что Хьюго приехал встретить его в аэропорту. Но потом он вспомнил, что Хьюго был из тех людей, которые никогда не дадут вам займы пятерку, но зато с радостью довезут вас от Лондона до Инвернесса. Он, наверное, и в сортир ездил бы на машине, будь такое возможно.

Они пробежали через стоянку под проливным дождем, стараясь по возможности обходить лужи. Джим не особенно хорошо разбирался в машинах, но он был вполне в состоянии узнать новенький дорогой BMW. Это был агрегат из какой-то другой, параллельной вселенной. Джим никогда не рассказывал Хьюго, что он пытался устроиться на работу в тот же банк, где начинал Хьюго. Над такими обломами хорошо посмеяться только в компании близких друзей. Но Джим всегда думал, что он гораздо умнее Хьюго, и ему было очень обидно, потому что у Хьюго все получилось (пусть даже папенька Хьюго написал ему рекомендательное письмо), а у него нет. И еще потому, что это действительно очень обидно - когда ты готов продаться, и вдруг выясняется, что никто не горит желанием тебя купить.

Эта машина могла быть его машиной, снятая вилла под Ниццей могла быть его виллой, это он должен был бы приехать в аэропорт, чтобы встретить знакомого нищего неудачника из Лондона.

Несмотря на упорный дождь, у Джима слегка поднялось настроение. Здесь, во Франции, даже дорожные знаки были другие. Более утонченные и изящные по сравнению с родными британскими. Это было действительно здорово - вырваться из Лондона, устроить себе настоящий отпуск. Хьюго назвал ему городок, где была его вилла. Джим знал это место: от Ниццы пятнадцать

минут на автобусе. Но они ехали уже двадцать минут, причем на приличной скорости, и вскоре стало понятно, что то местечко, которое называл Хьюго, это совсем не то место, которое представлял себе Джим, и что понятие «под Нищей» весьма относительно. Чем дальше они отъезжали от побережья, тем с большей горечью и сожалением Джим вспоминал предложение Кидда насчет погостить на роскошной вилле в Сен-Троpez в компании голых красоток-аристократок.

– Катерина что-нибудь приготовит на ужин, а потом можно будет поехать в Канны, в какой-нибудь клуб, – сказал Хьюго, игриво ущипнув Джима за бедро. Щипок получился неслабым, так что вся нога онемела от боли.

Джима вовсе не привлекала мысль шляться по клубам. Он решил подождать пять минут, чтобы Хьюго подумал, что он забыл о щипке, а потом как следует ущипнуть Хьюго в ответ, но только не на повороте. Джим уже несколько лет не был в ночном клубе. И ему не особенно-то и хотелось; с шестнадцати до двадцати четырех лет он буквально не вылезал из клубов, но теперь его бросало в дрожь от одной только мысли о том, что ему придется платить за то, чтобы оглохнуть от музыки и быть помятым толпой бесноватых подростков, которые рвутся к бару, сметая все на своем пути. Он не спал трое суток – корпел над проектом сайта для одной звукозаписывающей компании, которая решила сделать заказ буквально в последний момент. Вот так всегда и бывает: ты месяцами сидишь, полируя ногти и мучаясь от безделья, но как только ты собираешься в отпуск, тебе предлагают заняться мультимиллионным проектом, причем в срочном порядке. Ты на ухах и не спишь двое суток, а потом тебе предлагают еще один срочный проект.

Ему позвонили из телекомпании, от человека с прикольной фамилией мистер Щастье – имя, конечно, запоминающееся, но совершенно не соответствующее действительности. Джим хорошо помнил мистера Щастье; среди характерных особенностей крупных компаний есть, в частности, и такая – люди, которые отвечают за подготовку и поддержку веб-сайта, как правило, ничего в этом деле не понимают. Это совсем уже никудышные работники, которых давно следовало бы уволить, но которых все-таки не увольняют. Либо потому, что они состоят в родстве с кем-нибудь из руководства, либо из жалости и симпатии к их семействам. Все твердят о зверином оскале большого бизнеса и о жесткой конкуренции, но Джим ни разу не слышал, чтобы кого-то уволили за некомпетентность или за полную неспособность к работе; увольнения происходили, когда компании не хватало средств платить всем сотрудникам, и там уже было не важно, гений ты или дебил. И естественно, ничтожества вроде мистера Щастье лучше всех приспособились прикрывать свою задницу.

Джим не разгибался неделю – готовил пакет документов и презентаций для Щастья. И не только из-за денег. Ему действительно нравилась эта работа, которая к тому же открывала самые радужные перспективы. Может быть, Щастью что-то не понравилось. Может быть, он чего-то не понял. Может быть, посчитал, что проект стоит слишком дорого. Может быть, ему предложили более выгодное сотрудничество. Может, он просто не получил документы. Джим так и не узнал, в чем дело, потому что не смог связаться с мистером Щастье, равно как и выбить хотя бы какую-то информацию или что-то похожее на информацию у его секретарши. Получить отказ – это само по себе неприятно, но получить отказ от пустоголовой девицы, чье единственное достижение в жизни – это умение подкрасить глаза... это было уже чересчур. Джим все лето названивал в офис мистера Щастье, в разное время дня, но к осени все-таки сдался.

А полтора года спустя мистер Щастье позвонил ему сам.

– Хотелось бы кое-что обсудить, касательно вашего предложения, – сказал он. Джим изрядно изумился явлению мистера Щастье. Может быть, именно потому у него и не шли дела – он никогда не умел поставить себя на место

кого-то другого. Зачем было ждать полтора года?! По-видимому, обычное скопище коммерсантов, дожидавшихся благосклонности мистера Щастье, штатных подхалимов и прочих разнокалиберных прихлебателей взяло временную передышку; но даже при таком положении дел неужели он всерьез ожидал, что Джим будет лизать ему задницу, когда он ему позвонит через полтора года?!

- Правда? - ответил Джим.

- Может быть, мы с вами встретимся завтра?

До этого Джим встречался с мистером Щастье всего один раз. В его офисе в Ньюкастле. В девять утра. Джим вышел из дома в половине пятого и отдал целое состояние за билет на электричку, но он все равно был в приподнятом настроении в предвкушении встречи; если потенциальный клиент предлагает встретиться лично, тут можно рассчитывать на хороший заказ. Встреча со Щастьем длилась ровно четыре минуты; Джим не мог думать ни о чем другом, кроме как о секретарше мистера Щастье, которая целыми днями только и делает, что потешается над своим боссом. Из этих четырех минут три с половиной Щастье потратил на то, чтобы живописать красоты Ньюкастла, а потом попросил Джима подготовить ему план проекта, что-то вроде запроса, за которым обычно следует обращаться к телефонным компаниям или на главпочтамт.

- У меня нету времени, - сказал Джим. Самое смешное, что это была чистая правда. Через двадцать четыре часа у него самолет. Он не спал двое суток, и ему еще нужно было закончить один проект, прежде чем мчаться в аэропорт. Телефонная трубка дрожала у него в руке.

Его бизнес рушился с такой скоростью, что у него просто не было времени заниматься бизнесом. Тем более что Щастье - это явная потеря времени. Джим был уверен на сто процентов, что мистеру Щастье просто нужен был кто-то, кто подтвердил бы его власть над людьми. Вот почему Джим не предложил ему встретиться, когда он вернется из Франции. А что, если он ошибался? Что, если эта заведомо дохлая с виду сделка была его единственным спасением, волшебной дверью к богатству и процветанию? Что, если Щастье, лукавый обманщик, все же предложит ему настоящий контракт?

- Тогда мы обратимся в другую фирму, - проворчал Щастье. Джим с отвращением отметил, как его запанибратский тон тут же переменялся на тон безжалостного убийцы.

- Ага, обратитесь в другую фирму и парьте им мозги.

- Вообще-то я думал лечь спать пораньше, - сказал Джим.

- Ну ты и сволочь, - насупился Хьюго. Все понятно. Джим совершил ошибку; ему надо было выказать безумный восторг по поводу похода в клуб, а после ужина разыграть тяжкое пищевое отравление. Он так устал, что у него уже начинались галлюцинации; вот и Кидда он поначалу принял за галлюцинацию.

Поскольку Джим выказал нежелание идти в клуб, теперь Хьюго сделает все возможное, чтобы вытащить его на предмет повеселиться. Хьюго практиковал такой мелкий бытовой садизм. Тем более Джиму следовало бы догадаться, что Хьюго переживал острый приступ болезни под названием «синдром молодой любовницы» и хотел доказать всем и вся, что он еще очень даже способен всю ночь колобродить, как в бурной молодости. Джим обратил внимание, что на заднем сидении валялась пара роликовых коньков. Еще одна декларация силы и бодрости тела и духа.

- А сколько лет Катерине?

- Двадцать два, - сказал Хьюго немного смущенно. Разница в четырнадцать лет не настолько и велика, когда речь идет о тридцати шести и двадцати двух, но - с некоторой натяжкой - Хьюго почти годился в отцы своей новой подруге.

- И как вы с ней познакомились?

- Помнишь моего приятеля Гэвина?

- Нет.

- Конечно, помнишь.

- Нет, я не помню.

- Гэвин. Гэвин. Вы как-то встречались у меня на вечеринке.

- А-а, да. Теперь вспомнил. - Разумеется, Джим не помнил никакого Гэвина, но ему не хотелось спорить с Хьюго.

Однако Хьюго завелся:

- Раз помнишь, тогда опиши его.

- Да при чем здесь вообще какой-то Гэвин?

- Опиши, какой он.

- Я не знаю. Как и любой человек..

- Какого цвета у него волосы?

- Темные.

- Ответ неверный. Вторая попытка.

- Светлые?

- Он носит очки?

- Я не помню, был он в очках или нет, когда мы с ним встречались.

- Ты вообще его не помнишь. Тогда почему ты сказал, что помнишь?

- Потому что я не хотел с тобой спорить.

- Ну, в общем, он теперь в Санкт-Петербурге, управляет сетью больших супермаркетов. Он завел себе русскую девушку, на которой потом женился. Я ездил к нему на свадьбу и там познакомился с Катериной; она подруга жены Гэвина. Так вот все и началось.

- И теперь она живет с тобой в Лондоне?

- Сейчас пока - да. Сделать ей визу - вот где был геморрой. Пришлось, мать его, нанимать адвоката. Какие-то письма писать, поручительства. Проволындался несколько месяцев. И мне пришлось заплатить за нее, чтобы она прошла курсы у Кристи. Ты представляешь себе, сколько стоят такие курсы? Все почему-то убеждены, что незамужняя русская девушка, которая хочет приехать в Англию, обязательно проститутка. А французы и вовсе зверствуют в этом смысле... я даже боялся, что нам придется отменить отпуск. Ей дали визу буквально за день до отъезда, уроды.

Айан как-то сказал Джиму, что подруга Хьюго – самая красивая женщина из всех, которых он видел в жизни. Джим подумал, что она должна быть и вправду красавицей, если Хьюго угрожал нее столько денег.

– А чем она занимается?

– Да, в общем, ничем. Ты же знаешь, в России сейчас почти все безработные.

Джим не верил, что они все еще едут. Где вообще эта хваленая вилла? Судя по всему, они сейчас были где-то на полпути к Парижу. Может быть, стоило бы отдубасить Хьюго?

– С ней еще подруга, Елизавета, – продолжал Хьюго. – Она несколько раздражительная, потому что за все это время, пока мы сидим на вилле, у нее не было мужика. Никто ей не нравился. Ты нас всех очень обяжешь, если возьмешь ее на себя.

Если Хьюго предлагает такое, стало быть, это полное табу.

– Обстановка с местами, где спать, сейчас... несколько напряженная, – сказал Хьюго. Джим напрягся, вспомнив приглашение Хьюго в ресторане. «И ты нас совсем не стеснишь, там полно места». – И если ты что-то такое закрутишь с Елизаветой, это существенно облегчит проблему со спальными местами. Но я знаю, какой ты тормоз по части женщин, так что на сегодня нам надо что-то придумать, где тебя положить. У нас там четыре спальни, вроде бы места должно хватить всем, но пару дней назад к нам неожиданно нагрянул приятель Ральфа. Так что расклад такой: в одной спальне мы с Катериной, во второй – Ральф, в третьей – Елизавета. Я хотел поселить тебя в этой спальне, но она всю неделю спала на диване в гостиной, пока не уехал Удо, так что теперь ее очередь спать нормально в отдельной комнате. Так что если ты не найдешь способ пробраться в спальню к Елизавете, придется тебе выбирать между спать на диване в гостиной или делить комнату с Дерекком, этим приятелем Ральфа. По крайней мере две ночи. А потом придут Маркус и Джейн, и надо будет опять что-то думать.

Джиму очень хотелось придушить Хьюго. Именно поэтому – напомнил он себе, как будто нуждался в напоминании, – он и перестал с ним общаться; потому что Хьюго был настоящим козлом или, как говорили у них в квартале, урод в жопе ноги. Почему Хьюго сразу ему не признался, что он несколько переборщил со своим хлебосольством и гостеприимством? Сейчас Джим мог быть уже в Сен-Троpez и наслаждаться роскошной жизнью, о которой всегда мечтал и о которой знал лишь понаслышке.

В юности Джим спал на полу, в проходных коридорах в кроватях с какими-то незнакомыми личностями, на железнодорожных станциях и даже один раз – в амбаре. Безо всяких проблем. Но после тридцати все меняется: тебе уже нужно свое отдельное место и хотя бы минимум комфорта. Ладно, забудем про Сен-Троpez. Но даже дешевый мотель где-нибудь в Ницце – это было бы явно лучше. Подольше поспать, поздно проснуться – и на пляж, где грудастые девочки. А вместо этого – непонятная вилла черт знает где на полпути к Парижу, и перспектива всю ночь не сомкнуть глаз из-за храпа какого-то дровичлы-финансиста.

Джиму так хотелось спать, что он не мог даже толком разозлиться. Можно было, конечно, затеять словесную перепалку с Хьюго, но для Хьюго это было бы лишь в удовольствие. Тем более Джим действительно очень устал, и сил на споры уже не осталось; если бы Хьюго сейчас остановил машину, оставил его в придорожной канаве и сказал бы: «Спи здесь», – Джим бы не стал возражать.

- Как, кстати, твой бизнес? - спросил Хьюго.

- Нормально, - ответил Джим.

Хьюго загнал машину задом на подъездную дорожку с бережной осторожностью человека, который любит свой автомобиль больше, чем родную матушку, и который любит при случае продемонстрировать, как ловко он ездит задним ходом.

Когда Джим вошел в дом, он открыл для себя одну вещь: когда ты изможден до предела, ты становишься как-то свободнее - ему было плевать, насколько презентабельный у него вид и сумел ли он произвести благоприятное впечатление на девушек. Катерина и Елизавета сидели за столом в кухне с довольно расслабленным видом, какой бывает у женщин, у которых готов обед. Они сосредоточенно изучали «Sun», открытый на спортивной странице. Джим ни капельки не сомневался, что в обмен на пребывание на юге Франции девушки выполняют все обязанности по дому и по готовке, и Хьюго при этом вовсе не стыдно их эксплуатировать.

Катерина и вправду была красивой, хотя и не самой красивой женщиной, которую Джим видел в жизни. Блондинка. Ее светлое платье выгодно подчеркивало загар и отнюдь не скрывало роскошные формы.

- Джим, мы так много про вас слышали, - сказала она со смешком. Легкий акцент, легкий вежливый флирт. «Мы так много про вас слышали» - эту фразу тебе говорят как минимум пару раз в году, но Джиму так и не удалось придумать находчивый и остроумный ответ. И сейчас он не собирался экспериментировать. Катерина сразу ему понравилась, тем более когда он вспомнил, что забыл ущипнуть Хьюго.

Елизавета была вся в веснушках. Каштановые волосы зачесаны назад. Она была в широкой футболке и мешковатых шортах. С виду она походила на тех тихонь, которые относятся к любви очень серьезно. Она тоже понравилась Джиму, но не настолько, чтобы ею «заняться».

- У нас к вам серьезный вопрос: кто такой Мокменман? - спросила Катерина.

- Макмонман, - поправила Елизавета.

- Нет, Микмар... мормон, - с трудом прочитала Катерина, склонившись над газетой.

- Наверное, Макманаман, - сказал Джим, заглянув ей через плечо.

- Да. Тут про него столько написано. Когда он родился, какой он в постели, как он одевается. Но не написано, кто он такой.

- Футболист, - сказал Джим. Катерина и Елизавета тут же просияли, рассмеялись и обменялись какими-то фразами по-русски. Джим почему-то почувствовал себя неловко. - Очень хороший, кстати, футболист. Играет за Ливерпуль, - добавил он, чтобы показать, что он действительно знает, о чем говорит.

- Русские футболисты - самые лучшие в мире, - сказала Елизавета.

В кухню вошел Хьюго.

- Ну и чего насчет ужина? - Было видно, что он готов разразиться гневной тирадой и требовать ужина, топоча ногами, но немного стеснялся Джима.

Катерина показала на большую кастрюлю, кипящую на плите на медленном огне.

– Суп уже готов; но мы читаем газету. Минут через десять все будет. – Они с Елизаветой вновь склонились над спортивным разделом.

– А где Ральф?

– Ральф и Дерек куда-то уехали на машине, – сказала Катерина, причем ее тон не вызывал никаких сомнений: она была просто счастлива, что они уехали.

Хьюго провел Джима по вилле. Она была либо совсем-совсем новая, либо недавно отремонтированная; в гостиной обнаружилось два огромных кожаных дивана – на выбор; все сияло безупречной чистотой, только местами валялись газеты и коробки с какими-то русскими аудиодисками и кое-где попадались переполненные пепельницы.

Они вышли в сад.

Это был действительно райский уголок. Огромный сад, обнесенный каменной стеной, с таким богатым разнообразием цветов и деревьев, что казалось, они уже сами по себе образовывали непроходимую стену, отделяя территорию виллы от дороги и от деревни. Там был и бассейн, но Джим с разочарованием обнаружил, что для плавания он слегка маловат – этакая гипертрофированная купальня для птиц, так чтобы в рекламной брошюрке можно было бы с гордостью написать: «При вилле имеется плавательный бассейн». Однако уже само по себе наличие бассейна поощряло к тому, чтобы снять одежду, и там было достаточно места, чтобы заняться сексом – одна из причин, зачем вообще нужны бассейны в частных домах. Джим вдруг поймал себя на мысли, что ему очень хотелось бы посмотреть на Катерину, когда на ней минимум одежды – и ему это наверняка удастся, – но конкретно сейчас ему больше всего хотелось закрыться в отдельной комнате с кроватью и умереть для мира часов этак на двенадцать; после чего можно будет жить опять.

Далеко на горизонте виднелось что-то угрюмо-индустриальное, но для того, чтобы его разглядеть, надо было напрягать глаза.

Хьюго открыл ему пива.

– Они темпераментные, эти русские. – Хьюго посетовал на то, что Катерина заставляет его дожидаться законного супа целых десять минут, после чего рассказал, как его двоюродный дед расстреливал русских солдат на Восточном фронте во Вторую мировую. – А они себе шли и шли; такая у них была стратегия – переть на немецкие пулеметы. Дед закончил стрелять, когда у него ствол расплавился.

Джим никак не мог понять, почему Катерина остается с Хьюго. Почему Хьюго с ней – тут даже вопросов не возникает: Катерина красивая, умная, очаровательная и, вне всяких сомнений, взрывная и бойкая девушка. Надо отдать должное Хьюго – он может быть обаятельным и интересным, когда захочет, он статный мужчина, в хорошей форме для своих тридцати шести, и боеголовка у него еще очень даже дееспособная. В любое время он довезет тебя на машине, куда захочешь. Может быть, Хьюго уже созрел для того, чтобы остепениться и завести семью?

У Хьюго никогда не было подруги, которая бы вошла в его жизнь целиком и полностью; у него были достаточно продолжительные романы, которые длились около года, но Джим ни разу не слышал, чтобы Хьюго был безумно, по уши, по самые пончикряки в кого-то влюблен. Однажды вечером, в выпускном классе, Джим встретил Хьюго на улице, когда провожал свою девушку, которую приглашал в дорогой рыбный ресторан в Эксетере. Он встречался с Софи уже два месяца. На следующий день Хьюго ему сказал: «А я думал, вы с ней уже

переспали». «Ага». – «А зачем ты тогда тратишься на рестораны?»

Кстати сказать, та безумная страсть не принесла Джиму ничего хорошего. Закончилось все плачевно, как, наверное, и положено всем безумным страстям. Джим изо всех сил старался быть взрослым. Ответственным и солидным, но у него не было ничего, тогда как у Хьюго была денежная работа, вилла, машина и эффектная русская любовница.

Катерина и Елизавета быстро и ловко накрыли на стол. Грибной суп был подан в фарфоровой супнице; суп был вкусный, но ничего особенно выдающегося. При желании Джим мог бы сварить такой же. Следом за супом подали русский салат – чего и следовало ожидать, – вот это было уже настоящее объедение. Хьюго смачно чавкал, но ни разу не похвалил еду. Джим воспел дифирамбы салату и положил себе добавки.

– Ты не похож на компьютерщика, – сказал Елизавета.

– А как, по-твоему, должен выглядеть компьютерщик?

– Как Дерек. – Она рассмеялась и быстро убрала со стола тарелки, так что Джим не успел ухватить еще порцию. Ее замечание наверняка было комплиментом, но, может быть, она, сама того не желая, затронула самую суть: может быть, все его неудачи связаны именно с этим. Как, интересно, он выглядит? Может быть, стоит спросить? Может быть, Елизавета даст ему дельный совет, который послужит его успеху?

Дверь открылась, и в комнату вошел низкорослый крепыш в крошечных темных очках. Хьюго представил его как Ральфа. Для человека, ворочающего миллиардами, видок у него был явно несоответствующий; так мог бы выглядеть двенадцатилетний сынок матери-одиночки при полном отсутствии доходов, равно как и вкуса в одежде.

– Где ты был? – спросил Хьюго.

– Да так... просто катался, – ответил Ральф. У него был вид человека, который весьма «удачно» провел очередной день из своего драгоценного ежегодного отпуска – двадцать восемь благословенных дней, когда тебе не надо надрывать яйца. Подобным образом Джим развлекался еще подростком: они с друзьями набивались в чью-нибудь машину и катались по городу в надежде, что на заднем сиденье сами собой материализуются девочки.

Елизавета выставила на стол еще одну тарелку.

– Елизавета? Так ты со мной переспишь или нет? – спросил Ральф.

– Нет. – Она встала и вышла на кухню. Коротышки – это всегда напряжно. Мелкие низкорослые мужики снимают высоких девушек вовсе не для того, чтобы просто перепихнуться и получить удовольствие, они снимают высоких девушек для того, чтобы доказать всем и вся, что они вовсе не мелкие. Ральф прикурил сигарету и глубоко затянулся.

– Хьюго говорит, ты занимаешься веб-дизайном, так что вам с Дерекком будет о чем поболтать. Он тоже по этому делу.

Джим кивнул с таким видом, как будто он только о том и мечтал, чтобы поболтать с этим Дерекком. Он был уверен, что сейчас просто отрубится. В молчании все наблюдали за Елизаветой, которая принесла суп и салат обратно. Джим отдал бы полжизни за то, чтобы ему дали возможность бухнуться спать. Ральф прикончил свою сигарету буквально за две-три жадные затяжки.

- Елизавета, мы с Дерекком уже поужинали. В «Макдоналдсе».
- Тогда зачем я накрываю на стол? - спросила Елизавета.
- Без понятия, - сказал Дерек.

Дверь снова открылась. Из темноты коридора на свет выступила фигура: высокий белый мужчина, очень худой, с ярко выраженной британской внешностью - он настороженно оглядывался по сторонам, словно опасаясь, что здесь где-то поблизости есть иностранцы, которые обязательно набросятся на него и ищусают. Такой типичный британский шик за границей.

- Джим, это Дерек, - торжественно объявил Ральф.

Джим знал, что это Дерек. Из всех Дереков в мире, из всех Дереков в мире, так или иначе связанных с веб-дизайном, это оказался именно тот Дерек. Дерек Крессуэлл. Человек, которого Джим ненавидел больше всего на свете. Он ненавидел его так сильно, что и сам удивлялся подобной ненависти - это была ненависть, которая буквально его корежила, которая отравляла его организм. Он исчерпал свой последний запас энергии, убил целый день на то, чтобы добраться до юга Франции, потратил несколько сотен фунтов, которых у него просто не было, - и все для того, чтобы спать в одной комнате с человеком, которого он мог бы убить голыми руками и с превеликим удовольствием.

Он, наверное, и сам бы не смог объяснить, почему ненавидит Дерекка такой лютой ненавистью. Тому было несколько явных причин: Дерек владел процветающей дизайнерской фирмой. Успехи Дерекка объяснялись по большей части тем обстоятельством, что он в наглую воровал контракты, которые Джим выбивал потом и кровью. Дерек буквально своими руками довел Джима почти до банкротства. Причем Дерек был вовсе не так хорош; Джим не раз слышал, как Дерекковы клиенты потом жаловались, что в итоге их сайт получился совсем не таким, как это предполагалось вначале, что проект провалился - что Дерек в качестве веб-дизайнера похож на упертого слепого и однорукого дебила, который с тупым упорством пытается переехать через Альпы. Если бы Дерек хотя бы был компетентным специалистом, его жертвы, наверное, были бы более терпимы.

И вдобавок к Дерекку веб-дизайнеру, был еще и Дерек мужчина. Если коротышки были навязчивы и нахальны, то небоскребы типа Дерекка (он был ростом шесть футов четыре дюйма) никогда нигде не помещались. Их было слишком много. Они, как унылые растения-переростки, торчали везде. И еще дело было в имени; Джиму всегда не нравились Дерекки. Аманд, к примеру, он очень любил (и спал с тремя), но все знакомые Дерекки вызывали у него резкое (крайне резкое) неприятие.

Единственным утешением Джиму служило то, что Дерек тоже был вовсе не рад его видеть; он вовсе не ненавидел Джима так, как Джим ненавидел его (это было просто невозможно), но и теплых чувств к нему не питал.

Джим чувствовал себя настолько убитым, что если бы тут где-нибудь завалился набор первой помощи самоубийце, он бы прямо сейчас заглотив парочку бутылочек с таблетками, предварительно извинившись перед народом. Он подумал о том, чтобы вызвать такси и сбежать отсюда, но по здравом размышлении отказался от этой идеи. Еще не хватало, чтобы Дерек подумал, будто он уезжает из-за него.

Не дождетесь.

- Как бизнес, Джим? - спросил Дерек.

- Нормально.

- Вы что, знакомы? - спросил Хьюго. Даже он понял, что что-то тут неспроста. Дерек прошел через комнату, плюхнулся на диван и потянулся за газетой. Ральф и Хьюго были явно удивлены, что они с Дерексом больше ничего не сказали друг другу, однако оба промолчали.

Елизавета принялась убирать со стола.

- Елизавета. - Ральф прикурил еще одну сигарету. - Я тут прочел статью про русский грузовой самолет, который упал и разбился. Мне вспомнился наш давешний разговор, когда ты сказала, что русские летчики самые лучшие в мире.

Елизавета в ответ промолчала; просто ушла, унося грязные тарелки. Она вовсе не делала вид, что не замечает Ральфа. Она его действительно не замечала, словно он существовал в какой-то иной плоскости.

- Так, ладно. А почему бы нам всем не выпить? - сказал Ральф, протянув руку к здоровенной бутылке виски - Джим в жизни не видел такой огромной бутылки виски.

Катерина молча встала и пошла наверх. Хьюго проводил ее глазами.

- Я, наверное, приму душ, - сказал он. - Такой обстоятельный долгий душ. А часов в девять давайте все соберемся и куда-нибудь съездим.

Дерек отложил газету, буркнул:

- Угу, - встал и тоже пошел наверх. Надо думать, к себе.

- Хочешь виски, Джим? - спросил Ральф.

- Нет, спасибо. - Если он сейчас выпьет, то сразу отрубится. Сейчас его может спасти разве что целый кофейник крепкого черного кофе. Ральф подошел к телефону, снял трубку и принялся набирать номер.

Джим попытался прогнать ощущение горечи от того, как несправедливо устроен мир. Но горечь не проходила. Одно из преимуществ зрелого возраста заключается в том, что тебе с каждым годом все больше и больше плевать на мнение остальных. Джима вовсе не волновало, если его обзывали уродом, кретином или некомпанейским парнем, хотя подобное безразличие к мнению окружающих упомянутыми окружающими воспринимается крайне негативно. Подняться наверх, плюхнуться на кровать и вырубиться до утра сейчас было бы величайшим счастьем, но Джима корежило от одной только мысли о том, что завтра утром он проснется в одной комнате с Дерексом, что он будет слышать его дыхание, чувствовать его запах... нет, это было невыносимо.

Диваны манили и излучали уют, но завалиться спать на диване - это означало бы сдать. Джим жалел, что у него нет такого приборчика, которым можно было бы измерить, кому будет противнее от того, что им придется делить одну комнату, - ему или Дерексу. Он был готов претерпеть муки ада, но при условии, что Дерекс будет мучаться тоже. Ровно столько же, сколько Джим, и еще капельку сверх того.

Ральф ворковал в трубку:

- Съезди, может, ты все же приедешь на пару дней? Тут замечательно, правда. Вот. - Он протянул трубку Джиму. - Скажи Съезди, что здесь замечательно.

- Съезди, здесь замечательно, - покорно проговорил Джим.

- Это был Джим. Человек, которому можно верить.

То есть Ральф был уже на той стадии отпуска, когда ты приходишь до такого отчаяния, что начинаешь выкапывать потенциальные удовольствия из своей записной книжки. Джим хорошо себе представлял, как Ральф размышляет перед поездкой, приглашать ли ему Сьюзи с собой или нет, и решает, что нет, дабы ничто не мешало ему поиметь приключения, броситься с головой в манящее неизвестное и отхватить свой кусочек запоздалого нечаянного счастья. Он видел, как Ральф зеваает, пока Сьюзи, вне всяких сомнений, объясняет ему, что ей нужно вымыть голову или разморозить холодильник. Какого хрена он зеваает?! Сколько он не спал? Десять часов? Двадцать? Настоящие мужчины вспоминают о том, что есть такая штука «зевать», только если не спят двое суток, не меньше.

Джим придумал, что ему нужно сделать: поехать в клуб и снять там женщину (хотя с ним подобное происходило только раз в жизни) с целью забраться в постель. Он невольно усмехнулся, подумав о том, что его женатые, многодетные друзья всегда считали, что он только и думает, что о беспорядочном сексе на фоне хронического спермотоксикоза, в то время как он хочет залечь в постель с бабой не ради бабы, а ради постели, потому что ему негде спать. Как говорится, куда ни кинь – всюду клин: он не раз наблюдал, как его друзья (даже те, кто вполне счастлив в браке и обожает своих благоверных) ползают на карачках и тихонько похрюкивают под грузом ответственности.

Когда Джиму было восемь лет, он задержался после бассейна, чтобы пописать, и школьный автобус уехал без него. Он остался совсем один, далеко-далеко от дома, на холодной промозглой улице, без денег и без понятия, что ему делать. Тогда Джим разобрался с этой проблемой, горько расплакавшись. А в последнее время то же самое тягостное ощущение полной заброшенности и безнадеги возникало все чаще и чаще. Ты создаешь себе факелы и огни, чтобы разгонять тьму, и веришь, что все твои страхи прошли, но они лишь отступили подальше в тень и затаились, чтобы вернуться, когда ты станешь слабее.

Лондон – не дорогой город. Это вообще не город, а десятирукий вор-карманник, который обшарит тебя всего, проверит каждую складку одежды, а потом еще заглянет тебе под язык и не побрезгует даже залезть тебе в задний проход – посмотреть, не спрятано ли там чего-нибудь ценного. А ты просто стоишь на углу, пока твои денежки испаряются сами собой, и всем плевать, что ты плачешь.

Он почувствовал, что готов сложить лапки и сдаться, и это его напугало; он знал, что стоит лишь раз надеть по-настоящему темные очки отчаяния, и потом ты уже никогда не увидишь солнечного света. Ему надо снова начать надеяться, хотя пока что – за все тридцать шесть лет его жизни – все его ожидания надежды так и остались лишь ожиданиями надежды.

Что-то ритмично забухало наверху, на втором этаже.

- Хьюго, – прокомментировал Ральф. – У Катерины есть все основания быть недовольной Хьюго. Ханжа, филистер. Скряга. Чувствительный, как бульдозер. И тем не менее вот так по три раза на дню. Каждый день.

Ральф зевнул.

- Пойду причупурюсь к вечеру.

Джима так и подмывало сказать – хотя бы из простого человеческого сочувствия, – чтобы он не беспокоился; даже если Ральф оболется шикарным

одеколоном, это ему не поможет.

Глаза слипались, но Джим уже «перегулял» и теперь вряд ли бы смог заснуть. Его слегка подташнивало от усталости. Перед глазами все расплывалось. Ему было так себя жалко, что он едва не расплакался. Оставшись один в гостинной, он решил послушать музыку; обычно этим и занимаются люди на отдыхе. У него было с собой две кассеты. Теперь Джим покупал только пиратские копии. Одно время он подвизался на попроще музыкального бизнеса – хотя это длилось недолго, – и с тех пор относился с изрядной долей снобизма ко всем товарам, которые продаются на главных торговых улицах. Как правило, качество пиратских записей было просто ужасным, но зато утешало то, что Джо Мол не получает с них ни цента.

Однако через какое-то время Джиму даже понравилось это шипение и треск на записях. И особенно – на записях с «живых» концертов. Большинство из лицензионных «живых» альбомов были вовсе не живыми: их записывали на студии, и единственное, что их связывало с концертом, это фотография на обложке. В пиратских записях Джиму нравилось то, что музыка там звучит именно так, как она звучала на самом деле. Также он обнаружил, что у него развился совершенно особенный вкус в плане музыки. Например, в последний год он начал собирать записи исключительно с последних концертов.

Большинство из них выходили на лицензионных кассетах и дисках, но это было не то; по-настоящему настоящей была лишь пиратская запись, сделанная на микрофон, спрятанный в лифчике у музыкальной пиратки. И они всегда знают, что это последний концерт. Иногда об этом объявляют сами музыканты, иногда не объявляют – но они всегда знают. Со временем Джим понял, что его привлекает в этих последних концертах: он пытается разыскать в них совет и пример, как правильно вмазаться в стену насмерть. Даже когда дело касалось групп, которых он ненавидел, их последняя музыка всегда была обворожительной и бесконечно манящей.

Вот почему нам так хочется, чтобы жизнь у героев была стремительной и короткой. Они не должны умирать, как все. Они должны сторать. Погибнуть в авто- или авиакатастрофе – это не то. Это может случиться с каждым. Герои должны умирать от избытка всего, так что если ты представляешь себя одним из них, ты берешь от жизни все, по полной программе, потому что рискованная авантюра под названием «настоящая жизнь» – это что-то такое, чего большинство избегает. Потому что расплата слишком сурова.

Жизнь преподносит нам немало уроков, и вот самый ужасный из всех: ваши родители были правы (при этом предполагается, что у вас были родители, которые хотели себя проявить в оном качестве), когда нудели, что надо устроиться на нормальную работу, надо откладывать деньги, когда они есть, надо купить дом и заранее позаботиться о своей будущей пенсии. Они были правы. На сто процентов. Всегда есть считанные единицы удачливых авантюристов, которые привлекают к себе самое пристальное внимание, и никто не замечает целые орды немых психов в пабах или на скамеечках в парках, которые проедают свою нищенскую зарплату, охранников в возрасте пятидесяти пяти лет, шестидесятилетних частных репетиторов по французским глаголам; толпы скучных людей, которые не заметили скуки; скука тех, кто не знает отчаяния.

Холодный душ слегка привел Джима в чувство, но желание залечь в гроб и дождаться прибытия похоронной команды осталось. За неимением возможности оное желание реализовать он попытался выбрать между двумя другими привлекавшими в одинаковой степени: сходить на кухню попить воды и сходить на кухню взять нож, чтобы прирезать Дерека. Попить воды. Прирезать Дерека. Попить воды. Прирезать Дерека. Разницы не было никакой.

Когда Елизавета спустилась в гостиную, Джим ее не узнал и понял, что это

Елизавета, потому что доподлинно знал, что это может быть только она (Катерина была блондинкой). Он рассудил, что подобная метаморфоза есть результат косметических ухищрений и последних достижений в области портновского дела. Неудивительно, что две эти отрасли развиваются успешно и прибыльно на протяжении тысячелетий, невзирая на войны и катаклизмы.

Преображение было разительным; Джим растерялся, не зная, куда смотреть – на ее глубокое декольте, на ее помаду «умри все живое», на ее прическу, которая представляла собой какие-то странные локоны и кудряшки, которых, наверное, было название (но Джим его не знал); на ее высоченные каблуки, на ее черный шелковый пиджак, на обтягивающие брючки. Миловидная девушка из тех, кого называют «свой парень», превратилась в настоящую королеву, к которой не подступиться. Весь ее вид говорил сам за себя: поклоняйтесь мне, восхищайтесь мной.

Джим пожалел, что он не принарядился к выходу и что от усталости и недосыпа его рожа напоминает слежавшуюся картошку.

Хьюго медленно вырулил с подъездной дорожки. Джим не на шутку разволновался, к кому в машину сядет Елизавета: к Хьюго вместе с ним и Катериной или к Ральфу с Дерекком. Она села в правильную машину.

Хьюго ехал быстро и – на узких дорогах, где было полно бесноватых латиносов-мачо, – по-настоящему безрассудно. Во всем этом было что-то от бесшабашных забав прыщавой юности: гнать на машине по югу Франции, когда в динамиках грохочет музыка, а на заднем сиденье сидят две молоденькие и красивые русские девушки, – но это было действительно весело, и Джим с удивлением обнаружил, что ему это нравится. Выходит, он еще не разучился радоваться жизни.

На самом деле он бы не стал возражать, если бы Хьюго сейчас разбился. Уж лучше уйти вот так – с шиком и стильно, – чем тихо откинуть копыта одному у себя в квартире. В последнее время у Джима развилась одна неприятная фобия: он боялся, что если он вдруг умрет, его обнаружат лишь по прошествии многих недель, потому что знакомые все же начнут тревожиться, что его что-то долго не видно. Все началось после той жуткой судороги, когда он лежал на полу, не в силах даже пошевелиться, и за неимением других занятий изучал узор на ковре и размышлял о том, что хуже этого может быть только одно – умереть в одиночестве. Бетти заметил бы его отсутствие не раньше, чем через неделю, а потом потратил бы еще несколько дней на поиски ответственного взрослого дяденьки, с которым можно было бы обсудить эту проблему.

Девушки о чем-то болтали на русском.

– По-русски не говорить, – сказал Хьюго. Он явно боялся, что они либо что-то замышляют за его спиной, либо обсуждают его многочисленные отвратительные привычки. Странная смесь самонадеятельности и неуверенности в себе. Если ты при деньгах, недурен собой и делаешь это три раза на дню, твоей подруге не на что жаловаться. Разве что только на то, что ты не можешь с ней поговорить по-русски.

– Почему? – спросила Елизавета.

– По-русски не говорить.

– Ладно, будем говорить по-украински, – и они продолжали болтать, причем их украинский был подозрительно похож на русский.

Восторг от того, чтобы дразнить смерть, постепенно улегся, и Джим стал выпадать из времени. На пару секунд, на минуту, не поймешь. Опять

навалилась сонливость. Он подбадривал себя мыслью, что у Дерека в личной жизни тоже все плохо, иначе он не торчал бы тут один, без подруги.

Ральф ехал сзади и умудрялся не отставать от Хьюго, который не сбавлял скорости на поворотах и давно втопил педаль газа в пол. Надо думать, что при такой езде его взятый на прокат «фиат» мог развалиться в любую минуту. Как будто тебе вновь семнадцать, и ты мчишься по трассе наперегонки с друзьями, и жизнь прекрасна и удивительна... но огорчало другое: сейчас, по прошествии двадцати лет, это было действительно горько – развлечения те же, только ты потолстел, облысел и ослаб.

Они остановились на заправке. Джим вызвался помочь с переводом – он знал, что Хьюго не говорит по-французски, – но Хьюго дал понять, что справится сам. Джим наблюдал за тем, как Хьюго самостоятельно заливает бак, размышлял о том, сколько сейчас стоит Хьюго. Он должен быть миллионером. Его квартира в Доклендсе стоит как минимум полмиллиона, и его ежемесячная зарплата должна была исчисляться если не шестизначной цифрой, то пятизначной – точно. На себя он не тратил почти ничего; он посещал дорожные рестораны за счет родимого банка, а потом приходил домой и ел бобы на поджаренном хлебе или какой-нибудь овощ; одежду он покупал на распродажах. Он почти никуда не ходил, потому что работал по двенадцать часов в сутки, а на выходных разбирал накопившиеся за неделю бумаги. И самое главное: на протяжении многих лет он вкладывал свои сбережения в надежные акции, не облагаемые налогом. Он посоветовал Джиму приобрести акции «Бразилиан телеком», причем с таким видом, словно он сообщал ему величайшую в мире тайну. У него было только две маленьких слабости, на которые он не жалел денег: машина и ежегодный отпуск.

Тепло пахло духами. Елизавета наклонилась вперед.

– Джим, а у тебя раньше были знакомые русские девушки?

– Нет. – У него не было.

– А тебе нравятся русские девушки?

– Ну, пока нравятся. – Поразительно остроумный ответ. В семнадцать лет он был более бойким.

Катерина с Елизаветой обменялись какими-то быстрыми фразами то ли на русском, то ли на украинском и рассмеялись.

– Русские девушки – самые лучшие в мире.

Джим наблюдал за тем, как Хьюго орет на кассира, используя старый прием общения с человеком, который не знает английского: когда ты видишь, что тебя не понимают, ты начинаешь говорить все громче и громче. Может быть, Хьюго требовал, чтобы ему бесплатно протерли стекло. Джим невольно восхищался Хьюго. У него есть работа. Есть деньги. У него роскошная любовница. Он знает о своем праве требовать, чтобы ему протерли стекло. Такие вот мелочи очень многое говорят о человеке. Сам Джим никогда бы не стал скандалить по поводу мойки стекла с человеком, который его не понимает. И именно поэтому, может быть, уже сегодня у него из офиса вынесут всю немногочисленную мебель в счет уплаты долгов. Он представил, как Бетти сидит на полу и мучительно соображает, почему не работает его компьютер.

Они приехали в Канны. Джим всегда ненавидел Канны; это было самое отвратное место на Лазурном берегу и все-таки это был Лазурный берег. Когда Джиму был двадцать один год, он жил в Ницце с одной очень красивой девушкой, в которую был безумно влюблен. Четыре месяца он был счастлив.

Так было, да. Но прошло.

Четыре месяца он был... героем во всем – чемпионом по открыванию заевших окон, по заведению загложших автомобилей, по шипанию аппетитных ягод. А теперь – на протяжении последних двух лет – он каждый день просыпается с мыслью, что надо придумать какую-нибудь убедительную причину, почему он сегодня не будет вешаться.

Они медленно ехали по бульвару. Вид многочисленных кафешек вызвал у Джима непомерную ностальгию. Ничто не сравнится с французским кафе. Но с другой стороны, клубы во Франции сплошь дерьмовые и дорогие. Тот клуб, к которому они приближались, был как раз из таких. С претензиями и лазерными лучами на крыше, которые разрезали небо с полным пренебрежением к низколетящему воздушному транспорту.

У клуба была своя автостоянка. Выходя из машины, Джим наступил в лужу. Хьюго пошел первым, поскольку ему надо было платить за девушек. Джим заметил, что вышибала на входе (низкорослый, но крепкий громила с пропирсованным ухом) при виде Джима решительно замотал головой. (Наверняка существует какой-то закон, согласно которому тебе никогда не устроиться вышибалой – будь у тебя хоть пять черных поясов и справка о том, что ты в совершенстве владеешь пятью иностранными языками, – если ты не коренастый и наголо бритый урод.) Наверняка их сейчас развернут, потому что для этого клуба они уже слишком старые и недостаточно крутые.

– Вы не поверите, – сказал Хьюго, – У них там в дождь крыша текла, и весь клуб залило. Они откроются попозже.

– Когда?

– Они еще сами не знают. – Ну конечно. Во Франции нет фейс-контроля. Подобная избирательная система есть только в Англии и Америке. А во Франции тебя пустят куда угодно – только плати денежки. И немалые, кстати, денежки.

Как будто тебе вновь семнадцать. Ехать куда-то еще на машинах не было смысла, потому что они могли не найти места, где припарковаться, и Хьюго сказал, раз машины стоят – пусть стоят. Они решили пройтись пешком.

Как это ни парадоксально, но им пришлось долго искать кафе. В этом квартале все было закрыто. Но именно этим ты и занимаешься на отдыхе: либо вообще ничего не делаешь, либо проводишь время в поисках, где поесть и выпить, в перерывах между усиленным сексом. Либо, если ты человек образованный и культурный, ты посещаешь музеи. Наконец, они все же нашли открытое кафе, где еще горел свет и наблюдался официант.

В этом кафе столиков на тридцать они были единственными посетителями. Официант упорно отказывался покидать насиженное место в маленькой кабинке за стойкой, где стоял телефон. Он наверняка болтал со своей подружкой. Было еще не поздно, они были рады, что нашлось место, где можно присесть, они были на отдыхе, а значит, по определению, никуда не торопились, но по прошествии долгих минут их начало раздражать, что официант в упор их не видит, хотя не заметить их он не мог.

Хьюго помахал рукой. Ральф присвистнул. Хьюго громко позвал официанта. Дерек хлопнул в ладоши. Даже Елизавета засунула два пальца в рот и издала залихватский свист. Равнодушие официанта было достойно всяческого восхищения; ему действительно было на них положить.

Джиму было любопытно, кто из их теплой компании больше всего напряжется на этого официанта. При других обстоятельствах он бы и сам уже психанул. Джим

работал, как проклятый, и его всегда бесил непрофессиональный подход, но сейчас он был настолько измотан, что ему было не до какого-то официанта. Ему вообще было ни до чего. Хотелось лишь одного: завалиться в постель с Елизаветой. И вовсе не для того, чтобы что-то с ней поиметь – он был в состоянии полного нестояния, – а потому, что ему хотелось заснуть в чистой уютной постели, пахнущей хорошими духами. И еще потому, что Дерек наверняка заденет, если Джим закадрит Елизавету.

Он едва поборол искушение потихонечку смыться, снять номер в отеле и бухнуться спать. Но он знал, что, несмотря на все уважительные причины, его дезертирство будет воспринято как наплевательское отношение к общественности, и общественность будет оскорблена до глубины души. Тем более что в конце лета здесь практически невозможно найти отель, где были бы свободные номера. И плюс к тому оставалась еще проблема – на какие шиши. Проблема действительно неразрешимая. У Джима было с собой сорок фунтов. По здешним ценам этого не хватит даже на двойной кофе. А его кредитную карточку могут «зарезать» в любой момент.

Та же помеха была и с Елизаветой. Он собирался подъехать к ней в клубе, купить ей выпить, пригласить танцевать – и домой в койку. Загвоздка в том, что до дому почти час езды, и даже если предположить, что найдется таксист, который согласится переться в такую даль, у Джима все равно нет денег с ним расплатиться – тем более если учесть, что всякий таксист норовит облапошить клиента. Джим сомневался, что остальные захотят возвращаться домой так рано. Если Хьюго заплатил за развлечение, он останется до конца – до закрытия клуба – чтобы полностью оправдать затраты, а Ральф с Дерекком явно намылились снять девчонок и не уйдут, пока не подкатятся ко всем женщинам на танцполе. Конечно, если Дереку повезет, это решит проблему со спальным местом, хотя и не разрешит его затруднений, связанных с тем, что он уже много часов хочет спать и не может залечь в кровать.

Он посмотрел на Елизавету. Наверное, надо сказать комплимент или что-нибудь в этом роде. Так вроде бы принято. И может быть весьма кстати. Хотя комплименты надо было делать, когда она спустилась в гостиную. Перед тем как ехать. Но он был так поражен ее элегантностью, что просто утратил дар речи.

– Ты очень... красивая. – Замечание тупое, но безопасное. Из тех, что редко подводят. Тем более слово «красивая» Елизавета наверняка поймет.

– Это не ново, – сказала она.

– Ладненько, – сказал Ральф, поднимаясь с места. – Если гора не идет к Магомету... Кто чего будет пить? А то что за байда: мы здесь уже десять минут и еще ничего не заказали.

– Мне, пожалуйста, четыре кофе, – сказал Джим.

Ральф подошел к официанту, который продолжал трепаться по телефону, даже когда Ральф выдохнул ему в лицо сигаретный дым.

– У меня IQ 165, я зарабатываю двести тысяч фунтов в год, я гражданин Великобритании, и вам выпало счастье – я повторяю, вам выпало счастье, – меня обслужить.

Официант записал заказ, не прервав своего разговора.

Джим заметил, что Дерек буквально сочится тоской, и это подняло ему настроение. Что это было: обычная отпускная печаль от безделья или что-то серьезное? Болезнь? Кризис в делах?

Джим решил, что он правильно сделал, заказав сразу четыре кофе. Потому что заказ принесли только через сорок пять минут. Наверное, у официанта были другие дела на кухне. Может быть, он играл в покер. Или договаривался о свидании с еще одной девочкой.

- Où sont les тормозная жидкость, garçon? - спросил Ральф. - Антифризу попей, отморозься маленько, compris?

Официант выдавил кривую улыбочку и тихо смылся. Наверняка он еще и не такое слышал от возмущенных отдыхающих. Зато ему была радость, что он сделал им гадость.

Кофе был холодным. Джим и все остальные заметили, что Ральф заказал себе три здоровенных бокала с крепким спиртным.

- У меня есть номера пары дилеров в Ницце, - сказал Ральф с досадой, - и я им звонил перед приездом, но никому не дозвонился. - Наверное, эти педрилы тоже ушли в отпуск.

Катерина с Елизаветой обсуждали средства для ухода за волосами и для оных волос укладки, судя по тому, что они обе перебирали пальцами локоны Елизаветы. Джиму хотелось скорее попасть в клуб, где громкая музыка не дала бы ему уснуть.

- А этот педрила принес мне коньяк, хотя я просил арманьяк. Я иногда не понимаю людей. Они такое подчас творят... Но что самое поразительное, есть люди, которые добиваются очень много, вообще ничего не делая. Когда я был в Токио, я познакомился там с одним парнем. В баре. Оказалось, что он фотограф. Он фотографировал исключительно голых японок. Я сходил на его выставку. Все было очень стильно и элегантно... приглушенное освещение... и сами фотографии... подобные вещи предназначены для того, чтобы их вешать на стену в гостиной, а не для того, чтобы на них драть, предаваясь мерзкому греху онанизма. Игра света и тени, точно выверенная композиция. Голые японки по отдельности, две голые японки вместе, три голые японки вместе, и даже одна фотография, когда шесть голых японок вместе. Есть с большими грудями, есть с маленькими. Ничего непотребного, просто голые женщины. Вы уловили идею: японки, раздетые абсолютно. И он имел с этих фоток большие деньги. Он, собственно, этим и жил. Но такое любой может сделать. Любой. Я понимаю, конечно что надобно некоторое мастерство, чтобы сдуть пыль с объектива, но это не самая хитрая вещь на свете. То, чем я занимаюсь, тоже не требует никакого особенного мастерства, но зато смотрится так, будто требует.

По дороге обратно к клубу Ральф рассказывал им о том, как он пришел в полицейский участок в Ницце, чтобы спросить, где тут в городе опасные кварталы, где торгуют наркотой прямо на улице и куда лучше не забредать добропорядочному туристу.

- «Нет, monsieur», сказали они. У нас тут проблемы с наркотиками не стоит. Я едва сдержался, чтобы не ляпнуть, что проблема стоит у меня. Нигде не могу их достать. Я даже попробовал повернуть один старый трюк и подошел в первому встречному черному, но он попытался продать мне какую-то резную поделку.

Хьюго сходил проверить машину и вернулся злой, как черт.

- Какой-то мерзавец спер у меня антенну. От радио. А приемник оставил. Какой смысл упирать антенну без приемника?!

Клуб был открыт. На парковке перед клубом стояли «ламборджини», «феррари»

и «порше». Лазурный берег по-прежнему не порицал показуху. Хьюго пошел первым и заплатил за Катерину и Елизавету. Джим попросил у него займы несколько франков, сказав, что он не успел поменять деньги. В клубе было полно народу, и народ собирался еще. Джим заметил одну девушку – ей было явно не больше семнадцати и вполне могло быть и тринадцать, – самую красивую из всех, кого он видел в жизни. Таково было чудо Лазурного берега: он привлекал привлекательных женщин. Джим, разумеется, понимал, что с этой красоткой ему ловить нечего. И дело даже не в том, что он был для нее слишком старый. Для нее даже двадцатипятилетний мальчик был бы уже слишком старым, Джим был не старым; для нее его просто не существовало. Он был невидимым. Он обитал в другом измерении.

Внутри становилось шумно, но в клубе был еще зал на открытом воздухе, где можно было нормально поговорить. Стулья были еще влажными от дождя. Джима пробила кошмарная слабость; он ругал себя за то, что ему не хватило духу смыться в отель, пока у него были силы. Сейчас он был вообще ни на что не способен. Он сидел задницей на влажном стуле, заднице было противно и мокро, а официанты демонстративно не обращали на них никакого внимания, стараясь держаться как можно дальше от их столика. Хьюго возмущался насчет антенны, а Ральф продолжал свое показательное выступление:

– На одной вечеринке в Нью-Йорке я встретил Мадонну. И я ей сказал: оставь своих американских красавцев с железными мускулами, милашка, попробуй вялое тельце истинного британца. На мгновение – всего на мгновение – она задумалась над моим предложением. Когда тебя постоянно пьют загорелые инструкторы по бодибилдингу, бледное рыхлотелое существо может стать очень даже заманчивой альтернативой. Так ты со мной переспшишь, Елизавета?

– Нет, Ральф.

Ральф ушел к барной стойке взять себе выпить. Джим был уже на последнем издыхании; невидимый груз давил на него сразу со всех сторон, даже сидеть было тяжело. Заиграла музыка – мелодия его юности, – и желая немного подвигаться в надежде взбодриться, он пригласил Елизавету потанцевать. Она отказалась. Что, вообще, происходит? Всю дорогу она обдавала его запахом своих духов... и даже если он ей совсем не интересен, она могла бы потанцевать с ним хотя бы из вежливости.

Хьюго впал в состояние тихой скорби по поводу спертой антенны. Он весь издергался. Может быть, он опасался, что пока он сидит тут в клубе, его машину уже разбирают по винтикам или творят с ней какое-нибудь непотребство. Тоже развлечение для семнадцатилетних – девальвировать чужие машины. Нескончаемое веселье: налепить монетки на бок, забить картофелину в выхлопную трубу, насыпать сахару в бензобак, отбить зеркальце бокового вида, запихать жевачку в замок, попрыгать на крыше.

– Я через час еду домой, – сообщил Хьюго. – Ты можешь остаться. Вернешься с Ральфом и Дерекком.

Это была самая лучшая новость, которую Джим услышал за весь прошлый год. Пусть даже это означало всего-навсего несколько часов сна на диване в гостиной.

Ральф вернулся с подносом, заставленным выпивкой. Бутылка водки, бутылка виски. Четыре пива.

– Чтобы не бегать в бар каждые десять минут.

Джим боялся даже представить, сколько все это стоит. Интересно, подумал он, а не нужен ли Ральфу веб-сайт? Хью рассказывал, чем занимается страховой фонд Ральфа, но Джим ничего не понял. Тем более, если Ральфу был

нужен веб-сайт, Дерек уже наверняка подсуетился.

- Так, - сказал Ральф, - а давайте сыграем в питейную игру.

Хьюго сразу сказал, что он - пас, Катерина и Елизавета не знали, что это за игра. Дерек дал понять, что готов поучаствовать.

Джим тоже не знал, что это за игра, но догадался, что надо пить. Причем много.

- Прощу прощения, - сказал он. - Но я сегодня не в форме, в смысле, чтобы выпивать. Давай лучше завтра.

- Мерзавцы вы все, и к тому же некомпанейские, - набычился Ральф. - Вдвоем же неинтересно. Тут нужно знать свою меру. Но вот в чем проблема: как узнать меру и при этом ее не превысить? По-моему, никак. Вроде пьешь-пьешь, а потом - бац - понимаешь, что ты выпил лишнего. У тебя стойкое ощущение, что ты выпил лишнего. Ты абсолютно уверен, что выпил лишнего. Но когда ты уже выпил лишнего, вернуться к состоянию «в меру» никак невозможно. Во Франкфурте у меня был приятель, который работал до позднего вечера, но прежде чем отправляться спать, выпивал бутылку виски. Каждый день. А наутро вставал на работу свеженький, как огурчик. Но вот однажды он выпил бутылку виски и буквально один глоток из второй бутылки. Он умер.

- На кого ты сейчас работаешь? - спросил Дерек. Этого вопроса Джим и боялся. Он не знал, что ответить. Если солгать, это можно легко проверить. А если сказать, что это конфиденциальная информация, такой ответ прозвучит либо неубедительно, либо слишком претенциозно.

- Очень трудно понять, где тот самый предел. Никто тебе не объявит: хватит, дружище, дальше уже будет лишнее, - продолжал Ральф. Он вскочил с места и втиснулся между Джимом и Дереким. - Никто не зажжет стоп-сигнал. У меня был приятель, фотограф. Военный фотограф. Работал в Афганистане, в Персидском заливе, в Руанде. Лез в самое пекло - и ни единой царапины. Ну... однажды ему глаз подбили. В этом... как его... город такой в Югославии... ну, где были бои.

- Там везде были бои.

- Да. Ну да ладно. В общем, он приезжает с таким здоровенным фингалом, и я его спрашиваю, что случилось? Избили тебя, пленку хотели отнять? А вот и нет. В полумиле от того места, где он стоял, подорвался на mine какой-то парень, и его оторванная рука, когда падала с неба, заехала моему приятелю в глаз. Приятель отнесся к этому философски. А потом он поехал в Руанду, снимал там деревню, где всех убили. Разлагающиеся трупы, залитые кровью стены... материалов более чем достаточно. Фоторынок всяких жестокостей все-таки ограничен. Он уже собирался ехать назад и тут заметил какой-то котлован на краю деревни. И решил сходить посмотреть. Собственно, ему незачем было ходить-смотреть, но он все равно пошел. Такая была у него привычка: заходить далеко. Может, не слишком далеко, но хотя бы чуть-чуть. И вот тогда все и случилось. - Ральф глубоко затянулся и выпустил дым.

- Что случилось? - подал реплику Джим.

- Он увидел что-то такое, что было слишком даже для него. И тогда он сломался. Потерял смысл жизни. Это случилось семь лет назад. Он не сумел это преодолеть. Ушел из журналистики. Теперь он фотографирует церкви и здания для каталогов. И больше не хочет работать с людьми.

Джим ждал, что Ральф скажет, что это было такое, что увидел его приятель. Ему действительно было любопытно. Но Ральф переключил все внимание на

девушку, танцующую на столе.

- И что это было, что он увидел?

- Я вам не скажу.

- Почему?

- Потому что, если вам скажу, тогда вы тоже потеряете смысл жизни.

- Неужели все было настолько плохо?

- Именно так я ему и сказал. Я не отстал, пока он мне не рассказал. И знаешь, что: лучше бы он не рассказывал, правда.

- Тогда зачем ты нам рассказал эту историю? - спросил Джим.

- Но я же вам не сказал, что он там увидел. Хотя... может быть, вам это будет по барабану. А может быть, и не будет. Давайте лучше выпьем.

Девушкам не понравилась водка. Елизавета ушла в туалет и пропала. Даже если учесть, что девушки обычно возятся в туалете дольше, все равно ее не было слишком долго.

- Поехали домой, - сказал Хью.

- А как же Елизавета?

- Дерек остается. А Ральф едет с нами, он не в том состоянии, чтобы гулять до утра.

Когда они вышли на улицу, они увидели Елизавету. Она стояла на углу и болтала с какими-то мужиками в количестве пяти штук. Поскольку по-английски она говорила плохо, вывод напрашивался сам с собой: она общалась с ними по-русски. Впрочем, Джиму достаточно было взглянуть на этих пятерых, чтобы определить их национальную принадлежность и род занятий. Это были гангстеры, или «новые русские», как назвала их Катерина.

Еще одно массовое заблуждение насчет гангстеров - что они все похожи на братьев Край [2 - Братья-близнецы Край - знаменитые лондонские маньяки-убийцы. - Примеч. пер.], этаких крупногабаритных громил со зверскими рожами. На самом деле, настоящие гангстеры совсем не похожи на гангстеров. Про настоящих гангстеров вообще не скажешь, что они гангстеры. Братья Край были полными идиотами и детоубийцами. Настоящие гангстеры делают деньги и хорошо живут, а братья Край были маньяками, что совсем не одно и то же. Настоящие гангстеры с виду совсем не опасны. Им это даже противопоказано. Опасными с виду должны быть вышибалы, профессиональные боксеры, ротвейлеры и акулы. А если ты гангстер и вид у тебя опасный, это сразу же насторожит окружающих. Настоящие гангстеры - они как разведчики-нелегалы высшего класса: невидимые, незапоминающиеся. Настоящий гангстер дождется, пока все отвернутся в другую сторону, подойдет к тебе со спины и раскурочит тебе мозги ледорубом, размышляя при этом, где ему сегодня поужинать. Настоящие гангстеры выглядят именно так, как эти «новые русские»: бездушные, мертвые.

Опять пошел дождь, и Хьюго отправился за машиной, пока все остальные ждали в фойе, чтобы зря не мокнуть. Джим наблюдал за тем, как Дерек вьется вокруг Елизаветы, словно назойливый комар-переросток. Очевидно, что Дерек был гораздо глупее, чем думал Джим. Женщин понять очень трудно, почти невозможно, но тут все было ясно, как день, - Елизавета с Дерекком не спала. И не собиралась. А судя по взглядам, которыми награждали Дерекка

русские гангстеры, ему грозили крупные неприятности. Если бы это была Россия, его давно бы уже перемололи в муку для их знаменитого черного хлеба. Дерек явно переклинило – то ли от водки с виски, то ли от нездорового сексуального возбуждения, то ли от безумного желания выпендриться. Назревало что-то нехорошее, и Джиму очень не хотелось бы быть по близости, когда оно наконец созреет. Блаженные семнадцать лет. Драки случаются вовсе не вдруг – сначала всегда возникает предчувствие, что вот оно назревает.

На обратном пути Хьюго гнал, как сумасшедший. Джиму, наверное, стоило бы испугаться, но он позабыл, как это делается. Когда они приехали на виллу, Джим решил спать на диване в гостиной, мол, я «так устал, что просто плюхнулся на первую же горизонтальную поверхность». Он бы просто не выдержал спать в одной комнате с Дерекком.

Он положил голову на подушку и...

Он открыл глаза и увидел свет на потолке. Ему было сонно, но по-хорошему сонно. Потом он заметил у себя на футболке длинную струйку слюны. Пускать слюни во сне – интересное нововведение, которое его тело предприняло в рамках широкомасштабной кампании по его унижению. Он попробовал привстать, и шею тут же свело от боли. Лишнее подтверждение, что диван все-таки не самое удобное место для того, чтобы спать. Шея жутко затекла и, вне всяких сомнений, будет теперь болеть до конца отпуска. Он прекратил шевелиться. И снова заснул безо всяких усилий...

...а потом, по прошествии непонятно какого времени, Хьюго игриво пнул его в живот.

– Вставай, ты же в отпуске. А в отпуске следует наслаждаться жизнью, а не валяться весь день в постели.

Хьюго был бодр и весел. Собственно, таким и должен быть человек, который нормально выспался в нормальной постели.

– Пойду прикуплю себе круассанов на завтрак. Джим перевернулся на другой бок в надежде еще поспать, но боль в шее никак не давала заснуть. Получше всякого будильника...

Хьюго потряс его за плечо.

– Ты не видел Дерекка или Елизавету?

– Нет, а что?

– Машины их нету.

Хьюго бросился вверх по лестнице.

– Дерекка нету в комнате.

– Может, они еще не приехали. Может, они загуляли.

– Но уже полдень. А клуб закрывается в четыре утра.

– Может быть, Дерекк напился в хлам, и они решили заночевать в отеле.

– Послушай, я знаю, что ты считаешь меня скупердяем, но до Дерекка мне далеко. Чтобы его раскрутить на купить тебе выпить, ему надо вдвое приплачивать. Он не станет тратиться на отель.

Джим попытался обдумать все вышесказанное, а Хьюго пошел поделиться своим беспокойством с Ральфом. Ральф, не проспавшийся после вчерашнего, спустился вниз в одних боксерских трусах, которые, судя по виду, носил не снимая уже лет пятнадцать.

– И незачем так волноваться. Если что-то случилось, это уже случилось, – философски заметил он, прикуривая сигарету. Ральф был странно и необъяснимо бледным и безволосым для взрослой здоровой особи мужского пола, проводящей свой отпуск на юге Франции; его тело представляло собой замечательное достижение в плане формы, где худоба сочеталась с непомерной упитанностью (тонкие ручки-ножки и изрядный пивной живот). Но он был прав. Где бы ни были Дерек с Елизаветой – на морском берегу на солнышке или на столах в морге, – ни Хьюго, ни Ральф, ни Джим ничего для них сделать не могут.

Все это несколько обескураживало. Если Дерек серьезно ранен или даже мертв, Джима это вовсе не удручало. То есть он бы, конечно, не стал прыгать от радости, если бы с Дерексом что-то случилось, но и не стал бы скорбеть на его похоронах. Еще один признак старения; лет десять назад Джим бы чувствовал себя виноватым, что ему до такой степени наплевать на судьбу ближнего. Отсутствие бурной радости по поводу вероятной безвременной смерти Дерекса и – как следствие – прекращения его бурной деятельности на поприще веб-дизайна было вполне объяснимо. Если бы Дерекса устранили пять лет назад, даже три года назад, даже два года назад, это дало бы Джиму возможность развернуться, но сейчас у каждого предприимчивого мерзавца в Лондоне есть своя дизайнерская компания.

Другая помеха для радостных ритуальных плясок – Елизавета. Если что-то случится с Елизаветой, это убьет всю приятность от потери Дерекса. Мужчина средних лет... кому он нужен, по большому счету?! Но Елизавета... сколько ей лет, интересно? Двадцать два? Она еще слишком молода... у человека должен быть шанс разочароваться во всем до конца.

Ральф налил себе щедрую порцию eau de vie.

– И Дерек, и Елизавета знают, как сюда позвонить, – сказал Хьюго. – Если они решили где-нибудь задержаться, то почему они не позвонили и не предупредили?

– Может, они не хотели нас беспокоить, – сказал Ральф. Вполне похоже на правду, но Джиму все равно представлялись узкие извилистые дороги и две машины, сходящиеся лоб в лоб на высокой скорости.

– Джим, может быть, ты позвонишь в полицию, – сказал Хьюго. Ага позвонить... и чего сказать? Мы тут, кажется, потеряли туриста? Джим уже представлял себе теплоту и участие, с которыми во французской полиции примут это известие. Хьюго не смог его обмануть. Впрочем, наверное, он и не пытался никого обманывать. Тревога Хьюго была вызвана отнюдь не сочувствием к судьбе ближнего; это была паника человека, который поехал в отпуск, имея в виду отдохнуть и развлечься, и которому вместо этого предстоит заниматься неловкими разговорами по телефону и бегом по инстанциям, заполнять какие-то бумажки, отвечать на вопросы и т.д. и т.п.

Ральф сосредоточенно ковырялся в пупке. Вообще-то считалось, что они с Дерексом большие друзья. Что это было: обычное хладнокровие или общая дерьмоватость характера? Или это одно и то же? – задумался Джим. Почему так погано на душе? Что ему мешает выйти на улицу – тем более что погода просто великолепная – и сходить искупаться? Да уж, веселенькая у них подобралась компания.

– А кто-нибудь проверял комнату Елизаветы? – спросил Джим. Хьюго с Ральфом

растерянно переглянулись, и взгляд каждого говорил: я думал, ты сходишь посмотреть.

Джим поднялся на второй этаж, хотя всегда старался избегать подобных, потенциально неловких ситуаций. Ведь была вероятность, что Дерек с Елизаветой никуда не делись, а просто уединились в спальне. Машина могла сломаться. Ее могли украсть, Дерек мог выпить лишнего и решить не садиться за руль. Может быть, они взяли такси. Джиму было трудно представить, что Елизавета спит с Дерексом, но ни в чем нельзя быть уверенным. И если они там в спальне, это будет самый кошмарный момент в его жизни. Но с другой стороны, если их там нет, это тоже не самый приятный расклад, потому что тогда возрастет вероятность, что с ними действительно что-то случилось.

Он постучал. Тишина. Он постучал еще раз, погромче. Он открыл дверь и увидел, что Елизавета спит прямо на покрывале, в одном нижнем белье. Белье было черным, она сама – изумительно загорелой. Сцена была настолько соблазнительной, что это невольно наводило на мысли: а не подстроена ли она специально? То ли Джим просто слишком изголодался, то ли она и вправду была настолько неотразима. Он едва поборол желание наброситься на нее, даже не сняв ботинок. Борясь с накотившим головокружением, он спустился вниз.

– Елизавета спокойно спит, – сообщил он. Его слегка отпустило. Если Дерек и вправду отбыл кормить червей, это уже не его проблема. – Пойду искупаюсь.

Хьюго, убежденный, что исчезновение Дерекса отнюдь не расстроит Катерину, потянулся за телефонным справочником на предмет номеров дилеров BMW, резонно предположив, что Джим не станет обзванивать для него автосалоны на предмет приобретения новой антенны. Джим снял брюки и отправился к бассейну. Бассейн немного зацвел по краям, но вода была чистой. Солнце жгло кожу. Поскольку бассейн был слишком маленьким, Джим не решился нырнуть, а влез в воду с бортика.

Это было блаженство. Лучше всего на свете. Лучше, чем быть богатым. Лучше, чем ежедневный разнузданный секс. Вода была прохладной, но это было как раз то, что нужно. Отблески света резвились на воде. Было тихо. Джим слышал лишь тихие всплески воды у себя под руками. Из сада доносился изумительный аромат цветов. В таком месте, как это, он мог бы прожить всю жизнь. Безвылазно. Почему никто не бросает свои дома и квартиры в большой загазованных городах и не едет жить на Лазурный берег? Вот величайшая из загадок. Лондон – это по определению мерзко. Но есть много других городов. Халл, Абердин, Гетеборг, Бремен, Роттердам. Какого черта люди живут в этих каменных джунглях, хотя могли бы жить здесь, где солнце, где самая лучшая еда и выпивка и самые красивые женщины на свете, и где достаточно иностранцев, так что тебе не придется слишком много общаться с французами.

Десять минут бултыханий в бассейне (чтобы проплыть от одного бортика до другого, Джиму было достаточно трех гребков) примирили Джима со всем остальным. Все таки он приехал сюда не зря. Такого покоя и умиротворения он не испытывал уже много лет. Когда ты молод и рьян, ты жаждешь лишь удовольствий и развлечений, но с годами приходишь к тому, что покой – чуть ли не главная ценность в жизни, хотя покой вовсе не исключает наличия удовольствий и развлечений.

Когда Джим вернулся в дом, Хьюго все еще обзванивал магазины на предмет покупки новой антенны.

– Мы как раз говорили о сожалениях, – сказал Ральф, прикуривая очередную сигарету. – Я думаю, надо жить так, чтобы вообще ни о чем не жалеть.

- А как, интересно, этого добиться?

- Делать все, что ты хочешь. Ничего не боясь и не думая последствиях. Хотя если подумать как следует... наверное, что-то одно должно быть, о чем ты жалеешь. Чтобы знать, что это такое. Если вообще ни о чем не жалеть - это было бы ужасно. Все равно как если б ты был самым лучшим футболистом на свете и ни разу не был в команде, которая проиграла хотя бы один матч.

- У меня оно далеко не одно, о чем я жалею.

- АН-ТЕН-НА, - проорал Хьюго в трубку. - Для радио. РА-ДИ-О. В. М. W.

Дерек ввалился в гостиную с улицы. Вид у него был взъерошенный, а рожа так просто багряная. Впереди на его белых брюках расплылось подсохшее пятно мочи.

- Где она, блядь?

Они промолчали, все трое.

- ГДЕ ЭТА СУКА, БЛЯ? - Дерек не был ни взбешен, ни разъярен. Он был подавлен и сломлен. У него в глазах стояли слезы. Не дождавшись ответа, он рванулся вверх.

Джим опять же остался на месте, хотя лет -дцать назад он бы, может быть, и вмешался. Он слышал, как Дерек орет наверху, потом заорала Елизавета, а через пару минут к ним подключилась и Катерина, которая тоже истошно орала. Ральф и Хьюго пытались их всех успокоить. Джиму тоже было любопытно, но он решил сходить в душ в ванной внизу. Вопли наверху затихли, зато там начали хлопать дверьми. Выйдя из душа, Джим по-прежнему чувствовал себя ужасно (наверное, чтобы как следует выспаться, ему нужно не меньше недели), но хотя бы в состоянии справиться с грядущими заморочками текущего дня. Хьюго сидел на диване в гостиной и мрачно курил.

- Спасибо за помощь, - сказал Хьюго.

- Я думал, все знают, чего им орать.

Хьюго скривился и глубоко затанулся. Джим немного оттаял по отношению к Хьюго. Да, он тяжелый в общении. Высокомерный. Скупой. Он ханжа и филистер. У него много денег. Он невнимательный и беспечный. Но он не мерзавец. Он не будет спать с твоей девушкой, разве что она сама это предложит - причем предложит очень настойчиво, - и если что-то подобное произойдет, он хотя бы попытается сделать так, чтобы ты ничего не узнал. И он пригласил Джима погостить на вилле.

- Господи, Елизавета теперь вся в расстройстве, а Катерина в расстройстве, что Елизавета в расстройстве. - Да, похоже, что даже скандалы теперь не те, что во время оно.

- А что случилось? - Джим подумал, что Хьюго будет приятно рассказать ему занимательную историю.

Дерек с Елизаветой выходят из клуба. Уже в дверях Елизавета решает, что ей надо в сортир, и идет в сортир, а Дереку говорит, чтобы он шел к машине, а она сейчас подойдет. В общем, Дерек идет к машине, а ему навстречу - четверо новых русских, которые вежливо уговаривают его забраться в багажник их автомобиля. Они заводят мотор и уезжают, а Дерек, лежа в багажнике, уже предвкушает достойное завершение вечера - как его завезут в какое-нибудь пустынное место и избьют до смерти.

Но их намерения оказались не столь кровожадными. Они просто поехали домой, но оставили Дерек в багажнике, где, промучившись не один час и изо всех сил крепясь, он все-таки обоссался. Потом, когда русские выпались и открыли багажник, чтобы погрузить туда холодильник, они были до крайности возмущены поведением Дерек; его заставили вымыть багажник с шампунем, а потом отпустили с миром, предварительно хлопнув крышкой багажника по руке, в результате чего сломали ему три пальца. Дерек неминуемо заключил, что во всем виновата Елизавета.

Елизавета вышла из клуба, подошла к машине, прождала десять минут. Потом снова начался дождь. Она прождала еще двадцать минут под дождем. В конце концов она воспользовалась любезностью одного итальянца, который предложил ее подвезти, хотя ему было немного не по пути – он жил в ста шестидесяти километрах в противоположную сторону.

Теперь Дерек заперся у себя в комнате, а Елизавета и Катерина заперлись в комнате Елизаветы.

– Удивительно, что они оба живы, – сказал Джим. Юг Франции – не самое подходящее место для того, чтобы кого-нибудь подвозить или принимать предложение незнакомцев подвезти тебя. В газетах то и дело появляются заметки о том, что на Лазурном берегу снова убили какого-то автостопщика.

– Наверное, стоит более тщательно выбирать людей, вместе с которыми ты собираешься провести отпуск, – сказал Джим. – Хочешь, я позвоню в магазин насчет твоей антенны?

– На какой пляж мы пойдем? – спросил Ральф, вернувшись в гостиную.

Хьюго хлопнул себя по лбу, выражая тем самым сомнение, что сегодня вообще кто-то пойдет на пляж.

– Хьюго, девочки через час успокоятся. А Дереку надо поспать.

Раздался звонок в дверь. Ральф, необыкновенно услужливый, пошел открывать.

– Да, я так и думал, что это мне. – В руках у него был небольшой конверт. Еще три конверта и куча клейкой ленты – и в конце концов он извлек крошечный пакетик с белым порошком. Он сходил за зеркальцем и бритвой и принялся делать дорожки.

– Джентльмены, наш долг укрепиться физически и морально и обеспечить прекрасному полу комфорт и веселье в виде похода на пляж.

– Где ты это достал? – спросил Хьюго.

– Видишь ли, существуют некоторые различия в культурных традициях банковского дела в Великобритании и во Франции. – Ральф изрядно нюхнул. – Если ты позвонишь в банк в Англии и попросишь прислать тебе кокаину, потому что ты положил в этот банк несколько миллионов фунтов, они тебе скажут: а шел бы ты лесом. Если ты позвонишь в банк во Франции, тебе пришлют все, что надо, с курьером из Парижа, пусть даже и через два дня, тормознутые дятлы. – Ральф нюхнул еще раз. – И на количество поспешили, и качество не фонтан. Я бы вам предложил, но он действительно гадкий. – Он втянул последнюю дорожку.

– А ты не боишься подсесть? – спросил Хьюго.

– Не боюсь. Штука в том, чтобы постоянно менять способ кайфа. Когда ты вроде как движущаяся мишень. Немного травы покурить, малость нюхнуть, потом хряпнуть винца из французской кислятины, потом накатить вискаря,

потом чуток опиума курнуть, потом заглотить кислоты или пару колес, потом – приборчков, и так ни к чему не привыкнешь.

– И какой банк рассылает вот это вот? – спросил Хьюго скептически.

– Это конфиденциальная информация. У нас тут где-то была начатая бутылка виски, кто-нибудь знает где?

Ральф был прав. Девушки вышли через сорок минут, уже готовые идти на пляж. Процесс выбора пляжа занял немало времени. Одни были слишком уж каменистыми. На других были отвратные рестораны. На третьих они и так уже столько раз были. На четвертых было слишком много народу. Джим уже начал подозревать, что сегодня они вообще не дойдут до пляжа.

– Поехали в Антиб, – сказал наконец Хьюго. Они взяли обе машины, потому что Хьюго хотел по пути заехать купить антенну.

Дерек все еще дулся, закрывшись у себя в комнате. Что там семнадцать лет – регресс уже явно дошел до шести. Старшая группа детского сада. Я бы тоже заперся у себя в комнате, размышлял Джим, но мне было бы стыдно. Когда кончится отпуск, Дерек вернется в свою роскошную квартиру в Маленькой Венеции и к своей процветающей фирме, а Джим вернется в своих заношенных костюмах, несвежему белью, десятку зачитанных книжек в мягких обложках и контрабандным бутылкам. Дерек встретит дюжина угодливых подчиненных, каждый из которых из кожи вон лезет, чтобы проявить себя с самой лучшей стороны и принести фирме дополнительные доходы; если Джиму повезет, его встретит один-единственный застенчивый программист, неспособный сказать «доброе утро» людям, с которыми он работает бок о бок годами. Все это весьма удручающе, так что лучше об этом не думать. Чтобы не расстраиваться лишний раз.

Джим твердо заявил, что он сядет за руль. Девушки поехали с Хьюго. Ральф сидел с сигаретой в одной руке и бутылкой мескаля в другой; на нем были черный в полоску жилет из тех, которые предпочитают перекачаные культуристы или танцоры на подтанцовках при полном отсутствии вкуса, и бейсболка с эмблемой «Лос-Анджелес райдерз». На его худосочном бицепсе красовалась татуировка, смысл которой Джим так и не понял: «Когда ты поймешь, что я Бог, все у нас будет в порядке» и череп с кинжалом в зубах.

– А что это за татуировка? – спросил он.

– Вообще-то я не хотел ее делать. В Сан-Франциско. На спор. Десять тысяч долларов. Потом я предложил тому парню, что я ее вырежу ножом, но он не соглашался на больше, чем двадцать тысяч. А для такого самоистязания сто тысяч – это предельный минимум. – Ральф еще отхлебнул мескаля. – Ну вот, а говорят, что от этой гадости случаются галлюцинации. Вообще-то я пьян в дугарину, но со зрением у меня все нормально.

У Джима случались галлюцинации и без мескаля. Например, вчера ночью у него как раз была галлюцинация – первая после долгого перерыва. Раньше ему регулярно мерещился кто-то черный, в темноте в изножье кровати, когда он просыпался по ночам. Если подумать, то эта галлюцинация была обескураживающе тупой и занудной, но по-началу ему было по-настоящему страшно. У темной фигуры не было лица, но это был явно мужчина, и несколько раз он явно собирался заговорить. Однако не заговаривал, а просто стоял в темноте, легонько покачиваясь, и угрюмо тарасился на Джима. Джим быстро выяснил, что если обложить темного гостя матом, он исчезал. В общем, это была вполне мирная галлюцинация.

У Ральфа зазвонил мобильник. Он внимательно выслушал, что ему там сказали.

- Не знаешь, какой в Сент-Тропезе самый дорогой отель?

Джим не знал.

- Приезжает мой спонсор. Владелец «Колорадо». Но он и сам по себе мистер Портфолио. Упаковочный завод в Малайзии. Пиццерия в Тегеране. Пара отелей на Сейшельских островах. Маленький частный госпиталь в Австрии. И он нанимает меня, чтобы я пихал деньги во всякие неординарные финансовые отверстия. И он очень всегда расстраивается, если вдруг выясняется, что он поселился не в самом дорогом отеле, когда он куда-нибудь приезжает. Пусть это будет не самый лучший отель... пусть это свинарник какой-нибудь... лишь бы самый дорогой. Господи, я ненавижу богатых.

На подъезде к Антибу была жуткая пробка. Дороги на побережье узкие, а пижонских машин полно. Джим засмотрелся на трех собак на обочине. Два ирландских сеттера и колли.

- Откуда ты знаешь Дерек? - спросил он у Ральфа.

- Познакомились в летной школе. На самом деле, я не особенно его знаю. Станный он парень, Дерек. Однажды мы с ним поспорили... причем это он предложил пари... на тысячу фунтов, что я не посажу самолет после трех бутылок «Джонни Уокера».

- Странное, надо сказать, пари.

- Да. Причем все было сложно, потому что Дерек не верил мне на слово, что я выпью эти три бутылки. С другой стороны, он не хотел подниматься со мной на одном самолете, чтобы проверить, выпью я их или нет, и он не хотел, чтобы я выпил их на земле, потому что кто-нибудь из инструкторов мог заметить. В конце концов еще один парень согласился лететь со мной, чтобы засвидетельствовать честное потребление трех бутылок, а потом сиганул с парашютом, когда я пошел на посадку.

- И как же ты справился?

- Я малость сжульничал. Тысяча фунтов - эта не та сумма, чтобы так рисковать. За десять тысяч я, может быть, выпил бы все три бутылки. Я заранее разбавил виски водой, так что в общей сложности, если считать по градусам, выпил только одну бутылку.

Добравшись до пляжей, они пятнадцать минут искали, где поставить машину, и в результате нашли в пяти минутах ходьбы от пляжа, что можно было расценивать как невезение, но машина хотя бы стояла в тени.

На пляже - кстати сказать, это был платный пляж - было столько народу, что будь Джим один, он бы развернулся и ушел восвояси. Но они договорились встретиться здесь с Хьюго и девушками. Один неверный шаг, и ты рискуешь наступить на роскошный бюст какой-нибудь нимфетки. Они с Ральфом нерешительно протиснулись вперед сквозь залежи тел. Они себя чувствовали здесь чужими. Когда ты приходишь на пляж, тебе всегда хочется, чтобы твое появление выглядело импозантно и круто, потому что на пляже все только и делают, что друг на друга глазект, но Джим был реалистом и понимал, что он слишком бледный для того, чтобы произвести впечатление на здешнюю публику, тем более что Ральф являл собой большой ходячий баллончик с репеллентом, отпугивающим всякий шик.

Они обнаружили какое-то подобие свободного места рядом с молоденькой итальянкой с весьма аппетитной попкой - аппетитной даже среди бесконечного множества столь же приятственных задниц. Совершенная по форме. Больше похожая не на часть тела, а на геометрическую фигуру, на деталь ландшафта.

Ее гордая обладательница лежала так близко к Джиму, что он видел тонкие белые волоски у нее на ногах – волоски, которые можно увидеть только тогда, когда ты целуешь бедра женщины при хорошем освещении, – и чувствовал запах ее крема для загара. При ней было двое детишек, что лишь подтверждало ее неразрушимую красоту. Усталость препятствовала тому, чтобы испытывать хоть какие-то эротические позывы, но Джим с удовольствием пожал бы ей руку, чтобы засвидетельствовать свое искреннее почтение.

Ральф расположился в тени под зонтом от солнца (за отдельную плату). Джим не понимал, какой смысл продираться с боем сквозь пляж, где народу как сельдей в бочке, если ты не собираешься загорать, но его это мало заботило. Ему хватало своих забот. Его фирма тихо загибалась, все было плохо, у него перманентно болело левое бедро (врач, надо думать, шутил, когда предложил Джиму пересадку бедра); но солнце ярко светило в небе, и ему было на все плевать. На самом деле. На солнце его разморило. Опять захотелось спать. Но он боялся обгореть, если заснет прямо здесь. Обгореть или сделать что-нибудь неподобающее, например, захрапеть или пустить слюну посреди всего этого великолепия.

Ральф достал свой мобильник и набрал номер.

– Чад? Правда? Мне здесь так здорово, что мне нужно будет как следует отдохнуть после такого отдыха. Я тебе уже все рассказал про русских женщин? С меня еще фотографии, да. Ладно, сто миллионов, но не больше.

Вот оно, значит, как, заключил Джим.

– Все дела можно вести отсюда, – заявил Ральф, закончив разговор. – Засесть в ресторане, включить ноутбук, вкусно покушать, пойти искупаться, помочь какой-нибудь цыпочке намазать грудь кремом для загара, чего-то продать, чего-то купить. Единственная помеха, почему это никак не покатит, потому что всем этим придуркам в Лондоне будет так завидно, что они непременно подстроят тебе какую-нибудь гадость. Один неверный шаг...

– А как ты занялся коммерцией? Ты заканчивал экономический?

– Нет. Я изучал историю искусства. Защитился по теме: изображение глаз у Мадонн с младенцем. И что самое странное, мне до сих пор интересно. Тебе откуда не нужно позвонить?

Джим задумался. Существовала ничтожно малая вероятность, что новости будут хорошими. Скорее всего не будет вообще никаких новостей, что можно рассматривать как плохую новость. Красавица-итальянка запустила руку под трусики и смачно так почесалась, нисколько не стесняясь. А если новости будут плохими, тогда Джим совсем уже захандрит. С другой стороны, в этом действительно что-то есть, когда ты звонишь в офис, ковыряясь ногой в песочке. Так что, наверное, стоит рискнуть.

Телефон все звонил и звонил. Джим представил, как Бетти терзается: брать трубку или не брать. Он очень надеялся, что хотя бы автоответчик будет включен.

– Да? – Это был Бетти. Его голос был весь пропитан серым Лондоном. Джим почти слышал шум дождя.

– Это Джим. – Он дал Бетти время переварить информацию. – Как дела? – В ответ была тишина, и Джим с запозданием сообразил, что задал слишком сложный вопрос.

– Есть какие-то новости?

Бетти молчал, сопел в трубку, раздумывал. Не о новостях, а о том, как оформить ответ в слова.

– Нет. – Голос у Бетти был не таким уж и напряженным. Неужели он мало возился со своей материнской платой?

– Все нормально? Снова сопение.

– Да.

– Хорошо, Бетти. Ты там не злоупотребляешь своим положением, пока меня нет?

Стук клавиш на клавиатуре.

– Я бы никогда не стал.

Пришлось все же спросить:

– А что насчет того проекта?

– Пока ничего. Он тут, у нас. Курьер не сумел найти адрес.

Джим вернул телефон Ральфу. Он поднялся и пошел, пошатываясь, к туалетам. Там он закрылся в кабинке и минут десять тихо проплакал. Надо было дать выход эмоциям.

Когда Джим вернулся, Ральф по-прежнему прятался под зонтиком.

– А откуда ты знаешь Хьюго? У вас какие-то совместные проекты? – спросил Джим, чтобы провести время.

– Да нет. Познакомились на горнолыжном курорте пару лет назад. А вы с ним в школе учились?

– Ага.

Джим уставился на чудовищно толстую тетку прямо напротив, чья обширная плоть выпирала отовсюду, откуда только можно (к счастью, на ней был закрытый купальник), и на ее мужа, похожего на столетнего палочника. Есть такое насекомое. Действительно похожее на палочку. Джим попытался представить, как эта парочка занимается сексом, но ему не хватило воображения. Тетенька представляла собой наихудший вариант английской туристки: загар наподобие вареного рака, громкий визгливый голос, познания во французском ограничены десятью словами, а произношение такое отвратное, что Джима аж перекосило. В общем, дешевка как она есть. Тетка яростно распекала разносчика по поводу сколько стоит баночка кока-колы. Да, на пляже все дорого. Но если тебе не хочется тратить деньги, тогда не заказывай «пить водичку». Тем более что разносчики цену не назначают. И что самое невероятное, у этой парочки было трое прелестных детишек.

Джим хотел было купить воды – исключительно из-за сочувствия к разносчику, – но тот, разумеется, прошел мимо, не заметив поднятой руки Джима и не услышав его призывные вопли.

Шея опять разболелась, и это напомнило Джиму, что ему еще надо придумать, как разрешить проблему с Дерексом. Конечно, будь он чуть поумнее, у него вообще не было бы никаких проблем с Дерексом; у него где-то записан адрес виллы в Сент-Тропезе, куда приглашал его Кидд, и с учетом сложившихся обстоятельств – просто критических обстоятельств – было бы вовсе не стыдно туда напроситься. Тем более что его приглашали. Так что там с Дерексом?

Если ему повезет, то Дерек окончательно распахнется и уедет домой, обиженный на всех и вся. Но это было бы слишком хорошо. Так не бывает. Неизменный закон всех вечеринок в большой компании: самый противный гость всегда уходит последним. Самые безнадежные зануды и идиоты никогда не посмотрят на часы в одиннадцать и не скажут: «Все уже поняли, что я патологически не способен к нормальному и полноценному душевному общению, так что я еду домой». Нет, они будут сидеть до трех, четырех, пяти, до шести утра, пока в доме хозяина не закончатся сигареты. Хотя, может быть, они правы. Все самое странное и интересное происходит всегда под конец.

Жалко, что Дерек отделался легким испугом после приключения с багажником; жалко, что багажник был не герметичным, а то бы Дерек там задохнулся ко всеобщему удовольствию. Или бы просто откинул копытца сам по себе. Известны же случаи, когда пассажиры продолжительных рейсов умирали от тромбоза прямо в полете, потому что им было мало места для ног. Обидно, что с Дерекком не случилось чего-то подобного, пока он лежал в тесном багажнике, скрючившись в три погибели.

В поле зрения показался Хьюго с Катериной и Елизаветой.

– Купил я антенну. Знаете, сколько стоит?

– А мне будет какой-нибудь приз, если я с уверенностью предскажу, что сейчас мы это узнаем? – спросил Ральф.

Джим наблюдал, как Катерина с Елизаветой раскладывают пляжные полотенца. Надо признать, женщины более приспособлены для походов на пляж; такая тщательная, по-военному точная подготовка. Он якобы загляделся на море, как будто и вовсе не ждал, когда Катерина с Елизаветой разденутся. Жалко, что это был не нудистский пляж; но и голые грудки – это уже неплохо. Ты можешь всю жизнь разглядывать женские груди, но еще одна, новая грудь – это всегда любопытно. Катерина неторопливо сняла свою маечку, явив миру два загорелых холмика, но тут же надела лифчик от бикини. Елизавета заранее надела купальник под платье. У Джима была теория, что у блондинок грудь лучше, чем у брюнеток, но он не знал, как это доказать, и даже если бы он нашел доказательства, то что бы он с этого поимел?

– Схожу куплю выпить, – сказал Ральф.

– И купи арбуз, – сказал Хьюго. – Джим, как по-французски будет арбуз?

Это была проверка. Раньше Джим хорошо говорил по-французски, да и теперь еще изъяснялся вполне даже сносно, но когда Хьюго спросил про арбуз, Джим не ответил. Конечно, было бы здорово сразу и без запинки выдать ответ, но... увы. Джим знал, как называются на французском совершенно нелепые вещи. Цесарка. Морская свинка. Шишка. Пемза. Он знал слова на французском, которых не было в английском. Как называется камень, сквозь который собирают оливковое масло в масляном прессе. Как называется женщина, которая баламутит воду, чтобы ловцам речных раков было удобнее оных раков ловить. Есть слова, которые ты знаешь, но не можешь припомнить с ходу. Есть слова, которые ты думаешь, что знаешь, а на самом деле не знаешь. Но слово «арбуз» Джим точно знал, что он не знает. Вопрос арбуза как-то ни разу не поднимался ни в одном разговоре с французами, ни в одной французской книжке... даже в меню в ресторанах Джиму ни разу не попадался этот несчастный арбуз. Дыня – да. Дыня – это пожалуйста. Но вот арбуз...

– Не помню.

Девушки были явно разочарованы. И вот на пляже, под ярким солнцем, когда у Джима появился шанс проявить себя в области, где он действительно был

силен, он потерпел сокрушительное поражение.

- Ладно, скажу «вроде дыни, только такой зеленый, в полоску», - заключил Ральф.

- Кажется, это будет *pasteque*, - сказал Хьюго, и Джим сразу же заподозрил, что эта лингвистически-арбузная засада была подстроена с самого начала. Ральф ушел в бар, девушки решили пойти поплескаться. Когда они ушли, Джим не без ехидства полюбопытствовал:

- Ты женишься на Катерине?

- А ты женишься на Елизавете? - не остался в долгу Хьюго.

Тема была деликатная. Джим знал очень немногих из подруг Хьюго, потому что редко какая подруга задерживалась при нем больше, чем на пару месяцев. То ли у Хьюго был иммунитет к безумному пламени страсти, то ли это случилось так быстро, что Джим просто все упустил? Как будто им снова семнадцать лет... только им уже далеко не семнадцать, и в их возрасте отсутствие серьезных и длительных отношений уже можно рассматривать как прискорбную патологию. И дело вовсе не в том, что некому будет поднести тебе ночной горшок, когда ты станешь старым и немощным. Все-таки есть разница, когда ты смотришь хороший фильм вместе с одним человеком, и вы потом обсуждаете, что посмотрели, в приятной беседе, или когда ты смотришь тот же фильм с пятью-шестью разными женщинами, которые сменяют друг друга и каждая из которых сидит с тобой ровно двадцать минут, после чего навсегда исчезает - вроде бы у тебя есть компания, но обсудить фильм ты с ними не сможешь.

Если Катерина и вправду такая, какой она кажется, то чего еще нужно Хьюго? Да, у нее есть один недостаток. Она небогата, даже неплатежеспособна. Но это отнюдь не причина, чтобы с ней «не водиться». Из всех подруг Хьюго, которых знал Джим, Катерина была самой-самой. Да и для нее Хьюго был очень даже неплохим вариантом. В конце концов на концерты можно ходить и с друзьями. А что касается ссор... так все пары ссорятся. Какими бы нежными ни были отношения, повод для скандала всегда найдется: куда вешать полку, каким кремом натирать обувь, сразу ли выбросить на помойку кошмарного вида дешевенькие безделушки, подарки от родственников жены/мужа. Может быть, это и есть определение любви: человек на которого ты не можешь сердиться долго.

Елизавета стояла у кромки прибора, мочила ножки. Ножки были что надо. Апатичная задумчивость Джима сменилась знакомым зудом. Хватит думать головой, твердо сказал он себе, пусть вождение берет бразды. Именно потому, что он много думал, он и довел себя до банкротства и до тесной дешевой квартирке - с какими-то странными пятнами плесени на обоях, - в самой голимой части Лондона. Гоните мысль, пусть пирует зверь.

Девушки увидели, что Ральф возвращается с напитками, и тоже вернулись. Елизавета уселась на полотенце.

- Простите мою безграничность, - сказала она.

Ральф с трудом удерживал поднос, на котором имели место быть: две бутылки шампанского, бутылка водки - каждая в отдельном ведерке со льдом, - две большие кружки пива и три бутылки минеральной воды. Джим невольно пожегся, представив себе, сколько все это стоит по пляжным ценам.

- Может, сейчас поиграем в питейную игру? - спросил Ральф.

- Будет несправедливо, что девушкам придется играть на английском, - сказал Хьюго с толикой паники в голосе. Его явно страшило, что придется

вносить материальный вклад в эту покупку.

- Да ладно. Давайте сыграем.

- Я что-то не в настроении. Да и вообще, глупое это занятие. Я журчу и булькаю по шестому разу, и мозги меня плывут.

- Понял, отвял. У меня есть идея получше. Пусть каждый расскажет историю, и чья история будет лучшей, тот не будет платить свою долю в выпивке.

Хьюго внимательно изучил этикетки на шампанском.

- Ты что, с дуба рухнул? И все равно это несправедливо по отношению к девушкам.

- Катерина с Елизаветой пусть будут судьями. А мы, каждый, расскажем историю. Тема пусть будет... антиобщественные поступки. Да, это всегда интересно. Антиобщественные поступки.

- Я играю, - сказал Джим. Ему нечего было терять. Игра - не игра, ему все равно надо будет платить. А так хоть какое-то развлечение.

- Расскажи нам историю, Хьюго, - сказала Елизавета.

- Да, Хьюго, расскажи нам историю. - Ральф очень лихо открыл шампанское; пробка вылетела и приземлилась между грудями длинноногой и смуглой красотицы, которая дремала, прикрывшись газетой. К счастью, она не проснулась.

- Даже не думай, - остановил Хьюго Ральфа, когда тот потянулся, чтобы забрать пробку. - Я не умею выдумывать истории.

- Тогда расскажи нам историю из жизни.

Хьюго задумчиво почесал щетину.

- О Господи. Но прежде чем я начну... Катерина, Елизавета, я попрошу вас не забывать, кто вас везде возит и кто за все платит. В общем так. Вы мне наверняка не поверите. Пару месяцев назад я устраивал у себя вечеринку, а на следующий день мне позвонил один из гостей. Парень, которого я едва знал. «Слушай, мне у тебя очень понравилось, - сказал он. - Я заметил, у тебя есть свободная комната для гостей. Ко мне тут друзья приехали, живут у меня, и я тут подумал... ты меня не приютишь на недельку? Меня с моей девушкой». Я сказал, что сейчас у меня тоже гостят друзья, так что ничего не получится. Этот урод даже не смог обеспечить отель для своих гостей.

- И это все? - спросил Ральф.

- Ага. Правда, забавно?

- Похоже, ты дисквалифицирован и должен оплатить счет. Ты вообще знаешь, что означают слова «история» и «антиобщественные поступки»?

- А какая твоя история?

Ральф закурил и плеснул себе водки.

- У меня был приятель - он еще и коллега, - у которого было весьма необычное хобби. Дефекация в местах отправления религиозного культа.

- Что? - не поняла Катерина.

- Прошу прощения. Он срал в церквях.

- Зачем?

- Интересный вопрос. Он глубоко погряз в метафизике. И его волновал вопрос, есть Бог или нет.

- Не вижу связи, - сказал Хьюго.

- Связь очень даже прямая. Не сумев найти убедительных доказательств, что Бог существует, он стал осквернять святыни в надежде, что с ним приключится что-нибудь ужасное. В смысле, Бог его накажет, что и явится доказательством, что Бог существует. Он подошел к этому радикально. То есть не просто втихую покакал в ближайшей к дому методистской церкви. Он полмира объездил, чтобы верней достать Господа Бога. Ватикан, собор святого Павла, Золотой храм в Амритсаре, буддистские храмы в Японии - он везде побывал и оставил свою «визитную карточку». Он даже поехал в Америку, предварительно изучив ихние религиозные культы - так сказать, для полного набора.

- И его ни разу не поймали?

- Один раз, у квакеров. Но они решили, что он больной.

- И я их понимаю, - вставил Хьюго.

- Но вся ирония в том, что это отнюдь не грех, ибо ни одна религия напрямую не запрещает ходить по-большому в местах поклонения божеству. Разумеется, я не особенно разбираюсь в религиях, но я уверен, что такого запрета нет ни в одной.

- Ну и что, случилось с ним что-нибудь страшное?

- Нет. - Ральф в очередной раз приложился к стакану. - В конце концов он покончил с собой; но в предсмертной записке он написал, что он кончает самоубийством потому, что за долгие годы, пока он занимался своим богохульным делом, с ним не случилось ничего ужасного. Наоборот. Он продвигался по службе. И все у него было замечательно.

- Это плохая история, - сказала Елизавета.

- Да, - согласился Ральф, - и к тому же печальная. Мне не стоило это рассказывать, пусть даже оно и по теме.

- Да, моя история была хотя бы забавной, да, Катерина? - сказал Хьюго, подливая ей шампанского.

- Теперь очередь Джима, - сказала Катерина.

- Ну... - Он сделал вид, что задумался. - Жил-был один молодой человек, красавец, любимец женщин. И он безнадежно влюбился в девушку из Новой Зеландии. К несчастью, у девушки заболел отец, и ей пришлось возвращаться домой, чтобы за ним ухаживать. Молодой человек очень быстро понял, что он жить без нее не может и решил ехать в Новую Зеландию. Но у него совсем не было денег. Он и так уже слишком много набрал займы у друзей и родственников, и ему было стыдно снова просить у них денег. Он нигде не работал... то есть работал, играл на бонго по барам, это такой небольшой сдвоенный барабан... в общем, ему даже пытаться не стоило брать кредит в банке. А деньги нужны были срочно.

Первым делом он купил лотерейный билет. Но ничего не выиграл – и начал догадываться, почему в лотерею в принципе выиграть невозможно. И тогда он подумал об ограблении. У одного из его приятелей был пистолет – то есть не настоящий, а копия. Но с виду как настоящий. А у другого приятеля была машина. Он попросил взять на время и то, и другое и поехал за город искать какой-нибудь захолустный маленький магазинчик. Никаких видеокамер, никого, кто мог бы его узнать (он был уверен, что как барабанщика-бонго его хорошо знают в определенных кругах). Он поставил машину так, чтобы ее не было видно из магазина. У него были очень характерные и запоминающиеся усы a'la Сапата, но он не стал никак маскироваться, потому что здесь его никто не знал и потому что он все равно собирался в скором времени покинуть страну.

В общем, он заходит в магазин, видит, что других посетителей нет, пугает продавца пистолетом, выгребает всю кассу и понимает, почему маленькие сельские магазинчики грабят так редко. Он возвращается к машине. Пробирает завести мотор, но мотор мертвый. Он не паникует. Он снова пытается завести машину. И еще раз, и еще. Он разбирается в автотехнике и проверяет мотор. С виду вроде бы все нормально. Он снова пытается завестись. Но время идет, и до него вдруг доходит, что пока он тут колупается, продавец мог бы уже тысячу раз вызвать полицию. Он смотрит на вход в магазинчик и видит, что продавец вышел на улицу – стоит курит и наблюдает за ним с искренним интересом. Молодой человек сразу прикидывает ситуацию: с его мексиканскими усами и оранжевыми тренировочными штанами пешком он уйдет недалеко. И в любом случае полиция легко вычислит его друга по автомобилю. И тут у него появляется мысль. Он возвращается к магазину и говорит продавцу:

– Слушай, я пошутил. Вот твои тридцать фунтов, и забудем об этом, ага?..

– Я пять лет отсидел за вооруженное ограбление, – говорит продавец.

– Слушай, я бы с удовольствием с тобой поболтал, но мне действительно нужно ехать к больному дядюшке. Вот твои деньги, в целости и сохранности. Если не веришь, можешь пересчитать. Давай я куплю тебе выпить, что ли. Прямо в твоём магазине. У тебя, я заметил, хороший выбор.

– Я пять лет отсидел за вооруженное ограбление, – говорит продавец.

– Слушай, это не настоящий пистолет. Это копия. Ничего страшного, – говорит молодой человек.

– У меня тоже была копия. Я пять лет отсидел за вооруженное ограбление.

– Я тут подумал... может, мы сами с тобой разберемся, не вмешивая полицию?

– Хорошо, – говорит бывший вооруженный грабитель, расстегивая ширинку.

– Становись.

И вот в чем самый прикол. После того как они «разобрались», новоиспеченный вооруженный грабитель хотел позвонить в ближайшую автомастерскую, но оказалось, что телефон отключен за неуплату.

Хьюго пришлось разъяснить Катерине с Елизаветой кульминационный момент. Девушки захихикали.

– Слишком оно хорошо, чтобы быть правдой, – с раздражением заметил Хьюго. – Да и идея сама дурацкая.

– Да, – кивнул Ральф. – И это не та история, которую кто-то будет рассказывать о себе.

- А я говорил, кто из участников этой истории мне ее рассказал? - спросил Джим, мысленно благодаря Херби за его любимый анекдот.

- У Джима история лучше всех, - сказала Катерина.

- Похоже, за выпивку платить нам, Хьюго.

Хьюго впал в ступор уныния. Джим обозревал пляж. Был ли там хоть один человек, который по-настоящему счастлив? Слишком юные, чтобы жениться, неженатые, мечтающие пожениться, женатые, больше уже не женатые, женатые по второму и третьему разу? Отовсюду слышалась веселая болтовня и взрывы беспечного смеха; но счастливы ли они - все эти люди? Пляж, если смотреть внимательно, представлял собой отражение изнурительной - и тяжелой работы - все натужно трудились, стараясь быть счастливыми. Опыренные солнцем отпускники старались выкинуть из головы счета, измены, утраты, болезни и разнообразные мелкие неприятности «карманного формата». Джим восхищался их героизмом; семьи и одиночки, коммивояжеры и официантки - они все сражались. Он искренне желал им удачи. Если бы эмиссары Господа всемогущего сейчас явились бы к нему, воткнули бы пистолет ему в ухо и сказали бы: «Джим, если сейчас мы тебя застрелим, все эти люди гарантированно будут счастливы», - он бы с готовностью отдал свою жизнь за то, чтобы всем остальным было хорошо, потому что это было бы то сокровище, которое он искал всю жизнь: сделать что-нибудь стоящее. Дабы благодарные потомки... и далее по тексту.

- Подождите, у меня есть еще история, - вышел из ступора Хьюго. - Она будет получше.

- Нет, не будет. У тебя все истории идиотские.

- Нет, правда. И почему я сразу про нее не подумал?! У меня был сослуживец, который всегда проводил отпуск с нудистами. Как раз накануне большой презентации он поехал на Кап Даг [3 - Крупнейший в мире нудистский курорт во Франции, на Средиземном море. - Примеч. пер.], в один из этих нудистских поселков. Провел там две недели. Пил, как лошадь, и обжирался от пуза - там его угощали. Обратный билет у него был на вечер, а на следующий день должна была быть презентация. Но он сказал себе: я весь год вкалывал, как проклятый. Пахал, как лошадь. Полечу завтра утром; там есть ранний рейс, и даже если его задержат, я все равно успеваю на презентацию во второй половине дня. Вы знаете, как это бывает, когда тебе по работе приходится часто ездить в командировки - ты приезжаешь в аэропорт буквально впритык к нужному рейсу, чтобы не тратить зря время. В общем, он вызвал такси, собрал чемодан и стал надевать костюм... но не влез в брюки. Я говорю не о том, что они были ему тесноваты или там молния не сходилась... Он в них не влез в буквальном смысле слова. Даже ногу не смог засунуть в штанину. А еще у него была странная привычка не носить трусов, потому что, как он объяснял, когда он без трусов, он себя чувствует экстремистом-революционером на подпольном митинге. А поскольку курорт был нудистским, то плавок у этого мужика тоже не было. А теперь представьте картину. Половина шестого утра, а ему нечем прикрыть задницу. Он готов предложить таксисту любые деньги, чтобы тот продал ему штаны, но тут без мазы... таксист его в два раза тоньше. Он ломится в номера к толстякам, с которыми там познакомился. Предлагает тысячу фунтов за пару брюк. И снова облом. Все штаны ему явно малы. Он спрашивает у таксиста, нет ли среди его знакомых по-настоящему толстых людей. Они едут к двоюродному брату таксистовой жены, и у того, к несказанному облегчению моего приятеля, как раз подходящий размер. Они мчатся в аэропорт, но там на шоссе случилась авария, и собралась пробка. Он оставляет багаж в машине и последнюю миллю до аэропорте бежит бегом. И еще успевает увидеть, как взлетает его самолет. Ладно, фигня-война. Есть еще один рейс, через три часа. Но на него нет свободных мест. Ни на какой из утренних рейсов нет свободных

мест. Он предлагает другим пассажирам сумасшедшие деньги, чтобы они отдали ему свой билет, но они все, как один, едут к любимым родственникам, пребывающим на смертном одре. Ему пришлось брать такси до Парижа, откуда он все-таки улетает, приезжает через два часа после того, как презентация закончилась, и его увольняют.

- Ты определенно не знаешь, что такое противоправный поступок, - подытожил Ральф.

- Он опоздал на презентацию.

- Но не специально. Он же очень старался туда попасть. Елизавета, - проворковал Ральф, - я хочу, чтобы ты знала, что я по-прежнему в твоём полном распоряжении, душой и телом, любовь втроем, наручники, порка кнутом, без проблем.

- Ничего нового, - сказала Елизавета.

Она встала и пошла к воде. Там она улеглась на дамбе в картинной позе - хоть снимай для журнала, - и принялась лениво перебирать пальцами свои локоны. Джим выждал минуту и пошел ее оболящать. Ему нужно было нормально спать - в нормальной кровати. Он подошел и сел рядом с ней. Пару минут они молча смотрели на волны.

- Зачем ты заговорила с этими мужиками вчера в клубе? - спросил он.

- Я с ними не говорила. Это они со мной говорили.

- А откуда они узнали, что ты русская?

- Я же русская девушка. И выгляжу как русская девушка. Я говорю Дереку: это плохие парни. Очень плохие парни. Один идет к бару. Дерек садится на его стул. Он возвращается. Говорит Дереку освободить место. Тот говорит: нет.

Два мокрых маленьких мальчика носились по дамбе туда-сюда, брызгаясь водой на Джима с Елизаветой. Они прыгали в воду «бомбочкой», поднимая фонтаны брызг. Почему-то им было прикольно нырять именно в том месте, где расположились Джим с Елизаветой. При этом почти каждый раз они едва не спотыкались о Джима. Оставалось лишь поражаться их непробиваемому невежеству. Джим вдруг поймал себя на мысли, что он бы с радостью обменял потенциальные шуры-муры с Елизаветой на возможность разок врезать этим мальчишкам по роже; идея была привлекательная, может быть, потому что неосуществимая.

- Осторожнее, - сказал он пару раз мальчишкам, но те, похоже, его я не слышали.

- Полная самопоглощенность, - пробурчал он.

- Что? - не поняла Елизавета.

- Самопоглощенность. Он не видит, что происходит вокруг... не понимает, что он нам мешает.

Они еще поговорили на всякие разные темы, обсудили русские фильмы. («Русские фильмы - самые лучшие в мире. Но надо смотреть их со мной. Чтобы я тебе объяснила», - сказала Елизавета.) Джим выразил восхищение ногами Елизаветы. Выдав положенное количество славословий, он отправился в сортир с сознанием исполненного долга. В туалете был душ, и Джим решил освежиться. Но тот мальчишка, который нырял с дамбы и доставал Джима,

теперь уже не нырял. Теперь он был в душе. Джин смиренно ждал. Он посмотрел на часы. Ныряльщик плескался под душем уже минут восемь, тщательно промывал каждую складочку у себя на теле и даже сполоснул водой внутреннюю сторону век. Наверное, это был самый «чистюльный» десятилетний мальчишка во всей Франции. За Джимом уже выстроилась небольшая очередь из двух человек. Мальчик закончил свое омовение и принялся ополаскивать плавки, так же неспешно и методично, как мылся сам. Джим потихонечку закипал. И в конце концов плюнул и ушел. Все-таки Лондон в нем был силен. Мальчик его раздражал, но все-таки не настолько.

Когда он вернулся, Елизавета разговаривала с кем-то по мобильному Ральфа, посылая в трубку воздушные поцелуи.

- Елизавета звонит своему бойфренду, - сказал Хьюго.

Ральф прикончил остатки шампанского. Девушки выпили каждая по бокалу, Хьюго - два бокала; все остальное поглотили пески Ральфовой жажды. Сейчас Ральф развлекался тем, что улегся на спину и, зажав ступнями бутылку водки, пытался влить себе в рот драгоценную жидкость. Но безуспешно.

- Немного йоги весьма бодрит.

Джиму было немного стыдно за Ральфа. Радовало одно - что Хьюго выказывал все признаки предельного огорчения.

- Удивительно просто, чего только не услышишь от людей после пары бокалов, - задумчиво проговорил Ральф медленным и напыщенным тоном хорошо поддавшего человека. - Есть еще одна неплохая питейная игра. Когда все присутствующие должны рассказать свои самые постыдные, самые темные тайны. И что самое поразительное, очень многие соглашаются. И особенно - американцы.

- А какая твоя самая темная тайна, Ральф? - спросила Катерина.

- Моя самая темная тайна, что у меня нет ни одной темной тайны. Это грустно и скучно. Каждый должен хотя бы раз в жизни совершить какую-нибудь низость.

- Погодите. У меня есть что рассказать, - вдруг встрепенулся Хьюго. - Потрясающая история. Не понимаю, как я мог про нее забыть?!

- Хьюго, Бога ради... я сам оплачу весь счет, - сказал Ральф.

- Нет, это действительно замечательная история. Вам понравится. Один мой друг пошел в клуб. Танцует он, значит, и подходят к нему эти девушки-шведки и тоже танцуют рядом. Таким образом, перед ним встает классическая проблема: эти девушки-шведки танцуют рядом с ним или просто танцуют?

- А откуда он знал, что они шведки? У них что, паспорта на груди висели? - спросил Ральф.

- Потому что он с ними познакомился.

- Но когда они только начали танцевать, он не мог знать, что они именно шведки. Классическая проблема в том, что рядом с тобой выплясывают две блондинки.

- Дело не в этих шведках.

- Тогда зачем ты их упомянул?

- В общем, он выясняет, что они не питают к нему особенного интереса, но, разумеется, как и всякий мужчина, он покупает им дорогую выпивку. Много выпивки. Потом он сам напивается, чтобы сгладить разочарование. Он выходит из клуба, едва держась на ногах, и к нему подъезжает огромный «мерс». Типа частное такси. Вот повезло, думает мой приятель и садится в машину, и этот парень везет его домой на скорости сто миль в час. Мой приятель, хоть и напился до пороссячьего визга, все-таки соображает, что все это как-то странно: в субботу вечером частный таксист развозит подвыпивших гуляк по домам на совершенно новом «мерсе» последней модели, при том, что таких во всем графстве не больше десяти штук. Он это знает точно, потому что буквально на днях купил себе такой «мерс». Они с водилой болтают, и оба согласны, что это просто зверь-машина. И тут мой друг замечает, что у этого парня точно такая же магнитола, как и у него. И вот еще интересное совпадение: водила тоже читает «Войну и мир», причем закладка лежит примерно на том же месте, до которого дочитал и он сам. И наконец до него доходит, что это, собственно, его машина, которую он вчера вечером оставил у дома приятеля, потому что тоже напился в сосиску.

И что ему делать? Он вообще-то плюгавенький, мой приятель. К тому же он едва держится на ногах, а водила дородный такой, и вид у него бандитский, и держится агрессивно. Приятель мой соображает, что на такой скорости они будут у его дома минуты через две-три. У него с собой есть мобильный, но немного подумав, он понимает, что если он позвонит в полицию, то будет погоня... а он-то тут же сидит, на заднем сиденье... а если будет авария?! Или если водила уйдет от полиции... ему в любом случае не поздоровится, моему другу.

Они подъезжают к дому, мой приятель дает водиле десятку, а тот говорит, что у него нет сдачи.

«Вид у вас что-то усталый, - говорит мой приятель. - Плохо, должно быть, работать в субботу вечером. Может, зайдем ко мне, выпьем чего-нибудь?» Он рассудил, что если заманить водилу домой, а потом вызвать полицию, то те приедут и его увезут. А машина на месте в целости и сохранности.

«Чегой-то вдруг? - говорит водила. - Ты что, педик, что ли?»

«Нет, конечно...»

«Ну и до свиданья».

Больше мой приятель свой «мерс» не видел.

- Машина благополучно прибыла в Россию, - сказала Катерина.

- А ты бы не отпустил мерзавца так просто, да, Хьюго? - заметил Ральф.

- Я бы его задушил. Но что самое интересное, мой приятель не особенно-то и расстроился. Сказал, что у него хотя бы была возможность попрощаться с машиной. Это ведь хорошая история, правда, девочки?

- Хьюго, я же сказал, что заплачу сам.

- Но эта история - самая лучшая, правда, девочки?

- У меня есть... еще лучше, - сказал Ральф, - Самая-самая лучшая... поехать на выходные с приятелями, врубиться на полной скорости... лоб в лоб, и на хрен пошли ПДД... и никаких ремней безопасности, бля...

Джим подумал, что Ральфа пора выводить из запоя.

- Один мой друг... имени называть не буду по причинам, вполне очевидным...

- Мы хотим имя, - сказала Катерина.

- Ну ладно. Хрен с ним. Антон. Однажды летом Антон нанял яхту. Собирался поехать по островам в Эгейском море. Вместе со своей подружкой. И еще одна пара хотела поехать. А кают было три. Антон поспрашивал по знакомым, но больше никого не нашел. То есть нашел одного мужика, но... честно сказать... тот был ему очень несимпатичен. Но поскольку Антон, он как Хьюго...

Хьюго покачал головой, как бы отметая несправедливое обвинение.

- В общем, соображения экономии перевысили... ну, чтобы все вскладчину заплатили... и они благополучно отплыли. Первые два дня все было замечательно. И вот на третий день... они все слегка перепили... и Антон со своей подружкой решили подшутить над этим парнем, который в третьей каюте... назовем его Рыжий, потому что он рыжий. Они решили, что это будет ужасно весело. А поскольку он уже внес свою долю, то на его возмущенные протесты всем было положить.

Ральф закурил сигарету.

- Рыжий, он рыжий, как я уже говорил, и загорать он не любил, потому что быстро обгорал, и задница у него была белая-белая, как и у большинства рыжих... так что они подумали, что будет забавно, если привязать его к палубе и оставить на два-три часика на солнце, чтобы его белая задница пропеклась... в общем, они так и сделали... а потом спустились в каюту, утомленные физическим напряжением и непомерным весельем, чтобы немного вздремнуть и того... ну, это... потрахаться, в общем, невзирая на громкие вопли Рыжего. Спустя пару-тройку часов Антон выходит на камбуз, чтобы налить себе выпить, и встречает там своего приятеля, который тоже... хорошо потрахался и захотел промочить горло. «Как там Рыжий?» - спрашивает Антон. «Не знаю. Я думал, что ты его отвязал». - «А я думал, что ты его отвязал». - «Он вроде затих, так что, наверное, все нормально». Они поднимаются на палубу и видят что Рыжий не просто затих... он умер.

- От солнечного ожога не умирают, - заметил Хьюго.

- Они тоже так говорили... «Не может он умереть!» Они поливали его водой и пытались делать искусственное дыхание. Но... мухи уже собирались на пир, образно говоря.

- Давайте с Дерекком так шутить, - сказала Елизавета.

- Они все были в шоке, особенно девушки... все принялись обвинять друг друга, а потом, когда первое потрясение прошло, они стали решать, что делать. Можно свалить все на солнце и злоупотребление спиртным, но, как вы, наверное, догадались, Рыжий пытался освободиться... до последнего... так что раны, натертые веревками, не мог не заметить даже самый тупой коронер. Они боялись, что их посадят. И тогда все будет кончено. Жизнь перемелется в мясорубке. Прошу прощения за метафору. И вот, после жарких дебатов...

- А что такое метафора? - спросила Елизавета.

- ...они выкинули тело за борт, ночью. А утром они обратились в полицию, и там... сюрприз-сюрприз... оказалось, что это не первый пьяный турист, пропавший за последнее время. Тело нашли пару недель спустя... когда море смыло все улики. Антон мне рассказывал, как... забавно... он употребил именно это слово... было на похоронах, когда священник сказал, что покойный по крайней мере почил в бозе в приятной компании... и как мать покойного благодарила его... за то, что он остался на том курорте еще на неделю и

помогал в поисках.

- Он сказал, что это было забавно? Как вообще человек способен такое сказать?! - возмутился Хьюго.

- Потому что ему было забавно. Все зависит от того какой ты человек.

- И им ничего потом не было?

- Одна из девушек покончила самоубийством. Антон стал вице-президентом... одного банка.

- Какого банка? - спросил Хьюго.

- Не скажу.

- Почему?

- Потому что ты не умеешь держать язык за зубами.

- Тогда зачем ты нам это рассказываешь?

- Не знаю, на самом деле... чтобы предостеречь... в смысле, что надо тщательно выбирать компанию, с кем ехать в отпуск. Я имею в виду, что мы едва не потеряли беднягу Дерекка.

- А почему он рассказал все тебе? - спросил Джим.

- Скажем так... Антону... это понравилось... ему понравился вкус... запретного. Если бы он потерял работу или... угодил в тюрьму, он бы рыдал, как пятилетний ребенок, но ему не было вообще ничего, и он понял... что он непотопляем.

- У тебя много друзей, кто покончил самоубийством, - заметил Хьюго.

- Нет. Просто у меня широкий круг... знакомых, Хьюго. Это у всех так. Знаешь, наверное, я позвоню одному французскому банкиру.

- Я бы чего-нибудь съел, - сказал Хьюго.

Джиму совсем не хотелось есть; усталость и жаркое солнце совершенно отбили ему аппетит. Но они сорок минут дожидались, пока им принесут меню, и хотя все, кроме Хьюго, заказали только салат, еду подали еще через полчаса, причем Хьюговы мидии были еще не готовы. Они обсуждали крушение России.

- Я не знаю, вообще, почему говорят об обвале экономики. Экономика никогда никуда не обваливается, - разгольствовал Ральф. - Состояние экономики может вести к обнищанию населения; старики, бедные или слабые будут умирать с голоду и замерзать, все остальные будут бороться за жизнь и драться за место под солнцем, как собаки - за кость, кое-кто из банкиров и бизнесменов сиганет из окна... но жизнь все равно продолжается.

- В России можно провести с девушкой целую ночь за пятьсот долларов, - сказала Елизавета.

- Пятьсот долларов? - сказал Хьюго. - Это не так уж и дешево, пятьсот долларов. Почти столько же, сколько в Лондоне. Я имею в виду, что мне говорили, что это так стоит.

- Все зависит от того, что понимать под словами «целая ночь», - заметил Ральф. - От полуночи до шести утра или с девяти вечера до девяти утра. И,

может быть, русские девушки занимаются настоящими извращениями... скажем, целуются.

Тут принесли Хьюговы мидии.

- Слава Богу, - воскликнул он, запихивая в рот полную вилку мидий. Но его радость тут же увяла. - Холодные. - Он огляделся в поисках официантки, которая оперативненько испарилась.

- Много шуму из ничего, - сказал Джим. Но когда он попробовал мидию, она была не просто комнатной температуры, она была ледяная, как будто тарелку специально выдерживали в морозилке.

Минут через десять Хьюго удалось поймать официантку, которая смотрела на него, как на полного идиота, пока Хьюго ей объяснял, что мидии холодные. Она забрала мидии с таким видом, как будто ей предстояло тащить их на вершину Эвереста без кислородной маски.

- Либо этот «Бандоль» разбавлен, либо они там забили на качество. Такая гадость просто не может быть настоящим «Бандолем», - сказал Ральф. Поев и слегка протрезвев, он вновь стал разборчивым и капризным. У него заверещал пейджер, и ему пришлось отвечать на вызов некоего Седрика.

- Делаешь деньги? - спросила Елизавета.

- Делаешь деньги... теряешь деньги. Никто ничего не знает. Самую лучшую сделку из всех, которые я провернул, я провернул после долгого и обстоятельного обеда; у меня батарея на мобильнике сдохла. В общем, полная жопа. Я был вообще никакой, буквально полз до телефона. Терять мне было нечего, и я пошел ва-банк. Не думая. Я ничего не просчитывал, ни с кем не консультировался. Столько денег я не зарабатывал еще ни разу. Профессионалы знают далеко не все. На самом деле они вообще ничего не знают. Это как покер или любая другая игра. Если ты знаешь правила и обладаешь хоть толикой здравого смысла, ты всегда зарабатываешь себе на жизнь, а если имеешь дело с крупными суммами, то зарабатываешь на хорошую жизнь. Но никто ничего не знает наверняка.

- Говори за себя, - сказал Хьюго. - Лично я предпочитаю держать все под контролем. Однажды я чуть было не заключил миллионную сделку с «Барингз». Вот бы я пролетел, если бы вовремя не сообразил, что к чему.

- Да, я помню, ты мне говорил, что не хочешь иметь с ними дело, потому что кто-то из них клеился к твоей подруге. Нет, - сказал Ральф, - если кто-то действительно знает рынок, он не работает в городе, он вообще нигде не работает. Он бороздит синий морской простор на своей личной яхте в компании супермоделей с запасом на год.

Вновь подали мидии. Хьюго попробовал одну и тяжело вздохнул.

- Сухие.

Ральф перегнулся через стол и подцепил одну мидию. Положил в рот и тут же выплюнул. Выплюнутый моллюск степенно шлепнулся на соседний столик, где обеды какое-то немецкое семейство.

- Не просто сухие, а вообще несъедобные.

- Ну и манеры, - фыркнула Катерина.

- Прошу прощения, - сказал Ральф. - В школе нас не учили хорошим манерам. У меня была просто кошмарная школа. Достаточно сказать, что половина моих

одноклассников пялили принцессу Диану. В общем, сразу понятно, какой это был отстой.

Через пару минут Хьюго удалось привлечь внимание официантки.

- Мидии сухие, - сказал он, скорее, с болью, чем с возмущением. В этом действительно было что-то трагическое: когда ты на пляже, в отпуске, хочешь есть и платишь огромные деньги... за обед, который есть невозможно. Официантка обиженно покосилась на мидии.

- Crise de moules, - воскликнул Ральф, махая руками, дабы подчеркнуть всю серьезность сложившейся ситуации. - Les moules sont несъедобные. Бля. Как по-французски Маастрихт? Les moules sont totalement Маастрихт. - Потом он захрипел, изображая, будто задыхается, схватил себя руками за горло и свалился со стула.

Джим дважды объяснил по-французски, что мидии сухие. Но официантка таранилась на них, как овца на новые ворота. Джиму было жалко обоих: и Хьюго, и официантку. Все смотрели на мидии, которые ввергли обоих в отчаяние. Похоже, это была ситуация, которую не разрешишь к удовольствию обеих сторон. Официантка ушла. Хьюго предложил уйти не заплатив, и тут к ним подошел мужик, чей самодовольный вид явно указывал на то, что он тут самый главный. Он спросил на безупречном английском:

- В чем проблема?

- Vous etes злобно обиженные артисты, и сейчас будем рвать и метать, - сказал Ральф. - И крушить мебель. Джим, переведи ему.

Джим объяснил на французском, что мидии, к сожалению, сухие.

- Но мы же их поменяли, - сказал мужик на английском.

Джим объяснил на французском, что первые мидии были холодные, а эти - сухие.

- Они сухие. - Ральф взял в рот одну мидию и выплюнул ее на значительное расстояние для такого откровенно неспортивного человека. - Видите?

Джим подумал, что если кто-нибудь соберется ударить Ральфа, он не станет его защищать. Интересно, у Хьюго все деловые партнеры такие?

- Вижу, - сказал мужик по-английски. - Так вы хотите, чтобы вам их поменяли?

Джим сказал по-французски, что это было бы славно.

- Хорошо, - сказал владелец ресторана и, уже уходя, посмотрел на них так, словно хотел убедиться в правильности своих выводов.

- У вас есть болгарское вино? Красное? - крикнул Ральф ему вслед. Прошло еще двадцать минут. Наконец, прибыли очередные мидии. От них исходил густой пар.

- Ну? - спросил Джим.

- Слишком горячие, - сказал Хьюго, отложив вилку.

- Пойду чего-нибудь выпью, - сказал Ральф. - Ты мне составишь компанию, Джим?

- Почему бы и нет? - Быть может, прогулка его взбодрит.

- Мы через часик вернемся.

- Не торопитесь, - сказал Хьюго. - Я еще не просил счет.

Они прошли через пляж и поднялись на дорогу. Ральф потреблял немереное количество спиртного, и Джим никак не мог уразуметь, почему убежденные выпивохи так любят перемещаться из бара в бар. Если ты хочешь надраться, то зачем тратить время и силы на походы по барам, когда можно напиться в каком-нибудь одном месте?

Поблизости не обнаружилось ни одного бара.

- Пойдем туда, - сказал Ральф. - Кстати, у Елизаветы нет никакого бойфренда. Она разговаривала со своим сыном.

Стало быть, с сыном. Похоже на то. Эта суровая напряженность... Ему бы следовало догадаться. Всем матерям свойственен этот убийственный вид.

- А про отца что-нибудь знаешь?

- Да какой-то придурок. Обычное дело. Бросил ее, как только узнал, что она забеременела.

Минут через пять впереди показалось кафе. Но когда они подошли, бармен, который увидел их в окно, вышел из-за стойки и встал в дверях, загораживая проход, при поддержке свирепого вида повара, который весьма недвусмысленно вертел в руках здоровенный разделочный нож.

- Мы тебя знаем. Ты уходи, - его английский был вполне приличный.

Ральф растерялся.

- Может быть, вы меня все-таки впустите для начала, чтобы я своим отвратительным поведением заслужил, чтобы меня вышвырнули?

- Мы тебя знаем.

- Нет, не знаете. Я здесь в первый раз.

- Мы тебя знаем. Ты невежественный и злой.

- Эй, погодите. Можете обвинять меня в чем угодно: что я плохо катаюсь на лыжах, что я люблю концептуальное искусство, что я слишком много курю, - но только не в том, что я якобы невежественный. Я зарабатываю двести тысяч в год, и я перетрахал многих известных актрис.

- Уходи.

- Лиз Херли - раком. - Он изобразил соответствующие движения. - Я не шучу.

- Уходи.

Джим взял Ральфа под локоть. Он заметил, что у повара чешутся руки устроить показательное выступление по разделке мяса. Они поплелись обратно на пляж.

Когда они вернулись на виллу, там арестовывали Дерека. Он вышел в магазин и потерял ключи. Он не знал, когда все вернутся, и к тому же был зол на всех и вся и решил никого не дожидаться. Разбил окно и как раз сражался с

сигнализацией – которую сам же и включил, уходя, и которая никак не желала отключаться, – когда приехала полиция. А Дерек почти не говорил по-французски.

Джим с самого начала отказался спать в одной комнате с Дерексом, но теперь ему было по-настоящему страшно находиться с ним в одном доме. В своей слепой ненависти к Дерексу он и не замечал, что тот – тип во всех отношениях неприятный и извращенный. Снайпер на неприступной башне. Уровень исчезающей двенадцатилетней девочки. Ярость Дерекса была вовсе не праведным гневом психически здорового человека, это была ярость, которая будила тревогу и страх. Он заметил, что все остальные тоже встревожены, и им так же противно. У сочувствия тоже есть свои пределы. В качестве официального связного Дерекса с внешним миром Ральф предпринял попытку завести разговор, но когда Дерекс надулся и погрузился в мрачное молчание, Ральф только вздохнул с облегчением. Во всяком случае, было видно, что ему все равно. Быстрый прирост членов клуба Дерексенавистников весьма порадовал бы Джима, если бы он не был таким уставшим. У него не было сил даже на то, чтобы от души позлорадствовать.

Девушки ушли на кухню готовить ужин. Джим ничего не имел против. Он заметил, что Елизавета повесила лифчик от своего купальника на его кожаную куртку на вешалке в коридоре. Два предмета одежды очень уютно и даже интимно прильнули друг к другу. Что это – знак?

Джим не знал, что ему делать. То есть он знал. Шея болела так, что он с трудом поворачивал голову – диван рисовался в его воображении не местом, где спать, а откровенно омерзительным орудием пытки. Когда он во второй раз плюхнулся в кресло (у него даже не было сил, чтобы пройти через комнату), он твердо сказал себе: надо соблазнить Елизавету.

Его пробный панегирик Елизаветиным ногам не встретил с ее стороны никакого поощрительного отклика. Его хвалебная речь была искренней; у нее были самые красивые ноги, может быть, на всем пляже; странно – хотя его «послужной список» с женщинами не давал никакого повода, чтобы гордиться, – он всегда нравился решительным и сумасбродным женщинам. Женщины, которые смело встречают превратности судьбы, женщины, которые могут колоть орехи интимным местом, женщины, которые не боятся ездить автостопом на юге Франции в одиночку – они что-то в нем находили. Знать бы еще, что именно. Он не раз собирался задать этот вопрос, но все-таки не задавал, опасаясь, что тем самым он обнаружит, что сам не знает, какими именно привлекательными качествами он предположительно обладает, и что причина, почему он этого не знает, заключается в том, что – на самом деле – он ими не обладает.

Сейчас он мечтал об одном: как следует выспаться на просторной удобной постели с чистым бельем. Но ему это счастье никак не светило.

– Почему бы нам не сыграть в питейную игру? – предложил Ральф, который, что удивительно, был почти трезв.

– Потому что мы не алкоголики, Ральф, – сказал Хьюго, высыпая окурки из пепельницы в мусорную корзину.

Джиму было ясно, что Хьюго думает о работе; еще пять дней – и он снова в седле, переставляет фигуры по клеткам; заработавшись, забывает пообедать или мужественно выносит третью перемену блюд с унылыми и скучными деловыми партнерами из Японии, которые даже при двухнедельной усиленной подготовке не смогли бы сказать ничего забавного; приходит домой совершенно без сил, и его едва хватает на то, чтобы принять душ и упасть в кровать, а на выходных закупает продукты на всю неделю. Но Джим вернется во все это первым, может быть, без деловых партнеров из Японии, безусловно – без

денег, и наверняка – в самом дурном настроении.

В конце концов деньги – сильнодействующее успокоительное. Деньги по крайней мере дают обособленность. Независимость. Джим представил себе Хьюго на пенсии: как он ест в дорогих ресторанах, ворчит на плохое обслуживание, как его пользуют самые лучшие доктора, как он каждое утро проверяет процентные ставки по своим сбережениям, охотится на распродажах, чтобы купить вино подешевле, вкладывает скромные суммы в культурные проекты, предметы искусства или антиквариат, чтобы было о чем поговорить на вечеринках. Джим знал, что лет через тридцать – если он доживет – он будет толкаться в какой-нибудь букмекерской конторе, пытаюсь поймать удачу, будет читать газеты в публичных библиотеках, чтобы сэкономить наличность и посидеть в тепле. Впереди маячила такая беспросветная чернота, что ему просто не оставалось ничего другого, как только прибегнуть к одной детской хитрости: сделать вид, что ее там нет, черноты.

Почему бы им не устроить оргию в бассейне? Тогда хотя бы можно будет сказать, что жизнь прожита не зря.

Джим внес свой вклад в приготовление ужина: оттащил ножи и вилки на стол в саду и убедился, что стульев хватает на всех. Дерек молча встал у плиты на кухне, действуя девушкам на нервы. Катерина с Елизаветой и он поглядывали друг на друга с нескрываемой неприязнью, пока он демонстративно варил себе яйца и намешивал некое подобие соуса карри. Потом Дерек разложил маленький столик для пикников в непосредственной близости от большого стола, принес себе вилку с ножом и салфетку и уселся за ужин, спиной ко всем остальным, со скучающим видом разглядывая цветочки, как будто он был совсем один. На закуску у них были креветки под майонезом, потом – сочная телячья печень с кусочками хрустящего бекона и вкуснейший салат из фиалок. А Дерек так и кушал свои яйца вкрутую в гордом одиночестве за отдельным столом.

Было приятно осознавать, что никто не страдает от того, что Дерек от них отделился, так же было приятно видеть, что Елизавета вливает в себя пиво бутылка за бутылкой; каждый мужчина хочет, чтобы женщины ложились с ним в постель исключительно за счет его неотразимого обаяния, но Джим был реалистом и понимал, что под воздействием пивных паров его привлекательность в глазах Елизаветы только повысится. Разомлевший от вкусной еды и приятной погоды Джим развлекал себя тем, что пытался решить, в какой позе они с Елизаветой займутся любовью – он выбирал что-то одно, потому что не думал, что его хватит на большее, чем один раз по-быстрому, – и погруженный в заманчивые размышления, подавился беконом. То есть сначала еще не подавился, просто кусок встал так, что мог пройти дальше, как надо, а мог и упасть в дыхательное горло.

Надо было сразу хлебнуть воды, но Джим решил подождать пару секунд в надежде, что бекон пройдет куда надо, но он, конечно же, попал не в то горло. Джим попытался вдохнуть и не смог. Он задыхался по-настоящему.

Ральф уже снова надрался в хлам. Девушки смеялись. До Джима дошло, что самое лучшее, что с ним может случиться, это что он себя выставит на посмешище; либо выкашляет обслюнявленный кусок бекона прямо в лицо Елизавете, либо свалится под стол, дрыгая ногами и постепенно синея мордой. А самое худшее – это смерть. Его охватил панический страх, что тоже не очень способствовало ясности мыслей.

Перед глазами все поплыло. А Джим не мог даже как следует кашлянуть. Елизавета первая сообразила, что с ним происходит что-то не то.

– Джим, с тобой все нормально?

Он помотал головой и вскочил на ноги, чтобы сделать хоть что-нибудь в

плане борьбы за выживание. Он сумел выдавить из себя слабый хрип, но воздух лишь выходил. Вдохнуть он не мог. Мысли Хьюго явственно читались у него на лице: так вот как выглядит человек, когда он задыхается до смерти.

Джим уже ничего не видел, перед глазами встала черная пелена, а голоса остальных доносились как будто откуда-то издалека, он даже не разбирал слов.

Он смутно осознавал, что кто-то обхватил его сзади, сцепив руки на животе. Потом его резко подняли вверх, оторвав от земли, как на уроке физкультуры в школе. Кусок бекона, застрявший в горле, вернулся в рот – снова обычная пища, а не смертоносный кляп, – и Джим вдохнул воздух с таким наслаждением, какого он не испытывал в жизни.

И еще он осознал, что Дерек вернулся за свой одинокий столик и продолжил свою одинокую трапезу в виде вареных яиц под соусом карри.

В довершение к усталости, невезению и отчаянию теперь он еще и выставил себя в жалком виде; он снова вдохнул и вытер слезы. Он еще долго не решался поднять глаза на девушек и внутренне смирился с тем, что ему снова придется спать на диване. Хотя подавиться куском бекона мог каждый – даже опытный кулачный боец или бесстрашный наемник, – ему было ужасно стыдно. Как будто подавившись прилюдно он показал, что он никакой не мужчина.

Он тихо пил пиво, пока девушки болтали между собой по-русски, а Хьюго с Ральфом обсуждали состояние рынка. Все очень старательно делали вид, что ничего страшного не произошло, что они типа и не заметили, как Джим тут синел и хрипел. Когда он немного пришел в себя, он вдруг осознал, что в глобальном масштабе этот дурацкий кусок бекона, застрявший в горле, не имеет вообще никакого значения. Он вдруг осознал всю абсурдность своих терзаний; все равно мы все умрем. Хьюго, Ральф, он сам, Катерина, Елизавета. Елизаветин сын; никто не избежит смерти. Наемный убийца уже получил заказ; он маскируется под проезд на красный свет, короткое замыкание в электропроводке, карамелизированный животный жир. И то, что он хотел быть привлекательным, а потом подавился и чуть не умер, если бы его не спас человек, которого он ненавидит больше всего на свете, уже не имеет значения. Очень легко совершить ошибку, уверовав в то, что твоя жизнь вообще стоит внимания. Что это – озарение или признаки приближающегося безумия? Внезапно Джим понял, что он будет спать с Елизаветой, независимо от того, насколько он кажется или не кажется ей привлекательным, и сколько пива она сейчас выпьет, потому что теперь ему было уже все равно, переспят они или нет. Он как будто родился заново, оставив свою прежнюю личность и все ее заморочки в той, прошлой жизни.

Он заметил, что Ральф наблюдает за тем, как Елизавета поглощает пиво, с видом закоренелого самца, размышляя над неудачным сочетанием недосыпа и непомерных возлияний. Пустые бутылки Елизавета ставила на траву рядом со своим стулом. Она утверждала, что это плохая примета – ставить пустые бутылки на стол.

У Ральфа не было никаких надежд. Она будет спать со мной, понял Джим, и не только потому, что мне все равно, но еще и потому, что я выше ее. Ральф был ниже Елизаветы на добрых два дюйма: женщины не выносят мужчин, на которых надо смотреть сверху вниз. Если высокая женщина и низкорослый мужчина вместе, это значит одно из двух: либо женщина очень одинока, либо мужчина очень знаменит.

Женщины лучше мужчин. Они переживают по пустякам, из-за затяжек на чулках, тяжелых чемоданов, пьяных ирландцев в общественном транспорте, они боятся пауков и мышей, но когда дело касается чего-то по-настоящему страшного, они действуют решительно и хладнокровно. Страдания, боль, медленное

умирание – женщины переносят тверже мужчин.

Ральф, Хьюго и Катерина ушли на кухню, собрав со стола грязные тарелки, и там затеяли жаркий спор о том, как работает миксер. Дерек пошел вглубь сада, в сгущавшуюся темноту. Елизавета прикончила очередную бутылку пива и выразительно посмотрела на Джима.

– В Англии женщины делают первый шаг?

– Не всегда. – Он протянул руку и сжал двумя пальцами мочку ее правого уха. Это его завело. Стало быть, он еще не совсем свихнулся.

Он погладил ее по волосам. Можно было сойти с ума от одной только прелюдии.

– Пойдем наверх?

Когда они поднимались по лестнице, Хьюго смотрел на них с выражением: «А быстро они стоворились». Он явно решил, что все получилось благодаря Джимовой ловкости и находчивости.

В первые пару секунд Джим просто смотрел на постель. Восхитительное зрелище. Свежие простыни, откинутае как будто в ожидании. Мягкий матрас, готовый принять их тела. Зачем они это делают? Что ей нужно? Переехать в Англию? Найти отца своему ребенку? Избуть одиночество? Весело провести ночь? Она сняла футболку, и все его размышления сразу рассеялись. Она погасила свет.

– Ты себя любишь, Джим? – спросила она.

Он поцеловал ее. У нее был маленький, трепетный язычок. Ничего особенно возбуждающего.

Елизавета приподняла ноги, чтобы ему было удобнее снять с нее трусики. Что-то в этом есть, когда ты снимаешь с женщины последний предмет одежды – что-то воодушевляющее и одновременно удручающее. После того как последняя преграда снята, дальше все происходит в принципе одинаково: возня и толчки, а потом – рано или поздно – вздохи и крики. Эта мысль огорчила Джима и даже слегка напугала. Откуда у него в голове такие унылые мысли, подобные темной туче?

– Укуси меня, – попросила Елизавета. Он укусил. – Укуси сильнее, – попросила она. Он укусил сильнее. Ее глаза стали одни сплошные зрачки. – Сильнее! – Он нехотя подчинился. Он боялся, что укусит ее до крови. Его самого это нисколько не возбуждало. С тем же успехом он мог бы грызть подлокотник кресла.

Окно было открыто. На окне была сетка от насекомых. Снизу донесся голос Хьюго, который говорил Катерине:

– Они только что поднялись наверх.

Откладывать дальше было уже нельзя. Он поставил ее на карачки, пристроился сзади и принялся наяривать в бешеном ритме, который можно было принять за страсть. Для того чтобы он мог сегодня заняться любовью с Елизаветой, должно было сложиться столько значительных и незначительных обстоятельств на протяжении веков; миллионы людей умерли для того, чтобы история пошла в правильном направлении и в конце концов предоставила Джиму на эту ночь эту красивую гладкую женщину. Он очень старался быть благодарным и благоговейным. Еще пару минут он энергично тыкался куда надо, а потом понял, что ему этого больше не хочется. Что он просто не может.

Ему очень нравилась Елизавета, но он ее не любил и знал, что никогда не полюбит; скорее всего он больше уже никогда никого не полюбит. Он скатился с нее, словно капля дождя, и подумал, что она, должно быть, весьма раздосадована таким поворотом событий.

- Прости.

Правда была ужасна; вот для чего людям нужны религия, любовные романы, футбол. Эту правду нигде не прочтешь и не услышишь: человек одинок и всегда будет одиноким, что бы он ни делал. Почему об этом не пишут в газетах? Потому что, если ты это знаешь, нет никакой пользы-выгоды в том, чтобы рассказывать об этом другим. Держи рот на замке.

Джим хотел спрятаться в сон. Но у Елизаветы были другие планы.

- Сейчас будет еще лучше.

Покрывало мягких волос накрыло его пах. Она взяла в рот его член и занялась им от души. Может быть - и он очень на это надеялся, - она просто старалась быть вежливой; но Елизавета работала так энергично, что у него зародились самые нехорошие подозрения. Это было неправильно. Женщины так не делают. Тебе очень хочется, чтобы они так делали, но они никогда не делают. Не так безжалостно и беспощадно. Елизавета же вкладывала в это дело буквально всю себя. Казалось, она его обрабатывает не только ртом, но и всем телом.

Это было весьма символично: привлекательная молодая женщина с энтузиазмом ему отсасывает, а ему это не нужно. Неужели она не устала? Неужели ей не наскучило? Ее макушка ритмично двигалась вверх-вниз, ее дыхание даже не сбилось, она лежала в расслабленной позе, ей было удобно - она не устанет еще очень долго. И ей совсем не было скучно. Она ждала Джима. Он понимал, что после подобного представления с его стороны было бы вопиющей грубостью не выразить свое «браво». К сожалению, все это возбуждало его не больше, чем если бы он наблюдал за тем, как подобное происходит с кем-то другим; на самом деле, если бы он наблюдал, он бы, наверное, возбудился значительно больше. Потому что сейчас он нисколько не возбуждался. Это было приятно - да. Как будто лежишь в теплой воде. Увы. Постель была более соблазнительной, чем Елизавета; несмотря на ее старания, Джиму все больше и больше хотелось спать. Он принялся представлять себе всякие возбуждающие картины, довольный, что никто не узнает, что именно помогло ему кончить.

Елизавета все-таки своего добилась, после чего с сознанием исполненного долга бросилась в ванную и тщательно прополоскала рот. А потом из сада донесся крик Катерины.

Этот был крик, который не хочется слушать никому. Крик, значение которого понимает любой человек и любое животное: когда жизнь вжимается в тебя до отказа.

Автопортрет в образе вспененной смерти

Первое убийство нужно обдумать как следует. Я свое не обдумывал вовсе, но - опять же - не всем повезло иметь мой талант; а способ, который ты выбираешь, может многое рассказать о тебе. Моя первая жертва умерла от удара по голове полиграфическим кирпичом под названием «Larousse Gastronomique» [4 - Гастрономическая энциклопедия издательства Larousse, издающего словари, справочники и энциклопедии. - Примеч. пер], задушенная

собственными колготками, зарезанная столовым ножом «Сабатье», и еще что у нее порвались вытяжные тросы на парашюте, как только она шагнула из люка.

Бомба – весьма эффективное средство, и может разом поднять твой рейтинг, но такой способ убийства требует высокой квалификации. Также необходим доступ к определенным материалам, которых не купишь в ближайшей лавке. Вы знаете, как это делается? И не поддавайтесь на этот бред насчет бросить спичку в кучу химических удобрений. При отсутствии профессиональной подготовки это почти дохлый номер. К тому же бомба – это слишком претенциозно, не говоря уж о том, что это механическое и обезличенное орудие и обычно наводит на мысли о политических заморочках, которые всех уже заколебали. Лучший способ убийства – убийство интимное, когда ты чувствуешь у себя на щеке последний вздох жертвы. Вот почему для такого дела не подходит и огнестрельное оружие; тем более что такое оружие очень непросто достать, что бы там ни писали в газетах. И даже если стрелять с близкого расстояния, так чтобы на лице жертвы остался ожог от пороха, все равно полной близости не получится. Отчуждение так или иначе присутствует. Вам же не хочется, чтобы вас смешивали с солдатами и наемными убийцами, для которых это всего лишь нудная работа.

Нет, ваш покорный слуга и честный убийца (убивая людей, мы порождаем духов) делает это исключительно для удовольствия и только руками, как и пристало художнику. Мистер Умелые Руки из графства Умелые руки. Это я.

Первое убийство бывает только раз в жизни, поэтому нужно сделать все так, чтобы потом было что вспомнить.

Нужно столько всего продумать. Кто будет жертва – кто-нибудь из знакомых или совсем посторонний человек? Как к нему подобраться? Что потом делать с телом? Надо тебе, чтобы тебя поймали, или нет? Или ты все сделаешь vers libre [12 – Свободный стих, стих без рифмы (фр.)]. В данном случае – не задумываясь, как Бог на душу положит. – Примеч. пер.], безо всякого плана, исключительно из интереса, получится что-нибудь или нет?

Будем искренними и честными, потому что честность – это единственное, что должно присутствовать в кровожадных порывах художника. Прикончить жену, настырного начальника, отца или мальчика-почтальона – это дает соприкосновение с природой, но также и предполагает, что ты просто готов принять то дерьмо, которое неизбежно накапливается в любом обществе. В этом-то и проблема, что каждый может придумать причину пойти убивать ближних.

Чтобы поднять честность на уровень гениальности: самое шикарное убийство – убийство однонаправленное. Когда мужчины убивают женщин (или мужчин, которые служат вместо женщин) ради забавы. Есть же разница между тем, чтобы прийти в бар и убить человека, который пролил твое пиво (после чего уже больше никто не прольет его впредь, во всяком случае, вряд ли такое желание возникнет), и чтобы убить человека, который занимался своими делами и вообще не смотрел в твою сторону (тогда в следующий раз, когда ты придешь в этот бар, на тебя будут смотреть уже все). Убийство ради убийства. Впрочем, надо признать, что и с другой стороны тоже бывают весьма впечатляющие примеры: все эти черные вдовы, имеющие неплохие доходы по страховым полисам, и царственные отравительницы, которые прокладывают себе путь к трону, щедро расточая яд. Но где награда? Где наслаждение процессом? Когда ты душишь красивую женщину ее собственным дорогим бельем (прошу обратить внимание на иронию), ты говоришь: «Ну и черт с ней, всегда найдется другая», – даже если ты сохраняешь пару частей ее тела у себя в морозилке, чтобы потом сделать из них украшения или для посмертной некрофилической оргии. В конце концов все сводится к одному – к твоей неизбежной тоске, – и прикончить невинную женщину есть признак крайне подавленного состояния.

Как говорится, выбор за вами. Но вам потом с этим жить.

И такой еще вопрос: на каком этапе твои периодические старания приобретают высокий статус серийного убийства? Убьешь одного, и вряд ли на это вообще обратят внимание; подпорченный кусок мяса, который забыли убрать в холодильник, детские ролики, осиный укус – любой случай, любая осечка могут выступить в роли убийцы. Убьешь двоих... ну, это может быть просто везение. А вот если троих – это уже заявка на членство в Каин-клубе. Больше трех – тут уже следует быть осторожным, иначе тебя примут за настоящего маньяка вроде Уэстов, Гейси, Банди, Даймера.

Мне пришлось позаботиться о своей подруге, потому что она трахалась на стороне. «Что?! – скажете вы. – После всего вышесказанного, банальное crime passionnel[5 – Здесь: убийство из ревности (фр.). – Примеч. пер.]?! Как это скучно.» Нет, это продвинутый уровень (оцените, какой я умный). Откровенность бывает разных достоинств. Есть больше, есть меньше. Сколько ветчины надо положить на бутерброд, чтобы он был бутербродом с ветчиной? И если какая-то вещь выглядит как бутерброд с ветчиной, то это еще не значит, что это он и есть. Когда я признаюсь, что виноват в ее смерти, я делаю это так, что у слушателей невольно возникают сомнения. Как это было: я просто вспылил после трудного неудачного дня или воспользовался благоприятной возможностью освободить еще одну душу от брэнного тела при обстоятельствах, которые, как я доподлинно знал, скостят мне срок на энное количество лет, если дело дойдет до суда?

Те же самые подозрения возникают, когда я говорю, что заодно отправил на тот свет и ее любовника. Я и вправду был настолько passionnel[6 – Здесь: в состоянии аффекта (фр.). – Примеч. пер.], или мне просто хотелось немного развлечься? А когда пришел этот мальчик из пиццы с доставкой на дом, и я порубил его в капусту, вот тут уж действительно невозможно поверить, что я просто не мог себя удержать.

На вашем месте я бы убивал где-нибудь в провинции, так чтобы, когда вы вернетесь в Лондон, о ваших подвигах никто не знал.

Я всегда выступал за восторженное возбуждение и против чернухи. Убийство – это тоже искусство. Главной заботой матушки было счастье, а ее ремеслом – неприятие скуки и человеческой тупости. Я не знаю, унаследовал ли я что-нибудь от отца (и меня, если честно, это ни капельки не волнует). Мне от него ничего не надо. Все, что во мне есть хорошего, я взял от мамы, и особенно – терпение. Она выжидала иной раз четыре месяца, прежде чем паковать чемоданы и ехать куда-то еще в вечных поисках счастья. В период от одиннадцати до шестнадцати лет у меня сменилось тридцать два разных учителя рисования и я очень старался, чтобы они меня ничему не научили. Мне не хотелось, чтобы кто-то из них поощрял мои таланты, а потом, когда я в итоге стану знаменитым, приписал бы себе все заслуги.

С тех пор как мама дала мне первые карандаши, я не мечтал ни о чем другом, кроме как стать художником. Долгое время я думал, что мое имя – Джон Смит – будет большой помехой. Я был молод и глуп. Твои работы должны делать имя ярким и выразительным, а не наоборот. И все-таки дискриминация существует. Вопиющая дискриминация. Достаточно просто заглянуть в справочник; хотя фамилия очень распространенная, у нас не было ни одного премьер-министра по фамилии Смит. В числе великих художников Смиты тоже не фигурируют. Когда американцы высаживались на Луну, разве у них в экипаже был Смит? Хотя бы одному Смигу дали Нобелевскую премию? Вывод напрашивается сам собой: существует глобальный заговор, цель которого – не допустить Смитов к успеху. Возьмем лондонский телефонный справочник. Двадцать страниц одних Смитов. Но когда враги дружно, единым фронтом, выступают против тебя, тебе стоит сказать им искреннее, от души «спасибо», потому что благодаря их

усилиям твоя неминуемая победа станет гораздо ценнее и слаще, когда ты с боем прорубишься через их плотный строй.

В школе я не рвался за хорошими отметками и не забивал себе голову знаниями, которые негодились бы мне в достижении моей мечты стать художником. Вместо этого я придумывал себе новое имя. Я понимал, что я еще слишком молод, чтобы создавать истинные шедевры (художник должен смотреть на мир широко распахнутыми глазами), так что я начал готовить свою легенду с нового имени. Я всегда выступал против спешки и суеты и за спокойные размышления. Так что почти все свое время я посвящал изобретению имени, подходящего художнику с мировым именем; Рон Астрономия, Гав Мерседес, Невероятная Секс-Машина, Бинго Пристыженный, Гланды-и-Руки, Эр Дарио, Сэмми Тюлень, Фил Одинокый, Янн Вонк, Ху-Ха в Гондаре и еще сотни других, не таких хороших имен, пока я не остановился на Джонни Гении. Мне казалось, что это имя говорит об уважении к моим корням и вводит важный элемент устремления в будущее – чего я собираюсь добиться, – и при этом легко произносится и в орфографическом плане не представляет трудностей для студентов художественных училищ, когда они будут писать работы о моем творчестве.

Всем известно, что художники типа Микеланджело, Пикассо, Ренуара, Дюрера, на самом деле добились таких высот исключительно из-за своих имен; но когда я по прошествии нескольких тысяч часов все-таки изобрел себе имя, которым можно гордиться, я почти сразу же понял, что, хотя имя действительно получилось блестящим, все это было неправильно. Ты можешь быть только собой (художник смотрит на мир широко распахнутыми глазами), и я понял, что это было бы трусостью – попытаться схитрить и «обойти» всеобщее предубеждение против Смитов. И в любом случае у меня было полно вариантов имен.

Больной. Мудозвон. Раздолбай. Долбоеб. Мудила. Хрен моржовый. Идиот. Кретин. Задрот. Придурок. Сосунок. Оборванец. Дурак. Дилетант. Психопат. Шизик. Неуч. Вонючка. Член со стручок. Просто член. Большой член. Жопы с ручкой. Урод. Извращенец. Дерьмо поганое. Просто дерьмо. Неудачник. Педофил. Антихрист. Это – лишь малая часть тех имен, которыми меня называли за то, что я художник, и за то, что я Смит. Это вполне естественно, что люди смотрят на тебя с гадливым презрением, кривятся на твой внешний вид, высовываются из окон своих машин и плюются в тебя. А когда кто-то из них отстегнет ремень, выйдет из машины, пороется у себя в багажнике и набросится на тебя с разводным ключом номер пять (или шесть – художник смотрит на мир широко распахнутыми глазами), это есть лишнее подтверждение, что твое обучение проходит как надо. Если тебе льют бензин в почтовый ящик, а под окном у тебя кричат: «Мы тебе перерезали телефонный кабель» – это хорошие знаки. В мире полно людей, которые осуждают его устройство.

Но иногда ты совершаешь ошибки. Ошибаются все. Не бывает таких людей, которые не ошибаются никогда. Ошибки – это нормально. Главное – перестать ошибаться и стать человеком, который покончил с ошибками.

Хотя выявлять ошибки – это гораздо труднее, чем может показаться на первый взгляд. Иной раз ошибки скрываются под успехом – как мыши под ковром или как свернувшееся молоко под подставочкой под стакан. Иной раз успех дремлет под, казалось бы, безысходными неудачами, подобно тому, как жемчужина прячется под ступками склизких соплей, которые именуются устрицами.

Я глубоко убежден, что художник не должен бежать от реальности, он должен быть в самой гуще событий и наблюдать жизнь во всех ее проявлениях; башня из слоновой кости есть железная дева, вредная для здоровья. Также я глубоко убежден, что нужно держаться подальше от этих кошмарных зон

нутрования души – художественных училищ. Вот почему я работаю частным инструктором по вождению. Сам себе хозяин и ничем не связан. «Свободный художник». Целый день в разъездах, постоянно новые впечатления... и когда ты живешь в машине, ты приобретаешь бесценный опыт, как справляться с опасными ситуациями (не говоря уж о том, что избавляешься от беспрестанного геморроя паковать и распаковывать всякую всячину); моя дорога по жизни – шоссе Квинз.

Кого-то отсутствие уединения смущает и кажется неприятным, жизнь на публике предполагает, что она публична и следит за тобой постоянно – когда ты бодрствуешь и когда спишь, – но я держусь того принципа, что жизнь художника и должна быть публичной, каждый его вздох должен быть объектом для самого пристального наблюдения. Я всегда выступал против мистификации и скрытности и за открытую демонстрацию.

Но была и еще одна причина – привнести сочность и колорит в мою биографию, а также выгадать время для подготовки моего Проекта, великого прорыва в Западной культуре, когда я явлю себя миру в качестве Спасителя и Диспетчера Искусства, который продемонстрирует миру Много Всего. Когда ты пишешь картины в машине, размеры холстов ограничены в пространстве, но тут мне повезло – я всегда отдавал предпочтение малым формам 2x2.

Найти место, куда поставить машину – бесплатное место, куда поставить машину, – в Лондоне это проблема. Многие годы моей все еще юной жизни прошли либо в поисках клиентуры, либо в поисках, где поставить машину. Но жизнь на дороге есть череда везений и невезений, и для стимуляции творческого процесса нет ничего лучше, чем хорошая дорожная пробка. Неподвижная улица для серьезной работы подходит гораздо лучше, чем кабинет или студия. Когда ты бросаешь Лондон себе под колеса, ты много чего узнаешь интересного о человеческой природе. Также для художника очень важно быть независимым и свободным – состоятельные покровители душат творческие порывы. Как только ты начинаешь думать о том, чтобы продать работы и угодить публике, ты думаешь уже о рынке, а не об искусстве. Нет, Искусство должно быть на первом месте, и тогда неизбежно возникнут и полные тачки драгоценных камней, и пачки купюр самого высокого достоинства в твердой валюте.

Годы до славы были годами свободы, свободы от многочисленных интервью и докучливых надоедал. Любите тьму, мои юные друзья, потому что во тьме никто не заметит, как ты споткнешься и упадешь. Я много работал и экспериментировал. Всегда добавлял капельку оживления в свои работы, но в некоторых вдохновения было больше, чем во всех остальных. Тем не менее я решительно обходил стороной выставки, галереи, клубы, коммуны художников, музеи, художественные училища, магазины открыток и репродукций, потому что мне не хотелось, чтобы мой гений заразился заурядной посредственностью чьих-то обьедков и пережитков.

Среди моих ранних работ стоит отметить «Автопортрет за минуту до того, как на меня набросится разъяренный домовладелец, недовольный, что ему перекрыли дорогу к подъезду; в обнимку с декоративной угловатой лампой, которая ему уже не нужна», и вдохновенное живописание суда пэров «Этот угарный газ – мой, этот угарный газ – твой». Так же достойно упоминания лирическое полотно «Скучающий откатчик сверлит себе слуховой проход».

Перепробовав много всего, ты в итоге находишь свою сильную сторону. Я утверждаю, что с точки зрения живописи с собаками обходятся дурно и несправедливо. Предубеждения современного искусства против собак в корне неверны, и именно в этой области я проявил себя в полной мере, создав серию картин, которую открывал портрет отважного скоч-терьера с одухотворенными карими глазами и трогательно высунутым язычком под статуей Амура под названием «Потерянный в Лондоне» (мастерское сочетание

эмоционального накала и социального комментария, как я это определяю сам; и от одних только мазков, которыми выписан ошейник, Дюрер расплакался бы горючими слезами). Жесткий и горький импульс пронизывает портрет очаровательного йоркширского терьера с одухотворенными карими глазами, «Мы с тобой будем друзьями?» И особенно я горжусь горько-сладким «Царем всего, что видят его одухотворенные карие глаза» – трехногий ротвейлер в Гайд-парке, изображенный сзади. Также стоит отметить изумительный контрапункт двух блаухаундов с одухотворенными карими глазами, которые поедают один батон колбасы с двух концов, «Приятели», слюни текут как наиболее убедительное заявление самодостаточности, которого только может достичь художник. Ищейки, мопсы, афганские борзые, сеттеры, гончие, чау-чау, корги, сенбернары и пудели, и вершина всего – щекастый боксер с одухотворенными карими глазами в стоворе с наблюдателем, «застигнутый» в самый интимный момент, когда он поднимает лапу на постовую будку с караульным у Букингемского дворца, «Вот так». Его задняя левая лапа – вселенная в миниатюре и лексикон перспектив. Я особенно рекомендую детальное изучение.

Никто не знает, когда появилась живопись, двадцать или тридцать лет назад, кому как угодно. Но я могу точно сказать, когда история живописи закончилась. В девять часов девять минут девятого сентября 1999 года. Когда я положил завершающий мазок на полотно, которое, я знал, будет моей последней работой и последней работой в мировой живописи вообще. После этой моей величайшей картины добавить будет уже нечего. Я исчерпал мир искусства изобразительно и пигментно (я специально выбрал такую дату, которую будет легко запомнить студентам, изучающим историю изящных искусств; на самом деле я закончил картину восьмого сентября, но оставил завершающий мазок назавтра – ради эпохальной аккуратности).

Теперь я уже не такой наивный, каким был раньше. Я понял, что таланта, взрывающего умы – из тех, что так редко встречается в нашем бесталанном мире, – самого по себе недостаточно. Я понял, что рано или поздно моему гению понадобится проводник к широкой публике. Дивному плоду необходим банальный бакалейщик, который знает, как его продать, так что как только мои творения созрели и налились соком, я принялся втихаря наводить справки о торговцах картинами. Маскируясь под простого и беззаботного инструктора по вождению, я сидел в «Козле» и других пабах на Корк-стрит, сжимая в руках номер «Авто-трейдера» и делая вид, что я даже слова такого не знаю, «искусство». Я прислушивался к разговорам вокруг и выуживал нужную мне информацию. Скромно и ненавязчиво, в тихих библиотеках, когда никто не смотрел, я рылся в журналах и книгах, выясняя, кто у нас самые главные заправилы, могучие гориллы бизнеса, люди, которые без усилий, легко и просто выведут меня к публике и к подобающей славе (навигация и канцелярия).

Вряд ли вы слышали про Ренфро. Ему не нужно, чтобы о нем знали. Есть люди, которым необходима известность, чтобы добиться богатства и власти, знаменитости типа дикторш на телевидении, которые читают прогноз погоды, фотомоделей, товар которых – их лица, политиков и духовных пастырей, несущих всякую чушь и разводящих соплю... список можно продолжить... иными словами, все те, кто пытается наполнить обманчивыми событиями жизнь тех, у кого вообще не бывает никаких событий. Также есть люди, которые делают себе состояние посредством уже имеющегося состояния и которым просто нравится красоваться перед объективами фото- и телекамер. Но Ренфро не нужно выдрючиваться перед репортерами, чтобы иметь власть и богатство. Ему более чем достаточно, что его знают всего несколько тысяч человек. В его записной книжке (которая, вне всяких сомнений, толще моей) адреса и телефоны разбиты только на две категории: художники (очень богатые) и покупатели предметов искусства, готовые выложить за товар суммы с многочисленными нулями (невозможно богатые).

О Ренфро ходят страшные слухи. Но не все слухи о Ренфро страшные. Есть очень страшные. Самое убедительное доказательство – это молчание, которое вызывает одно только упоминание его имени. Никто не хочет сказать что-то такое, что потом станет известно ему, потому что не важно, что тебе кажется, будто ты рассыпаешься в комплиментах, он все равно может обидеться и переломать тебе ноги. Один художественный критик, который назвал Ренфро в печати мастерским коммерсантом, крупнейшим специалистом современности и человеком, который делает культуру, лишился работы буквально на следующий день. Среди могучих горилл от искусства Ренфро – самый могучий, хотя по комплекции, надо сказать, он довольно плюгавый.

Все то же самое. У него разговор короткий. Никаких шуток. Никаких проволочек. Никаких переговоров. Заложников убивают на месте. Он называет цену, и единственное, что ты можешь ответить: вот вам чек. Любое постороннее замечание, скажем, о погоде (которое может смотреться, а может и не смотреться как прелюдия к разговору на предмет поторговаться), любая попытка отсрочить платеж хоть на пару часов, и он сразу бросает трубку. И бесполезно перезванивать через минуту и предлагать цену больше названной – теперь до конца жизни тебе придется общаться с его неприветливой секретаршей.

Слухи. Слухи. Он ни с кем не общается. Ни с кем не встречается. Никому не пожимает рук. Его сотрудникам вменяется в обязанность выпивать каждое утро сложный комплекс витаминов, у них выработан стойкий иммунитет к болезням, обыкновенным и экзотическим, так что они без опасности для здоровья могут кушать дерьмо из любого помойного ящика в любой самой негигиеничной стране. Когда его секретарше нужна его подпись на документе, она показывает ему бумагу через стеклянную перегородку, разделяющую офис на две неравные половины, Ренфро кивком выражает свое одобрение со своей стороны кабинета, где установлена сложная и дорогая система очистки воздуха, и тогда секретарша берет из сейфа резиновую печать с его подписью. Ходят слухи, что когда Ренфро выходит из своего стерильного кабинета, он носит костюм биологической защиты.

Я пытался придумать, как привлечь внимание Ренфро к моему безусловному таланту, и решил, что лучшее представление меня – это я сам, так что я собирался ему показаться во всей красе.

Я придумал несколько хитрых и остроумных уловок, как вернее его «зацепить», но потом отказался от всех ухищрений, посчитав это ниже своего достоинства. В общем, я вошел в галерею Ренфро, неся на плече судьбу, как говорящего попугая.

Я узнал его сразу. Выше шести футов ростом, пепельно-серый костюм (он никогда не ходит на примерку; его портной просто перешивает костюм – всегда пепельно-серый, – вновь и вновь, пока он не подойдет) и худое лицо (он не ест ничего, кроме запеченных в гриле, экологически чистых овощей). Он внимательно изучал какую-то картину в дальнем конце галереи и был, как я уже говорил, одет совершенно нормально, а не в пресловутый костюм биологической защиты. Чего только не сочинят о влиятельных людях!

Однако встретить Ренфро вот так – «на открытом пространстве» – это большая редкость. Безусловно, это был знак, что у меня все получится, как задумано. Удача сама закатывала рукава, дабы потрудиться в моих интересах.

– Мистер Ренфро, я с радостью вам сообщаю, что сегодня – важнейший день в вашей карьере точно и, может быть, даже и в жизни. Но прежде чем вы скажете мне «спасибо», что я выбрал именно вас, позвольте мне объяснить, что я вам предлагаю..

Ренфро ничего не сказал, но выразительно поднял бровь, и на его бледном

лице отразилась такая смесь чувств – отвращение, раздражение, тревога и даже страх, – которую даже я затруднился бы изобразить на холсте.

Никому и в голову не придет, что в художественной галерее бывают охранники. Мне вот тоже не приходило. Тем более такие громилы-тяжеловесы с переломанными боксерскими носами, которые вдруг появились буквально из ниоткуда. Быть может, другие преступники – вредные пенсионеры, которые развлекаются тем, что ходят по частным галереям и тычут острыми предметами в особенно не понравившиеся им картины, и молодые женщины, которые демонстративно не замечают табличек с надписью «Не курить», – получают сначала строгие, но вежливые предупреждения.

Другие – может быть. Но не я. Меня схватили за шкурку, приподняли над полом и весьма нелюбезно потащили к выходу. Два здоровенных амбала, в импозантных костюмах, каждый – размером с вместительный платяной шкаф. Задетый до глубины души их анти-смитовскими настройками и восхищенный покроем их дорогих костюмов (художник смотрит на мир широко распахнутыми глазами), я не сказал им ни слова, когда они промаршировали по улице, держа меня на весу, к ближайшему мусорному баку, в который они меня и запихали. Один из них даже не поленился развязать пакет с мусором и высыпать его содержимое мне на голову, дабы закрепить урок (подобные излишние и избыточные действия по расстановке акцентов весьма характерны для нехудожников; если ты изначально выражаешься ясно, тебе уже нет необходимости прибегать к повторению).

Вместо того чтобы прийти в уныние, я даже порадовался. На меня произвело впечатление, что искусство находится под таким хорошим присмотром и надежной охраной. Тем более что настоящий художник не должен бояться нового опыта, а я не думаю, что среди тех, кто занимается изобразительным ремеслом, найдется много таких, кого швыряли вниз головой в мусорный бак; это гораздо интереснее, чем может показаться на первый взгляд, и я сразу понял, что это будет золотое мгновение для моих будущих биографов. Когда-нибудь мы с Ренфро посмеемся над этим маленьким эпизодом, в этом я не сомневался, хотя смех Ренфро будет немного нервным. Сердце истинного художника исполнено великодушия; я даже готов обменяться рукопожатиями с его громилами на открытии моей выставки «Лучший друг человека», которую организует Ренфро.

Однако, выбравшись из мусорки, я обнаружил, что одного из них знаю. Еще мальчишкой я восхищался его вытянутым миндалевидным черепом (художник смотрит на мир широко распахнутыми глазами) из-за его уникальной формы. Я почти никого не помню из школы (я и школы-то плохо помню, не говоря уже об одноклассниках), кроме совсем уже ярко выраженных антихудожественных типажей: Фреда Иста, который хотел меня загасить газонокосилкой, или Тендера Махони, который, не будь он таким неуклюжим и имей он побольше опыта в обращении с копьем, мог бы лишить этот бранный мир моего блистательного присутствия.

– Питер, это ты?

– Э?

– Питер, это же я. Джонни Гений. Мы вместе в школе учились. В Темзмед-Комп.

Он пару секунд таранился на меня.

– Честно сказать, приятель, я тебя совершенно не помню. Но раз уж мы вместе учились в школе... – Он запустил руку в карман и достал металлический кастет с зазубренным краем. Я так думаю, мне было бы очень больно, если бы его удар не вырубил меня абсолютно.

Но это была необходимая инициация; как бы это смотрелось, если бы я захватил мир искусства, ни разу не будучи битым? Всегда следует помнить о своих будущих биографах, и пара-тройка недель борьбы – это не самая высокая цена. А еще я подумал, что беднягу Ренфро беспрестанно донимают настырные и бесталанные неудачники, и поэтому нельзя на него сердиться. Наоборот. Ему следует посочувствовать.

Мне всего-то и нужно было устроить так, чтобы Ренфро увидел мои работы, и тогда все встанет на свои места. Мне показалось, что если я встану у входа в его галерею, это должно сработать. Он выйдет из машины, увидит мои блистательные картины, и история искусства изменится навсегда. Но все получилось не так, как я думал. В то утро, когда я пришел к галерее Ренфро, из машины вышел Пит, и, насколько я могу судить, история искусства не претерпела вообще никакого воздействия; он заставил меня съесть уголок моего полотна с ножом, но без вилки, после чего мы с ним прогулялись до ближайшей стеклянной витрины, в которую он меня и швырнул.

Пришлось выслеживать Ренфро до дома. Он жил в роскошном особняке в Хайгейте. Глубокой ночью, под покровом темноты, я аккуратно расставил свои картины в саду перед окном кухни, так чтобы в ранние утренние часы (далековато от идеала), когда Ренфро, еще сонный, выйдет на кухню позавтракать, он увидел бы будущее истинного искусства и конец посредственному малярству. Ренфро, должно быть, почуял неладное, потому что я вдруг увидел, что ко мне приближается Пит с маленьким деревцем наперевес, которое он выдрал откуда-то из земли в полном пренебрежении к окружающей среде, каковую следует защищать. Я понял, что мне пора уходить. Пит был здоровым и грузным парнем, но при этом он мог разогнаться так, что подобный разгон сделал бы честь спортивному автомобилю, и, несмотря на немалый выброс адреналина, которому весьма поспособствовали мои предыдущие «теплые встречи» с Питом, он бы точно меня догнал, если бы не упал в яму.

Он упал в яму-ловушку, прикрытую дерном, которую приготовил художник, скрывающийся в этой самой яме и работающий над концептуальной картиной под названием «Две недели в саду торговца произведениями искусства». Это был настоящий перформанс с использованием необычного сочетания теории и тактики выживания в экстремальных условиях, которое предполагало, в частности, что оный художник живет в саду у Ренфро, питаясь исключительно подножным кормом, и подробно записывает свои впечатления. Печальный случай. Ослабленный диетой, состоявшей из дождевой воды, лепестков нарцисса, жуков, арахиса, которым кормили белку, и черствого хлеба, который бросали синицам, скрывавшийся в яме художник-концептуалист не мог дать достойный отпор разъяренному Питу, который – так и не проникшись серьезностью изобразительной миссии, исполняемой концептуалистом, – сломал ему три ребра, что, по иронии судьбы и по общему мнению, явилось наивысшим концептуальным штрихом всего садово-художественного проекта и способствовало тому, что оный проект стал достоянием широкой общественности посредством последующего судебного разбирательства.

Решив, что не стоит бояться показаться неоригинальным, я послал Ренфро по почте две свои работы, но, очевидно, он либо не получил их вообще, либо их ему не передали, потому что он так и не перезвонил мне на пейджер.

Я, разумеется, не сдавался, хотя уже начал думать, что моим будущим биографам придется кое-что пропустить, чтобы не слишком затягивать повествование о том, как я добивался признания. Я всегда выступал против того, чтобы сдаваться на полпути. Я сказал себе: на Корк-стрит не одна галерея, и Корк-стрит – не единственная улица в Лондоне, а Лондон – не единственный город в нашей прекрасной стране. Я подумал, что для какой-нибудь маленькой или провинциальной галереи мои картины станут прекрасной возможностью немного сравняться с Ренфро, но, как ни странно, они упорно

этого не понимали.

Наконец до меня начало доходить, что мне придется дорого заплатить за свою оригинальность и что это будет непросто – справиться с миром, который на протяжении многих веков подавлял Смитов во всех проявлениях. Но я признаю, что и сам виноват, ибо тоже попал под власть устоявшейся традиции. Настоящий художник избегает Признания. Признание предполагает, что искусство делается для галерей – на потребу публике. Однажды вечером, когда я дожидался, пока мне приготовят креветочный буна навynos в индийской закуской с громким названием «Закат Британской империи», в толпе других страждущих, меня вдруг осенило, что это именно то место, где можно выставить мои картины и где они покорят публику вместе с бомбейским рагу, и что согласно давней традиции я мог бы обменять одну из моих работ на право раз в день кушать бесплатный карри.

Но мне еще предстояло много чего узнать о масштабах своей собственной оригинальности и о Признании. В частности, я узнал, что закуские, торгующие навynos, предназначены для того, чтобы торговать навynos едой, а вовсе не для того, чтобы нести в массы искусство, способное перевернуть мир; был один особенно неприятный эпизод с применением устрашающего вида палочек для еды в китайском ресторане на Холловой-роуд. Но чем больше в тебе оригинальности, тем труднее добиться Признания; с тем же успехом ты мог бы пытаться долбить носом дубовую дверь (это образное сравнение, я никогда не пытался долбить носом двери).

Надо смотреть на вещи и видеть их такими, какие они есть (художник смотрит на мир широко распахнутыми глазами). К несчастью, я видел, что опередил свое время на много лет и что мне теперь остается одно: собрать все свои работы, запереть их в надежном месте где-нибудь в Уиллздене и ждать, пока мир меня не нагонит.

Но я не из тех, кто почитает на лаврах; я пустился на поиски новых просторов для завоевания и буквально за сорок пять минут создал новый вид искусства. Я сидел-выпивал в «Маркизе Гренби», бар был забит, и за мой столик присела молодая пара. Я волей-неволей подслушал их разговор: им приходилось кричать, чтобы слышать друг друга. Они поженились совсем недавно, и мужа теперь посылали в командировку. В Болгарию, в Пловдив. На год. И их это очень не радовало.

– Вам там понравится, – я сам не знаю, почему встрял в разговор.

– Вы там бывали?

– Я там жил два года, – ответил я. Вернее, ответ вырвался сам, я только произносил слова. Это был вовсе не я, тот, кто принялся разглагольствовать о работе в Болгарии в качестве эксперта по очистке воды. Через меня говорила сама Великая Мысль. Я восторгался доброжелательностью и приветливостью болгар, их великолепной кухней, красотами тамошнего пейзажа. Я научил их одной очень полезной фразе на болгарском, приветствию, которое следует использовать только в одиннадцать часов утра (в идеале, с последним ударом церковного колокола) и которое считается самым красивым и обходительным выражением во всем языке, настолько красивым и обходительным, что люди специально едут на другой конец города, чтобы так подгадать и сказать эту фразу тому, кого они особенно уважают, и услышав такое приветствие, даже взрослые, совершенно не сентиментальные мужики, могут расплакаться от полноты чувств. Я даже дал им адреса двоих друзей, которые говорят по-английски и с удовольствием покажут им местные достопримечательности.

На самом деле мое знакомство с Болгарией было самым что ни на есть поверхностным: однажды я взял в магазине бутылку болгарского красного,

подержал пару секунд в руках и поставил ее обратно на полку. Про Болгарию я знаю только, что она расположена где-то рядом с Африкой.

Но поскольку я был при исполнении (художник смотрит на мир широко распахнутыми глазами), Великая Мысль подтолкнула меня к созданию нового вида искусства, захватывающего и волнующего. Я назвал его художественным обманом. Разумеется, какой-нибудь дилетант, да и вообще всякий, кому не хватает воображения и проницательности, легко перепутает художественный обман с ложью. Художественный обман – это отнюдь не банальное вранье, это тонкий олицетворенный вымысел, штучная история, сделанная практически на заказ. Существует огромная разница между простым нежеланием поддерживать разговор и безыскусной житейской неправдой, из которых, собственно, и состоит обыкновенная ложь («у меня все нормально» или «я тебе сразу его верну»), между уже откровенным враньем, когда ты сидишь в баре и представляешься случайному собеседнику военным летчиком, или пытаешься продать какому-нибудь идиоту несколько акров заболоченной местности, и тем, что делаю я. Существует огромная разница между тонким скальпелем хирурга и пружинным ножом уголовного (я – скальпель хирурга, как вы уже поняли).

Мои бодрые заверения буквально преобразили эту молодую пару. Мой рассказ об очистке воды в Болгарии воодушевил их и окрылил, как воодушевляет и окрыляет всякое истинное произведение искусства. «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Я вполне допускаю, что этот вдохновенный художественный обман может рассыпаться прахом в первый же день их пребывания в Болгарии. Но, с другой стороны, он может благополучно остаться при них на всю жизнь. Искусство способно обмануть время, хотя и не навсегда.

Они купили мне пинту пива. За искусство надо платить. Именно так ты понимаешь, что это искусство. Твоя жизнь в растянутом времени.

На следующий день или, точнее, вечер после изобретения художественного обмана я сидел в «Толстяке и латуке» и там познакомился с женщиной, которая, заливаясь слезами, рассказала мне про свою тетюшку, у которой нашли рак груди. Я сказал ей, что я – дизайнер ножевых изделий и что у меня тоже есть тетюшка, даже две, и у обеих был рак груди. Пятнадцать лет назад. Они до сих пор живы-здоровы: одна бегаёт марафоны, а вторая играет в теннис и недавно обыграла врача, который в свое время поставил ей неверный диагноз, с разгромным счетом 6:0. Женщина ушла домой, улыбаясь. Привожу краткий отчет:

ОБРАЗ, ТЕМА, ГОНОРАР (таблица)

Образ: Дизайнер ножевых изделий

Тема: Рак груди. Пустяки, дело житейское

Гонорар: Бутылка «Короны»

Образ: Владелец змеиной фермы

Тема: Уклонение от налогов

Гонорар: «Драмбуи» [7 – Драмбуи – крепкий шотландский ликер на основе шотландского виски и меда. – Примеч. пер.], пинта «Фостерса»

Образ: Теолог

Тема: Служба знакомств теперь в моде

Гонорар: Сухое белое вино, арахис в меду

Образ: Инструктор по конному спорту

Тема: Шестьдесят – это еще далеко не старость

Гонорар: Полпинты сидра

Образ: Крикетный комментатор

Тема: Воспитание детей – это большое искусство

Гонорар: Минеральная вода (с газом), свиная поджарка

Образ: Журналист, специализирующийся на игрушечных железных дорогах

Тема: Безработица – это преодолимо

Гонорар: Никакой выпивки, половина мятной жвачки

Образ: Танцор балета

Тема: Мерзавцы всегда бывают наказаны

Гонорар: Бутылка «Роллинг рока»

Образ: Специалист-диетолог

Тема: Вы красивая и вовсе не толстая

Гонорар: Пришлось купить ей кампари

Образ: Владелец змеиной фермы

Тема: Ваш сын, сбежавший из дома, не умер. Он просто сбежал из дома

Гонорар: Пинта «Грин инга»

Образ: Журналист, специализирующийся на игрушечных железных дорогах

Тема: Жизнь – совсем не дерьмо

Гонорар: Пинта «Гиннеса»

В общем, художественный обман шел на «ура». Денег я им, конечно, не заработал, но я получал свою долю внимания. Как-то вечером я сидел в «Козле», потягивал свое пиво и размышлял, как бы мне раскрутить

художественный обман, так, чтобы он приносил доходы, достаточные для скромной, но все же безбедной жизни в деревне в блаженном безделье, и тут вновь проявилась Великая Мысль. Какой-то шумный и громкий мужик взял стул от стола, за которым сидел я.

- Поставь стул на место, - сказал мой голос, пока я сам только складывал в уме фразу насчет того, что вообще-то принято спрашивать разрешения, прежде чем хватать «чужие» стулья, пусть даже на них никто не сидит; мой голос был раздраженным и злым. Обычно так говорят с людьми, которые ниже тебя по росту и явно слабее.

- Или что? - спросил Громкий-и-Шумный. И он, и я уже поняли, что он не только готов, но и может начистить мне рыло. Я всегда выступал за полезность физических упражнений; просто я по природе маленький и шуплый, и, к несчастью, мое беззаветное увлечение искусством не обеспечило мне внушительную мускулатуру.

- Я художник, и я хочу, чтобы вы вернули стул на место, - в моем голосе слышались командные нотки.

- Или что?

- Или я шею тебе сверну. - Должен заметить, что меня самого удивило подобное заявление. Совершенно бредовое и в принципе невыполнимое; даже если бы Громкий-и-Шумный был крепко связан, и ему бы заткнули рот кляпом, а меня привели бы в состояние непреходящего бешенства на всех Громких-и-Шумных, в лучшем случае я бы сумел только высказать ему все, что я думаю. На словах. Однажды одна особенно наглая муха вывела меня из себя, и я попытался пристукнуть ее газетой, но добился только того, что она стала жужжать еще громче. Мне до сих пор жалко тех нескольких муравьев, которых я случайно раздавил в песчаном карьере в Маргейте, когда мне было одиннадцать.

Однако следует доверять этим темным тайникам души. О, эти темные тайники души!

- Ну так бы сразу и сказал, - сказал Громкий-и-Шумный, возвращая стул на место. Что лишний раз подтверждает следующее наблюдение: если с первого взгляда вполне очевидно, что что-то должно произойти, это еще не значит, что оно непременно произойдет. Иногда ты выпрыгиваешь из окна и летишь по воздуху. Я всегда выступал против трусости и за отвагу, но эти понятия почему-то оказывались несколько неадекватными, когда мне приходилось иметь дело с людьми крупнее меня, одной комплекции со мной и теми, кто мельче меня, но кто имеет дурную склонность подвергать меня физическому воздействию.

Чуть позже, когда Громкий-и-Шумный ушел к своему столику, я заметил, как он показал на меня пальцем и сказал своему собеседнику:

- Ты с ним поосторожнее. Он убийца. Хладнокровный убийца.

Потом ко мне подошел какой-то мужик и спросил, не хочу ли я выпить. Вот краткий отчет о художественном обмане за следующую неделю:

ОБРАЗ, ТЕМА, ГОНОРАР (таблица #2)

Образ: Серийный убийца

Тема: Убить человека – это очень легко (как муху прихлопнуть)

Гонорар: Три пинты «Карлберга», два «G and T», виски «Чивас Ригал», креветки под острым соусом, куриный моглай, рис басмати, сливовое мороженое, кофе

Образ: Серийный убийца

Тема: Убить человека – это совсем не легко (перевернутая мебель и т. д.)

Гонорар: Четыре бутылки «Стелы Артуа», четыре рюмки медовой водки, два пакетика чипсов с солью и уксусом, пачка «Benson & Hedges»

Образ: Серийный убийца

Тема: Как жертвы умоляют о пощаде

Гонорар: Пять бутылок «Пилз», два виски «Фэймос Граус», шпинатовые оладьи под мексиканским соусом, морской язык с лимоном, картошка-фри, соус тартар, полбутылки новозеландского Шардоне на дубовых почках (выше всяких похвал). Томик стихов с автографом автора. Приглашение провести выходные в Клойстерсе (покататься на лыжах)

Образ: Серийный убийца

Тема: Тела и останки

Гонорар: Пять бутылок «Гролша», Три «Маргариты», бутылка шампанского «Ru de Ruinart» (разлито в Париже), филе копченой форели с хреном, итальянский салат, отбивные по-македонски с овощным гарниром, бутылка Бланьи 89-го года, шоколадный рулет из черного и белого шоколада, бокал Сотерна, элитный коньяк «Cohiba», виски «Glenmorangie» 18-летней выдержки, кашемировый шарф, сигарета с марихуаной, видеокассета с эксклюзивной порнушкой, поляроидная фотография девушки с телефончиком на обороте

Даже гениальный художественный обман требует постоянной доработки деталей, чтобы не только держать слушателей в напряжении, но и чтобы тебе самому было интересно. Когда я говорю собеседнику, что только сегодня вышел из тюрьмы, он поневоле задумается: а надо ли было меня выпускать? Что это – очередная промашка судебных психиатров? Еще одно великодушное освобождение преступника на поруки в надежде, что он осознает, проникнется и исправится? Типа что если дать злодею второй шанс, он обязательно совладеет со своей злодейской натурой – ибо эта натура не вина его, а беда, – и уже никогда не возьмется за старое... но когда ты занимаешься художественным обманом, следует как-то уравновешивать свежесть деталей и растущую популярность. Когда тебя начинают узнавать, «Я только сегодня вышел из тюрьмы» надо заменить на «Я недавно вышел из тюрьмы», чтобы тебя не поймали на лжи.

Но никто особенно не задумывается о том, почему ты не за решеткой. Как все мы знаем, в наши дни убийство практически не мешает свободе. Также удобно, когда тебе хорошо за тридцать – тебе не составит труда убедить собеседника, что-ты отсидел свои десять лет.

Теперь я почти каждый вечер хожу в артистический клуб «Челси», где собираются художники. Сбоку от входа – как войдешь, сразу направо – там

есть очень уютный укромный уголок с двумя удобными мягкими креслами и книжной полкой. Я прочел много книг, потому что еще до того, как занялся художественным обманом, я частенько бывал в этом клубе (когда решил явить миру свои бессмертные работы) в плане общения с братьями по ремеслу. Когда мой художественный характер полностью сформировался, я подумал, что, может быть, совершаю ошибку, не интересуясь талантами и достижениями других. Может быть, все-таки стоит быть в курсе того, кто на что способен. Так что я прихожу в клуб, усаживаюсь за стойку и обращаюсь к соседям:

– Я великий художник. Вы тоже?

Это было медленное и болезненное открытие, но я все-таки понял, что художник – независимо от того, стремится ли он к общению или, наоборот, избегает, – почти всегда остается один на тернистом пути к славе.

НАЧАЛО БЕСЕДЫ и ПРИМЕРЫ ОТВЕТОВ

Я великий художник

Хорошо тебе. Мы тут с другом беседуем. Ага, тогда ты мне, наверное, дашь взаимы двадцать фунтов. А-а. У меня через десять минут поезд.

Хотите поговорить об искусстве?

На самом деле, не очень. Мы тут с другом беседуем. Этот стул занят. Опасный вопрос. В этом месяце я уже исчерпал весь лимит разговоров.

Но дни неистовых анти-Смитовских предубеждений уже миновали.

В один из таких вечеров в клубе «Челси» я говорил группе восторженных слушателей:

– Самое главное, я простил себе все и теперь наслаждаюсь жизнью по полной программе. Мертвых не воскресишь, но даже если бы это было возможно, только представьте, сколько сразу возникнет проблем... жилье, право собственности, парковка машины...

И тут я увидел, что внимание замороженной аудитории, которым до этого я владел безраздельно, вдруг отвлеклось. Все, как один, повернулись к высокому человеку в пепельно-сером костюме. Это был Ренфро. Он протянул мне руку. Я успел обменяться с ним кратким рукопожатием прежде, чем он убрал руку. Это стремительное движение вызвало в воображении образ зверя, пойманного в капкан, который вырвался из западни.

– Мистер Смит, я слышал, вы пишете. Позвольте задать вам вопрос относительно формы произведения.

Пятьдесят бесполезностей

Кид стремительно выхватил револьверы, прокрутил их на пальцах и убрал обратно в кобуры, не отрывая взгляда от воображаемого врага. Координация никуда не делась, и он по-прежнему проделывал все это четко и быстро (хотя, наверное, уже не так быстро, как раньше).

И еще он знал: что-то не так. Он это чувствовал, но не мог понять, что именно не так и что нужно сделать, чтобы это исправить. И можно ли это

исправить.

Он достал кисет, свернул себе папиросу, закурил и задумался, пытаюсь найти ту точку, откуда все пошло наперекосяк.

У него было много времени, чтобы подумать. Долгие годы он только и делал, что думал, но так ничего и не надумал.

Его карьера закончилась точно так же. Последние пару недель до того, как все кончилось, у него были сильные приступы нехороших предчувствий. Стойкое ощущение, что что-то не так. И даже не пару недель, а, наверное, пару месяцев. Просто тогда он еще не понимал, что его поезд готовится сойти с рельсов.

Он не собирался сам уходить с работы. Он мог бы подать в отставку по собственному желанию, но нет – он специально устроил так, чтобы его уволили. Может быть, для того, чтобы ему было кого винить, если он вдруг пожалеет об этом. Скорее всего его нежелание уходить самому было связано с тем, как он устроился на эту работу. Понимая, что нужно работать, причем работать в приличном месте (строгий костюм, пристойная зарплата, гарантированная пенсия), он просмотрел объявления о вакансиях и увидел, что требуется человек в управление городского планирования. Он пошел в библиотеку, прочитал пару брошюрок о принципах городского планирования, а потом состряпал себе фальшивый диплом и пошел на собеседование, где врал просто напрапалую, но зато убедительно. Не имея вообще никакой подготовки и знаний, но зато понимающий, что такое хорошая шутка, он без труда получил работу.

Обман так и не раскрылся, потому что хотя его должность была солидной и хорошо оплачиваемой, на самом деле, он вообще ничего не делал. Ходил на какие-то собрания и встречи, где хорошие шутки всегда приветствовались, и ездил по городу, изучая расположение фонарных столбов. В каждом уважающем себя городе должно быть управление городского планирования, но на самом деле города сами себя планируют. Может быть, из-за легкости, с которой он провернул эту аферу, он так и не смог заставить себя уважать своих коллег-специалистов, или просто сказались пять лет постоянной скуки.

Все началось из-за чашки чая. До работы ему было ехать всего ничего, но из-за утренних пробок он добирался не меньше чем за полчаса. Он всегда просыпался с большим трудом: единственный способ гарантированно встать с постели – это скатиться с кровати и шлепнуться на холодный и твердый пол, что дает стимул быстрее подняться и пойти в ванную. Он подгонял время так, чтобы приходить на работу не совсем вовремя, а с опозданием на три-четыре минуты, так чтобы к нему не могли придаться, но при этом выгадывал три-четыре минуты сна. Он залпом выпивал чай, запихивал в рот кусок тоста, бежал к машине, на ходу завязывая галстук, и стоял в пробках, теряя без толку время и начиная потихонечку ненавидеть знакомые лица в соседних машинах.

Однажды утром он совсем уже проспал и, чтобы не терять время, взял чашку с чаем с собой в машину и выпил его по дороге. Месяца полтора спустя он уже шел по утрам к машине в банном халате, а брился, одевался и завтракал прямо в машине. Люди тарасились на него, но ему было плевать, и только потом до него дошло, насколько опасным было его положение. Он дошел до того, что стал приходить на работу уже после обеда в полном ковбойском облачении и крутить на пальцах свои шестизарядные револьверы на деловых встречах, и вот тогда его поведение начало вызывать нарекания.

Первые четыре месяца после увольнения были самыми тяжелыми; потом, когда ты уже привыкаешь, становится легче. Это как если ты тонешь, рассуждал Кид: сначала ты отчаянно бьешь по воде руками и ногами, пытаюсь удержаться на

плаву, а потом все страдания проходят, и ты вместе с ними. Но как бы там ни было, просто одеться и вымыться к тому времени превратилось в работу. До этого у него не было сколько-нибудь приличной работы, и после этого тоже – по крайней мере такой, которую можно было бы назвать работой. Однако он никогда себя не обманывал: они разошлись с женой вовсе не потому, что его погнали с приличной работы. У них и раньше все было плохо. Они жили каждый в своей части дома и практически не общались, как животные двух разных видов, которых небрежный хозяин держал в одной клетке. Однако, когда она от него ушла, он вовсе не удивился, когда вдруг понял, что ему хочется плакать.

Где он свернул не туда? Или, может быть, пропустил поворот? Когда ему, еще в юности, задавали вопрос: «Чего тебе хочется делать в жизни?», он ни разу не ответил: «Сидеть, изнывая от скуки, в почти пустом доме, на потертом скрипучем диване типа тех, которые жгут на тренировке пожарных; короче говоря, быть законченным неудачником, но таким неудачником, о котором и говорить не стоит... у которого не было никаких грандиозных планов, которые потерпели бы неудачу... которого изначально почти никогда не пускали через парадный вход».

Когда у тебя нету денег, в этом есть только одна положительная сторона: тебе легко быть аккуратным. Все его имущество состояло из маленького телевизора (на который бы не позарился даже самый занюханный вор) на подставке из телефонных справочников, старенького дивана, дохлого кактуса, ржавого котелка, который давно надо было выбросить, револьверов с перламутровыми рукоятками и книги О.О. Говарда «Знаменитые индейские вожди, которых я знал». За последние десять лет он продал, отдал попользоваться или просто отдал навсегда почти все, что у него было. Он бы продал и револьверы, если бы их можно было продать хотя бы за полцены.

Он выглянул в окно и посмотрел на небо, безбрежное серое небо. Еще он увидел соседа Спринга, который сосредоточенно разбирал на части очередную машину и раскладывал оные части по всему кладбищу автомобилей, в которое давно превратился его сад. Спринг оторвался от своего занятия и принялся столь же сосредоточенно ковырять в левой ноздре.

Киду постоянно «везло» на такое зрелище. Однажды он ехал в поезде, и сразу за Бермингемом, когда мимо проехал еще один поезд, он мельком увидел в окне вагона первого класса Маргарет Тэтчер. «Железная леди» ковырялась железным пальцем в своем железном носу. Еще подростком, когда он ездил в Америку, в маленьком барчике в аэропорту Феникс он видел Джона Леннона. Леннон пил кока-колу и самозабвенно ковырялся в носу, что сразу убило все поползновения попросить автограф. Но вершиной всего была встреча с Джорджем Бестом в одном безмянном пабе возле Олдхэма. Звезда английского футбола сидел с пинтой пива и с задумчивым видом ковырялся в носу, размышляя, должно быть, о вечном. В общем, у Кида был дар заставить знаменитости за интимным занятием чистки носа, но он понятия не имел, как извлечь из него хоть какую-то выгоду.

И разумеется, он молниеносно выхватывал револьверы, но это тоже не принесло ему счастья в жизни. Его способности стрелка нашли только одно признание: Кида пригласили выступить в его старой школе – рассказать ребятишкам о законах Дикого Запада.

У него на каминной полке до сих пор стоит их фотография. Все вместе: Брэмхолльская команда (Брэмхолльское общество реконструкции истории фронта), все четверо. Были у них и другие любители Дикого Запада, но ядро Брэмхолльской команды составляли он сам, Баз, Легкомысленный и Войтек. Их приглашали потешить народ на ярмарках, в богадельнях и на открытии одного супермаркета. А еще они выступали по местному телевидению.

Диким Западом он «заболел» с детства. Он собирал всю информацию, которую только можно было добыть. Если вам вдруг понадобится узнать, где конкретно стоял Док Холлидей при перестрелке на ферме «О.К. Коррал», или какой был любимый алкогольный напиток у Джесси Джеймса, или точное количество перестрелок в Оклахоме в 1870 году: теперь вы знаете, к кому обращаться. Прошло много лет, прежде чем он понял, почему Дикий Запад так привлекает его (и остальных); уже будучи взрослым, он сообразил, что это был такой мир, где проблемы легко распознавались (по черным шляпам) и так же легко решались. Сталкиваясь с проблемой, ты не звонил в полицию, не писал своему депутату и не консультировался с адвокатом – ты вынимал револьвер и разбирался с проблемой на месте. Вот в чем главный минус жизни: ни с чем нельзя разобратся.

С сожалением вспоминая о том, сколько стоила рамка, он поставил фотографию на место. Он был последним из Брэмхолльской команды.

Баз («Джолли с ранчо») уехал на юг, за границу. Кид давно уже подозревал, что страсть База к Дикому Западу была только прикрытием для того, чтобы уйти от жены и детей. «Ребята рассчитывают на меня», – говорил он своей протестующей половине, представляя себя шофером, хотя он, наверное, вообще никогда не садился за руль, потому что боялся ездить.

Уйти от жены и детей было для База первой задачей в жизни, над которой он упорно работал. А еще он участвовал в марафонских забегах. «Это для благотворительных целей, котик, и ребята рассчитывают на меня». Его жена подозревала, что марафон – это только отмазка, чтобы слинять в бар с друзьями, и когда он выходил из дома в спортивном костюме, она регулярно следила за ним на машине. Сама идея была нелепой, потому что пивное пузо у База было не больше, чем у двенадцатилетнего мальчугана; но Баз был готов пробежать четырехчасовой марафон и сразиться со всеми бандами бандитского Додж-Сити, лишь бы уйти из дома – настолько сильным было его желание сбежать от своего семейства.

Благотворительность и марафон замечательно объединились, когда Баз сбежал-таки в Марбеллу, прихватив триста сорок фунтов для детей-инвалидов. Не то чтобы ради такой добычи стоило убежать, но у него появилась хотя бы возможность побега.

В Испании Баз открыл бар («Красный дьявол») на пару с красивой молоденькой вертихвосткой, которая, по идее, должна была вскоре уйти от него к какому-нибудь солидному испанцу постарше и поупитаннее, но которая со временем превратилась в жену с двумя детьми. Еще в самом начале он прислал Киду и всем остальным из Брэмхолльской команды свою фотографию, на которой он был в футболке «Родился на севере, живу на севере и умру на севере»; он стоматологически улыбался во все тридцать два зуба, в одной руке держал кружку неопознанного пива, а другой обнимал за талию знойную сеньориту.

Ходили слухи, что Баз хотел вернуться, но боялся, что его привлекут за неуплату алиментов. Должно быть, он был в полной заднице, иначе он бы дал знать о себе. Не то чтобы он очень стремился поддерживать отношения, но если бы ему было чем хвастаться, он бы похвастался – из одного только самодовольства.

Баз был манчестерцем до мозга костей, и его тянуло обратно. Он изнывал по теплему пиву и холодному дождю. Кид сомневался, что он сам тосковал бы по родному Манчестеру, будь у него альтернатива – радостная и солнечная. Такова ирония судьбы: всю жизнь он провел в Манчестере, хотя больше всего на свете ему хотелось отсюда уехать.

На самом деле, он даже предпринял такую попытку. В девятнадцать лет он уехал в Штаты, чтобы пройтись по местам «боевой славы» Дока Холлидея и

прошупать почву на предмет остаться. Он обнаружил, что (во всяком случае, в Аризоне) есть только два вида работы: которая требует квалификации и вида на жительство – для американцев и которая не требует квалификации и вида на жительство – для мексиканцев, которые готовы работать за совсем уже смешные деньги.

В полном отчаянии, он познакомился с Пэтом – человеком безграничного оптимизма и владельцем целого трейлера игрушечных танков. Больше тысячи игрушечных танков на батарейках. Так что Кид и еще один парень, негритос по имени Стив (который шел автостопом в Лос-Анджелес на чемпионат по хула-хупу), за три дня обошли все магазины Феникса, пытаясь продать эти танки.

Продать – не в смысле убедить владельцев взять танки на реализацию, а в смысле продать их за бабки работникам магазинов. У Пэта была теория, что у людей, которые работают в магазинах, нет времени по магазинам ходить, что все они изнывают от тайного нереализованного желания прикупить себе игрушечный танк на батарейках, и что очень важно, чтобы у Кида был помощник, который демонстрировал бы удивительные качества танков восторженным покупателям, пока сам Кид вел бы торговлю.

В конечном итоге он преисполнился глубочайшего уважения к любезности и терпимости американцев; или, может быть, если человек продает духи или индивидуальные туры на Багамские острова, он просто не ожидает, что кто-то войдет и предложит ему купить игрушечный танк. Как бы там ни было, Кид не продал ни одного, хотя один раз, разговорившись с шестнадцатилетним парнем, который присматривал за цветочной лавкой в отсутствие хозяина, он почти его уговорил. Но почти не считается.

Пэт слишком смело экспериментировал в бизнесе, чтобы делать деньги, но он был хорошим дядькой и в завершении неудачной кампании с танками за свой счет накормил их со Стивом обедом. Он в жизни не ел ничего вкуснее. Еда была отвратительная: водянистое порошковое пюре, подгоревший кусок мяса, в ошметках жира и жесткий, как подметка, размокшая зеленая фасоль, у которой был такой вкус, как будто она пролежала неделю в сапоге у ковбоя. И все это происходило в затрапезной закускойной, где недоставало одной стены. Но Кид не ел ничего двое суток – кроме черствого пончика в цветочной лавке. Он съел все подчистую, буквально вылизал тарелку, после чего устался на нее с неизбывной тоской и надеждой в глазах.

У него был обратный билет, но с фиксированной датой, и ему оставалась еще неделя. Проникновенный рассказ о массовой смерти родных и близких не смягчил суровые сердца служащих авиакассы. Кид рылся в мусорном баке рядом с закускойной, где подавали жареных цыплят, и тут судьба послала ему избавление в образе Макгрегора.

У Макгрегора была небольшая свиная ферма, и ему нужен был человек на неделю, который бы мог присмотреть за домом, пока он поедет в Чикаго на свадьбу к сыну. Английский акцент Кида и его познания в истории Дикого Запада, в частности о событиях в Коффейвилле в 1892 году, убедили Макгрегора, что он был младшим братом самой Честности, и он доверил ему свой дом и коллекцию уругвайских избирательных бюллетеней, а за свинопаса остался один пузатый коротышка-мексиканец. Макгрегор вручил Киду новенький револьвер с таким напутствием: «Если кто сюда сунется, сразу стреляй, даже без разговоров».

У Макгрегора не было никаких интересов помимо латино-американской псефологии (прим. наука о выборах). У него не было книг, не было телевизора, не было магнитофона, не было даже колоды карт. Был только радиоприемник, который либо вообще не работал, либо как-то работал, но Кид не мог понять как. Всю неделю Кид тихо скучал, опустошая хозяйский холодильник (старый заплесневелый сыр и совсем-совсем старый заплесневелый

сыр) и постоянно напоминая себе о том, как ему повезло. Мексиканец вообще не говорил по-английски, и первым же утром, наблюдая за тем, как этот латинос кормит свиней, Кид понял, почему Фрэнк Джеймс изобрел ограбление банков в 1886 году.

До ближайшей от фермы дороги было почти три мили, и делать там было абсолютно нечего, кроме как периодически наблюдать за вертолетом Иммиграционной службы и расхаживать по двору в голом виде (он вбил себе в голову, что хороший загар поможет ему как-то устроиться в жизни, когда он вернется обратно в Манчестер), но на улице было так жарко, что он не выдерживал больше двадцати минут за раз.

К концу недели у него совсем уже съехала крыша: он вышел ночью во двор и принялся палить по кактусам в лунном свете. Ему стало немного легче, но надо было как-то объяснить использованные патроны, и он придумал целую историю про двух подозрительных байкеров, которые ошивались поблизости, что принесло ему дополнительную сотню долларов (которые он потратил на свою пару ботинок «Нокона»).

Никто не знал, где теперь Баз. Но зато все знали, где Войтек: в тюрьме. Пожизненное заключение. Войтек («Человек без имени» – на самом деле у него было имя, но совершенно неудобоваримое, непроизносимое и вообще какое-то нечеловеческое) был слишком пылким и впечатлительным для человека, у которого есть свободный доступ к огнестрельному оружию. Он перебрался в Англию, когда в Польше объявили военное положение; Дикий Запад привлекал Войтека тем, что это была Америка в чистом виде (а, стало быть, совсем не Россия) и что там у каждого были револьверы. Войтек записался в стрелковый клуб и регулярно ходил в тир, приговаривая за перезарядкой пистолетов: «Когда-нибудь мы с Ярузельским сойдемся один на один».

Кида не было рядом, когда все случилось, но зато он был на суде. Пятница, вечер. Все нормальные люди развлекаются после рабочей недели (плохое начало; ничто так не бесило Войтека, как веселье). Войтек сидел – выпивал в одиночестве, и его случайно толкнул какой-то молоденький плотник-ирландец. Войтек пролил полкружки на пол. Даже самое неискреннее извинение – и инцидент был бы исчерпан. Войтек был конченным психопатом, но все-таки вежливым человеком. Но плотник-ирландец и не подумал извиняться. Он как будто вообще не заметил Войтека и уселся за столик к своим приятелям. Войтек достал свой револьвер 22-го калибра и приставил его ко лбу обидчика.

– Не стреляй, не стреляй, – завопил плотник. – Мне так страшно, что я аж обоссался со страху. – Он плеснул пива себе между ног. В этом-то и проблема: если ты начинаешь говниться со скоростью сто миль в час, вовремя остановиться уже нельзя. Плотник думал, что Войтек – просто придурок. Ему и в голову не приходило, что пистолет может быть настоящим, и он вряд ли успел осознать свою ошибку, потому что уже в следующую секунду ему вышибло все мозги.

Ошибкой Войтека было то, что он носил с собой револьвер. Если ты носишь с собой револьвер, то рано или поздно тебе обязательно встретится идиот, который будет буквально напрашиваться на пулю. И тем не менее Кид понимал, почему Войтек застрелил того ирландца: всем нам хочется, чтобы нас воспринимали серьезно.

По иронии судьбы, у того ирландца нашли какие-то штуки, которые террористы используют для изготовления бомб (хотя на суде об этом не говорили), и полиция была даже рада, что Войтек его угрожал. Им хотелось как-то ему помочь, но ничего у них не получилось. Если бы Войтек просто его застрелил, это можно было бы квалифицировать как непредумышленное убийство (временное помутнение рассудка), но поскольку он дал плотнику время

извиниться, ему склеили предумышленное убийство.

Первые пару лет мы регулярно навещали Войтека в тюрьме, передавали ему сигареты и шоколад, а потом Войтек вдруг заявил, что не хочет никого видеть – самое оскорбительное и унижительное из всего, что случилось с ним в жизни.

Остается еще Легкомысленный. Легкомысленный («Мельник-Убийца») проектировал аэропорты. Он проектировал аэропорты, хотя никто не использовал его проекты (только однажды его проект чуть не купили в Либерии, но что-то у них там не склалось). В Брэмхолльской команде он занимался рекламой и прочей общественной деятельностью. А потом он поехал в отпуск с какой-то девицей, и больше они его не видели. Правда, он еще прислал им открытку из Абердина, где директорствовал в музее иголок.

Кид остался последним из Брэмхолльской команды. Брэмхолл Кид громко пернул, дабы подчеркнуть эту печальную мысль. Он пердел постоянно, что весьма удручало его самого и делало пребывание в собственном обществе практически невыносимым. «Чего ж вы хотите, вы уже старый». Доктор не говорил этого вслух, но явно подразумевал. Когда тебе пятьдесят два, годы уже не прибавят бодрости и здоровья. Разнообразная диета, активированный уголь, антибиотики – ничего не помогало. Его кишечник упорно не поддавался лечению.

Кид взглянул на часы и увидел, что подошло время финального счета. Он включил телевизор. «Арсенал» выиграл у «Манчестер Юнайтед» 1:0. Унылая серость стиснула руки у него на горле. Он сразу понял, даже не слушая комментатора с отчетом о матче, что во всем виноват Энди Коул. Еще одна из великих вселенских загадок: почему Фергюсон, который, наверное, понимает в футболе побольше Кида, с маниакальным упорством выпускает Коула на поле вместо того, чтобы честно признаться, что он выкинул деньги на ветер, и пусть бы Коул занялся чем-нибудь полезным. Например, продавал бы программки.

По дороге в любимый бар Кид не заметил, что в «порше», остановившемся на светофоре на перекрестке, сидит Дэвид Бэкхем (одна рука – на руле, вторая – почти до упора в левой ноздре), потому что задумался об успехе.

Как близок он был к успеху. Буквально касался его руками, оставив на нем отпечатки пальцев. Брук не состоял в Брэмхолльской команде, но иногда они выпивали вместе. Брук увлекался индейской мифологией и вечно рассказывал историю про леопарда, который потерял свой мужской причиндал. Кид всегда ладил с Бруком, и когда в 1972-м Брук открыл свой первый солярий, он предложил Киду войти в долю на правах младшего партнера за тысячу фунтов.

Обычно в карманах у Кида никогда не водилось больше пятерки, а если бы он попросил кредит в банке, то там скорее полили бы деньги соусом для барбекю и спалили бы их на огне, чем дали ему. Но однажды ему повезло. Как-то на выходные он подрабатывал чернорабочим – они ломали один древний дом, – и на чердаке, в свертке, прикрепленном к обратной стороне потолочной балки, нашел тайник старых гиней эпохи Регентства (о котором решил не распространяться).

Он помнил, как вышел из дома, чтобы встретиться с Бруком в пабе. Помнил, как положил толстый конверт во внутренний карман пиджака. Помнил свой тихий ужас, когда он собрался отдать конверт Бруку, а конверта не оказалось на месте. Помнил, как он лихорадочно обшаривал все карманы, покрываясь холодным потом.

А спустя три недели случилось совсем уже невозможное: конверт нашелся. Он завалился за диван. Однако Брук уже нашел себе другого партнера – какого-

то нигерийца, который, как выяснилось потом, безбожно его обманывал. Но Брук все равно сделался мультимиллионером, поскольку «принес в Ланкашир больше ультрафиолета, чем солнце». Если бы Кид тогда отдал ему деньги, он бы давно уже обеспечил себе безбедное существование. На всю оставшуюся жизнь.

Вместо того чтобы подвизаться на поприще искусственного загара, Кид купил револьверы – подлинные, пусть и списанные кольты. Каждый раз, когда они встречались, Брук говорил: «Давай выпьем» и «Я посмотрю, может, получится тебя куда-нибудь пристроить». К началу девяностых Брук перестал это говорить и только натянуто улыбался.

В баре Кид сразу заметил новую девушку. А минут через пять увидел, что она собирает со столов пустые стаканы. У нее было несчастное лицо, но грудь выпирала так, что Кид даже подумал, что она у нее искусственная, но потом вспомнил, что в восемнадцать она такая у всех. Ребенок с большими сиськами.

Гранджер сказал:

– Кид, это Мелоди. Мелоди, это Кид.

Но на самом деле он имел в виду, что теперь Кид лишается всех своих «льгот» у него в заведении. Раньше пустую посуду со столов собирал Кид, а в особенно суматошные дни помогал Гранджеру за стойкой – в обмен на халявную выпивку, а то и на пару банкнот, каковые вкуче с деньгами, которые он получал от Уилсонов за присмотр за котом, пока они ездят на отдых (три раза в году), составляли его единственный доход.

Он совсем не сердился; он никогда не менял свою жизнь – ее меняли за него другие. Тем более что Гранджер все равно ничего не выгадает на этой девице. Гранджер, как и Кид, был из тех людей, которым просто не дано радоваться жизни.

Гранджер поставил ему пинту пива – вроде как выходное пособие. Кид выпил его обстоятельно, не торопясь, стараясь отдать должное каждому глотку, но удовольствия не было никакого. Все равно что смотреть, как пьет кто-то другой. Он быстро ушел, как будто заходил исключительно для того, чтобы по-быстрому выпить.

Дома он достал пятьдесят фунтов, припрятанные в духовке (которая никогда не использовалась): неприкосновенный запас «на счастливый случай». На случай, если жестокий мир предложит ему сделку на пятьдесят фунтов; на случай, если Брук вдруг появится и предложит ему половину своих соляриев и клубов здоровья за пятьдесят фунтов; на случай, если у него на заднем дворе приземлится летающая тарелка и зелененькие гуманоиды предложат ему целый мешок бриллиантов, по дешевке. Последние десять лет Кид только и делал, что мотался туда-сюда между домом и пабом, но он свято хранил эти пятьдесят фунтов. Пятьдесят бесполезностей.

Он надел пояс с кобурой. Искусство быстро вынимать револьверы требует правильного положения кобуры. И долгой практики. И таланта... хотя большинство настоящих стрелков таким талантом не обладали. Для них было уже хорошо пристрелить врага в спину, из винтовки, с какого-нибудь защищенного места на расстоянии в четверть мили.

В прошлом марте, когда Кид вышел купить сигарет, он едва не споткнулся о полисмена, который лежал на его подъездной дорожке. Полицейский был очень несчастным: не потому, что по нему едва не прошли ногами, а потому, что он лежал пузом на жестком гравии, под противной изморосью, и боялся, что его застрелят.

Но тревога оказалась ложной. Кипеж поднялся из-за восьмидесятилетней миссис Мортимер, которая отгоняла скворцов от своего свежепосеянного газона, стреляя из газового пистолета. Какой-то придурок увидел бабульку с пистолетом и вызвал полицию. Когда Кид был молодым, все было по-другому. Соседи знали друг друга. Это не значит, что они непременно общались или питали друг к другу симпатию, но они знали друг друга в лицо, и никто не стал бы затевать осаду дома старенькой миссис Мортимер. Напряжение достигло критической точки, поскольку миссис Мортимер была абсолютно глухой и никак не реагировала на призывы полиции в мегафон.

Киду повезло; пока он лихорадочно соображал, как привлечь внимание полиции, раздался стук молотком. Спринг. Он вечно чего-то стучал, пилил, отскребал, колотил, зачищал шкуркой или сверлил дрелью. За те двенадцать лет, пока он тут жил, он мог бы построить уже пять домов своими «умелыми ручками – сделай сам». В свободное от столярно-плотницких работ время он разбирал автомобили по винтикам, после чего благополучно о них забывал.

Когда Спринг открыл дверь, Кид ткнул ему в нос револьвер. Спринг быстро захлопнул дверь – Кид почти с удовольствием отметил, как сильно тот перепугался.

Потом Кид вышел на середину улицы и палил в воздух с обоих стволов, пока не расстрелял все патроны.

Вернувшись в дом, он взял конверт, в котором ему прислали очередной счет за воду (разумеется, неоплаченный), надписал его: «Полицейскому, который меня застрелил», – и положил туда пятьдесят фунтов. На обратной стороне церковной рекламки он накорябал: «Вы знаете». Потом немного подумал и дописал: «Я хочу сказать, что сам во всем виноват. Я сделал так, чтобы все смотрелось по-настоящему, потому что мне нужна была помощь. Прилагаю к своим извинениям скромную сумму – пораруйте себя чем-нибудь от меня. Еще раз, примите мои самые искренние извинения. Брэмхолл Кид».

Зарядив револьверы, как всегда, холостыми, он снова задумался про Дикий Запад, который дает человеку возможность почувствовать себя значительным.

Когда снаружи выкрикнули его имя, он с несчастным видом шагнул к двери, готовый в последний раз молниеносно выхватить револьверы.

А потом тебе скажут, что ты надрался

Утренний псих был на месте.

Гай подумал, что в плане концентрации полоумных на квадратный дюйм Брикстон безоговорочно держит первое место в мире. В свое время он поездил по миру: жил в больших городах, видел много печали, уродства и грязи, но по количеству клинических идиотов Брикстон был недосыгаем. Жалко только, что ничего с этого не поимеешь. Впрочем, по здравом размышлении, некая выгода все же была: в силу врожденного тупоумия местные психопаты прямо сами напрашивались на тюрьму, в связи с чем клиентура у «Джонса и Кейты» росла, и, стало быть, Гай получал с них какие-то фунты.

Сегодняшний псих был черным и здоровенным. Просто огромным. Вот чем еще славен Брикстон, помимо количества недоумков: здешние недоумки отличаются особо крупной комплекцией.

Направляясь к автобусной остановке, Гай размышлял, что обычно его не

особенно беспокоят типы со спущенными до колен штанами, которые пытаются скушать свою рубашку. Его смутили не столько действия этого необъятного негритоса, сколько его размеры. Ростом шесть футов три дюйма и не просто здоровый, а широченный; Гай и не думал, что на свете бывают такие огромные дядьки. Он всерьез опасался, что если этому пожирателю рубашек вдруг захочется чем-то запить свою трапезу, и он примет Гая за банку «Теннентса» и попробует его вскрыть, то Гай вряд ли сможет ему помешать. Если он что-то и сможет сделать, то лишь умереть с патетическим хрипом. С такой гориллой ему не справиться.

Почему-то они все снимают с себя одежду. Примерно неделю назад Гай видел в окне другого полуголого малахольного почти таких же громадных размеров. Он вообще любил смотреть в окно. Можно увидеть много чего интересного: драки, аварии, ограбления и разбой. Полуголый придурок привередливо перебирал содержимое мусорных урн и складировал отобранный хлам в салоне соседской машины; потом он и сам забрался в машину и мирно уселся посреди своей пинакотеки.

Обычно все происходит так: смотришь в окно – звонишь в полицию. Работать солиситором и обращаться за помощью к стражам порядка – это, наверное, несколько странно. Это вообще неестественно. А конкретно в тот раз Гай вызывал полицию с особенной неохотой. Потому что искренне ненавидел соседей вообще и владельца машины в частности.

То ли из-за работы, то ли из-за того, что Гай жил в Брикстоне, он стал замечать, что ему катастрофически недостает теплых, светлых эмоций. Он смотрел на соседей, и его раздражало, как они ходят. Он ненавидел Брикстон, он ненавидел соседей, он ненавидел своих клиентов и, если по правде, себя самого он тоже не слишком любил.

И хотя ему очень хотелось, чтобы тот малахольный как можно больше нагадил в машине соседа – чтобы ущерб исчислялся хотя бы трехзначной цифрой, – он все-таки позвонил в полицию, потому что рядом стояла машина той симпатичной медсестры. Сегодня она работала во вторую смену, но лучше перестраховаться. С этими психами никогда не знаешь, что стукнет им в голову. Если этот мусорный эстет решит расширить свою экспозицию с привлечением соседней машины, Гай не сможет ему помешать. В смысле, своими силами. Тем более что обычно полиция приезжает не раньше, чем через полчаса (до ближайшего участка отсюда десять минут пешком), так что имеет смысл вызывать их заранее.

На вызов приехали двое: щупленький парень (пять футов семь дюймов с натяжкой) и худосочная девица (пять футов шесть дюймов), плоская, как доска. Гай прикинул, что если они объединят усилия, то у них, может быть, получится выкрутить этому психу руку. Да и то не факт. Выбора у них не было, и они попытались его урезонить. Пока они дружелюбно его уговаривали, Гай успел выпить чаю и позвонить еще в одно место. Однако мусорный эстет не желал выходить из машины. Вместо этого он принялся раздеваться. Гай видел, как парень вызвал по рации подкрепление. Четверо дюжих полицейских извлекли нарушителя из машины, а первоначальная пара «блустителей» собрала разбросанную одежду.

В автобусе, на одну остановку ближе к пекхэмскому полицейскому участку, Гай наблюдал за тем, как какой-то в ломину пьяный мужик пытается купить билет; Гай еще не опаздывал, но пьяный минуты четыре рылся в карманах в поисках денег, задерживая всех остальных пассажиров, и в конце концов парень, который стоял в очереди за ним, вызвался заплатить за него.

Гай даже не сомневался, что этого алкаша небеса ниспослали конкретно ему, дабы поездка в Пекхэм стала совсем уже гадостной, но пьяный решил привязаться к женщине-негритянке, которая сидела впереди. Он наклонился к

ней с доверительным видом, свойственным многим пьяным (хотя при этом они орут во весь голос), и щедро обдал ее перегаром. Женщина сразу застыла, пытаясь прибегнуть к защитной технике «меня тут нет, и тебя тут нет, и я в упор тебя не вижу», но пьяный не понял намека. У Гая было стойкое подозрение, что и в трезвом-то виде этот мужик был не самым приятным из собеседников.

– Но я вовсе НЕ СОБИРАЮСЬ тебя загружать СВОИМИ ПРОБЛЕМАМИ, – провозгласил пьяный с чувством и выражением, которым мог бы гордиться даже телеведущий.

Гай запустил руку в карман пальто и проверил, на месте ли нож. Разумеется, он знал закон о хранении и ношении наступательного оружия и тем не менее начал носить с собой выкидной нож. И вовсе не для того, чтобы отбиваться от грабителей. Если кому-то понадобятся его деньги – пусть забирают. Он не собирается рисковать здоровьем ради нескольких фунтов. Нет. Его беспокоило, что кто-то из местных психов может принять его за ходячую банку с пивом.

Двадцать минут – это самое длинное время, которое было у Гая, когда он прошел по улице у себя в районе и не встретил ни одного психопата. (Как раз столько, чтобы дойти до метро, где психов существенно меньше, хотя обязательный минимум – один на станцию – неизменно присутствует.)

Самое короткое время – тридцать секунд. Однажды утром Гай вышел купить газету. Он как раз приступил к самой тягостной части – а именно, он расплачивался с киоскером, – и тут кто-то толкнул его в спину. Толкнул вполне определенно и грубо, то есть явно нарочно. Гай обернулся и увидел тощего черномазого подростка в футболке с обрезанными рукавами и арабским платком на голове.

– Надо быть осторожнее, – сказал он Гаю.

Гай еще толком и не проснулся, но он уже понял, что сейчас-то все и случится. Он видел, что все собравшиеся у киоска смотрят на них с настойчивым интересом в предвкушении кровопролития. Его изобьет представитель этнического и культурного меньшинства. Замечательно.

Пару минут они вяло пихали друг друга. Гай честно пытался вогнать себя в состояние кипучей ярости. А потом этот парень в арабском платке отошел, не сказав ни слова, перешел на ту сторону улицы и вошел в овощную лавку – должно быть, в поисках кого бы еще попихать. Минуты четыре спустя, когда Гай проснулся уже окончательно, как следует взбеленился и был готов к бою, он ворвался в овощную лавку, но черномазый «араб» исчез. После этого случая он решил никогда не выходить на улицу безоружным. Если ему придется пустить нож в дело, он скажет, что нашел эту штуку на улице и как раз собирался отнести ее в бюро находок, как вдруг... Гай не видел причины, почему роль единственного честного человека во всем Соединенном Королевстве должна доставаться ему.

Когда Гай выходил из автобуса, в него плюнул какой-то старик-негритос. Комок слюны пролетел буквально в паре дюймов от Гаевой груди. Потом старик улыбнулся Гаю. Если бы плевок попал по назначению, Гаю пришлось бы что-нибудь предпринимать, а раз все обошлось, то не стоит и напрягаться. Если останавливаться всякий раз, когда тебя оскорбляют или в тебя плюются, то ты никогда не дойдешь до места, куда тебе надо попасть.

Гай вошел в приемную полицейского отделения. Подождал, пока дежурный констебль соблаговолит обратить на него внимание. На улицах, в суде, в газетах стражи порядка ведут себя очень любезно и вежливо, но тут была их территория.

- Помощник солиситора, - коротко представился Гай, когда дежурный решил, что он уже достаточно «промариновал» очередного посетителя. - По делу Скотта.

С большинством их клиентов все было ясно. Как правило, все укладывалось в известную схему: украл - выпил - сел. Но нужно, чтобы между выпил и сел прошло хотя бы несколько месяцев. Тогда еще имеет смысл воровать. Гая давно подмывало спросить у Скоттов, зачем они это делают, если их все равно каждый раз ловят на месте. Это были уже постоянные их клиенты. Они знали Гая по имени и даже стали просить, чтобы им назначали именно его.

И что самое примечательное, сколько раз Скотты уже попадались - а они попадались всегда, - но при этом они каждый раз заявляли, что ничего такого они не делали. Наверное, Гай еще и поэтому не задавал им свой сакраментальный вопрос, зачем им вообще это надо.

В наше печальное время, когда семейные узы либо с легкостью рвутся, либо не существуют вообще, папа и сын Скотты являли собой трогательный пример редкого единодушия отцов и детей. Скотт-старший и Скотт-младший были вообще личностями нетривиальными. Уличное ограбление - это занятие, которое требует определенной физической подготовки. Обычно к нему тяготеют неудавшиеся спортсмены, которым не удалось проявить себя в большом спорте, но которые рады возможности применить свою подготовку на практике.

Скотт-младший совершенно не подходил для этой работы. Он был таким толстым, что - натурально - подрагивал и колыхался при каждом шаге, как ходячая водяная кровать (он слишком поздно родился, а то бы точно блистал в каком-нибудь шоу уродов). Было никак невозможно представить такую тушу в роли проворного уличного грабителя. И вот тут в дело вступал папаша - в роли шофера.

Впервые Гай познакомился с папой и сыном Скоттами именно здесь, в пекхэмском полицейском участке, после одной из их первых (если вообще не самой первой) грабительских вылазок. Никаких обвинений не выдвигали, потому что Скотт-младший попытался выхватить сумку у дамы, которая оказалась его бывшей учительницей-физручкой (очевидно, он не узнал ее со спины, иначе он бы наверняка вспомнил ее занятия по дзюдо). Однако физручка его узнала, и мало того, что обложила его по матушке и не выпустила сумку из рук, она еще швырнула своего бывшего ученика на асфальт и со словами: «Это не школа, сынок», - принялась методично, со знанием дела избивать его ногами. Папа Скотт полез заступаться за отпрыска, в результате чего лег на асфальт рядом с ним.

Скоттов спасла полиция. Скотт-старший выдал такую версию: какая-то бесноватая баба ни с того ни с сего набросилась на них с сыном, - и был страшно зол, когда больше десятка свидетелей подтвердило, что Скотт-младший пытался вырвать у нее сумку. Приняв во внимание их плачевное состояние - оба были слегка контужены, - а также ничтожный характер кражи, тем более неудавшейся, на первый раз их отпустили с предупреждением.

Только в одном отношении папа и сын Скотты подходили под традиционный образ уличных грабителей - своей поразительной тупизной. Вырвать сумку у слабой женщины - такого рода преступная деятельность не предполагает ни тонких расчетов, ни воображения. Но даже такое незамысловатое действие требует некоторого мастерства, хотя бы в том, чтобы выбрать правильную жертву в благоприятных условиях: миниатюрную хрупкую женщину, которая не владеет приемами боевых искусств и не носит с собой оружия - на плохо освещенных пустынных стоянках, в глухих переулках и в переходах метро, когда поблизости никого нет. Само же техническое исполнение поражает своей простотой: преступник хватается сумку и резко толкает жертву, так чтобы она упала (хотя есть приверженцы обратного метода: сначала швыряют жертву на

землю, а потом вырывают сумку). Если ни в чем другом, то хотя бы в том, чтобы нормально толкаться, Скотт-младший мог бы добиться некоторых успехов.

Потом был случай на Балхэм-стрит. В плане отобрать сумку Скотт-младший сработал чисто – ограбленная дама осталась стоять, разинув рот, – и рванулся к машине, насколько слово «рванулся» вообще уместно по отношению к этой желеобразной туше. Скотты благополучно уехали с места преступления, завернули за угол и нарвались на дорожный патруль (обычная проверка – плановый рейд за безопасность уличного движения; проходит два раза в год). Техосмотр не пройден. Страховки нет. Прав тоже нет. Тормозные огни не горят. Протекторы на покрышках стерты. Может, они бы и отбоярились, если бы не Скотт-младший, который сидел на переднем сиденье и внимательно изучал пудреницу, извлеченную из явно женской сумочки крокодиловой кожи.

Гай терпеливо выслушал заверения Скоттов, что сумочку им в машину зашвырнул некий таинственный незнакомец, после чего убежал сломя голову в неизвестном направлении. И они как раз ехали в полицейский участок, чтобы ее – сумочку – сдать. Папа с сыном изобразили искреннее изумление, когда пострадавшая женщина описала своего обидчика, который был поразительно похож на Скотта-младшего, вплоть до футболки с надписью: «Высеки меня плеткой и спусти мне на сиськи».

Скоттов выпустили под залог, но они не успокоились. На этот раз они даже благополучно уехали с места преступления, но по дороге машина сломалась. Они вернулись домой на автобусе, и там их уже ждали. В полиции сразу вычислили преступников по описанию жертвы («безработный борец сумо»). Скотты: злобная клевета. Присяжные: виновны. Судья: два года условно. Мораль: покупайте качественные колеса.

Конечно, можно рискнуть и по-крупному, подумал Гай, вспомнив Палмера, который пытался ограбить антикварный магазин (каковая попытка была успешно пресечена отрядом спецназа, предположительно – по наводке, хотя и маловероятно, поскольку Палмер сам никогда не знает, что ему стукнет в голову через пятнадцать минут). На место преступления Палмер приехал в ярко-красном «феррари», полчаса назад угнанном его другом, который и был за рулем.

По словам Палмера, он пришел в гости к приятелю, который вызвался подвезти его в гости к другому приятелю. Потом, уже по пути, когда Палмер узнал, что машина угнанная, он сразу потребовал, чтобы его высадили. То, что приятель остановил машину как раз напротив антикварной лавки, было чистой случайностью. Палмер – очень рассерженный на своего друга, который сделал его соучастником преступления, – высказал ему все, что думает. Они поругались, и Пармер сгоряча запустил в него кирпичом (который, опять же совершенно случайно, попался ему под руку). В приятеля он не попал, но зато – совершенно случайно – попал в витрину антикварной лавки. Палмер как раз рассматривал товары в витрине на предмет нанесенного им ущерба, когда на него налетели спецназовцы с автоматами.

Есть клиенты, к которым испытываешь симпатию. Нормальные в принципе ребята, с которыми можно поговорить и поржать. Тем более что они и сами понимают, что изрядно лопухнулись. Но Палмер был не из тех, с кем себе можно позволить подобное панибратство. Он был из тех, кто отгрызет тебе ухо, если только почувствует хотя бы слабый намек на неуважение к своей персоне, независимо от того, насколько сильна твоя юридическая подготовка. Палмер не понимал, что такое хорошая хохма: он был абсолютно серьезен, когда излагал весь этот бред.

Гай попросил прощения, вышел из комнаты для допросов, просмеялся до слез, взял себя в руки, изобразил серьезную рожу и вернулся к Палмеру, чтобы

продолжить инструкции при задержании.

К несчастью, Палмер тоже был в числе постоянных клиентов, хотя никто не хотел заниматься его делами. У большинства клиентов были свои территории, свои предпочтения, свой «почерк». Но не у Палмера. Палмер хватался за все: незаконные операции с наличностью, поджоги, подделка документов, кражи со взломом, совращение несовершеннолетних. Специалист широкого профиля. Когда Гай работал с такими, как Палмер, он часто задумывался, что ему – как человеку честному и щепетильному – надо бы что-то такое сделать, чтобы саботировать собственную защиту. Впрочем, в деле об антикварной лавке все было предельно ясно. Надеяться Палмеру не на что. Ему светил срок, тем более если он потребует суда. Хотя и среди судей попадаются идиоты, которые могут дать ему срок условно.

Предсказать Палмеру будущее не составляло вообще никакого труда. Как говорится, к гадалке ходить не надо. Прямая дорога в казенный дом. А в перерывах между краткосрочными отсидками он будет по-прежнему отравлять людям жизнь, пока не совершит какое-нибудь серьезное преступление типа убийства или изнасилования – и тогда уже даже самый непробиваемый идиот-судья отправит его за решетку на срок, достаточный, чтобы заочно окончить Открытый университет.

А пока суд да дело, никто не знает, скольким людям еще предстоит пострадать от Палмера.

Наконец, Гая заметили и пропустили. Он переговорил с чиновником, пребывавшим в приподнятом настроении, в каком всегда пребывают в полиции, если с ближайшие два-три часа кому-то из злоумышленников должны вынести обвинительный приговор, поскольку его вина настолько очевидна, что даже все адвокатское сословие, собравшись скопом, не сможет его отмазать.

Скотты определенно делали успехи: разжились сумкой, благополучно от сумки избавились и без приключений вернулись домой. Результативность явно повысилась, но им по-прежнему не везло – их блестящая операция была записана на цветную видеокамеру новой охранной системы с высоким разрешением изображения, и офицер, проводивший дознание, сразу узнал Скоттов.

Скоттов в полиции очень любили. Больше всего полицейские любят преступников, которые облегчают им работу. Офицер, с которым беседовал Гай, был весьма словоохотлив. Он рассказал, что Скотты выкинули сумку еще на улице, но у них на диване нашли талоны на завтрак на имя пострадавшей, а в банке с кофе (тут офицер довольно хихикнул) – ее кредитную карточку.

Гай посоветовал Скоттам выбрать тактику «без комментариев». Так безопаснее всего, и тем более – с тупыми клиентами, каждое слово которых создает лишние сложности для адвоката. Тем более что при такой позиции к тебе лишний раз не придерутся. Такая тактика не всегда лучшая, но она всегда верная. Если возникнет необходимость, переговорить можно и потом. А Скоттам лучше не «выступать» в свете имеющихся у суда улик; видеозапись с их рожами, содержимое сумки у Скоттов дома и живо описанная пострадавшей футболка Скотта-младшего с надписью: «Убивай всех подряд – Бог узнает своих».

И все же Скотты вцепились в свою невиновность, как питбуль – в ногу любимой жертвы; кто-то где-то когда-то посоветовал им никогда не «колоться», и этот девиз застрял в их недалеких мозгах, как пук волос в сливе ванны, который не дает выливаться воде, а в случае со Скоттами, наоборот, не дает проникать им в башку благоразумным мыслям.

У Гая была своя классификация человеческой тупости. Существует три

основных вида глупости. Есть робкие нервные тугодумы, которые до сих пор не отошли от потрясения после школы и шугаются людей из страха, что их попросят что-нибудь подсчитать или перечислить столицы всех государств Южной Америки. Такие люди совершают преступления исключительно по случайности или недоразумению, поскольку знают, что у них все равно ничего не получится. Потом идет категория более практичных придурков, которые знают свои пределы и действуют, не выбиваясь за рамки своих скромных возможностей. И наконец, последняя категория – к которой относились и Скотты, – это уже полные недоумки. Слишком глупые для того, чтобы осознавать свою глупость, они живут в перманентном недоумении, почему все остальные такие тупые.

Беседа со Скоттами прошла в приятной дружественной обстановке, которую омрачала лишь полная неспособность Скоттов понять, почему им не стоит рассчитывать на освобождение под залог.

Скоттов разместили в камере предварительного заключения с беспрецедентными удобствами. Гай неторопливо спустился вниз по холму. Ему надо было убить время перед встречей с клиентом в Брикстонской тюрьме. Он зашел в магазин и купил сигарет для Бодо. Скотты были сильно разочарованы, что у Гая не оказалось сигарет, когда они попросили у него закурить. Обычно он всегда носил с собой полпачки «Бенсон-энд-Хейджз», но сегодня он был даже доволен, что у него их не было.

Чуть дальше, почти у самого подножия холма, ему повстречался очередной пьяный (вариант безработного ирландца-чернорабочего). Этот был пьян основательно, так что его аж шатало. Он держал в руках банку виски «синий ярлык» и пафосно провозглашал на всю улицу:

– ...а потом... потом тебе скажут, что ты надрался...

В тюрьме все были расслаблены и радушны. Обычно так и бывает, если на предыдущей неделе никто не сбежал. Гай уселся в комнате для допросов и стал ждать Бодо (в настоящее время – своего любимого клиента). Проблема Бодо: самое непосредственное отношение к 70 кг марихуаны.

Бодо приехал в Лондон из Аугсбурга играть на гитаре. Денег у него не было, и однажды вечером он познакомился в пабе с одним чуваком (нет, он действительно познакомился с ним в пабе). Они разговорились, и чувак предложил Бодо три сотни фунтов за то, чтобы он доставил «товар» из одного места в другое. Кстати, это была одна из причин, почему Гаю нравился Бодо: такую ошибку мог совершить каждый. Бодо, разумеется, сразу понял, о чем идет речь, но подумал: один заход, три сотни фунтов. Гай ему симпатизировал; однажды он сам оказался в похожей ситуации, когда Гарет уговорил его проверить в частном порядке одну юридическую операцию для его фирмы. Он сам мог встречаться с тем чуваком в Льюишэме, который подрядил Бодо.

Приехав на встречу в назначенный час, Бодо нашел там нервного и раздражительного водителя с фургончиком, который хотел избавиться от тюков с «товаром» как можно быстрее. Бодо был искренне поражен, когда обнаружил, что передача «товара» происходит на людной улице на глазах у прохожих, а именно – на стоянке перед «Макдоналдсом», и что пакеты с травой не были даже замаскированы, а просто завернуты в газету. Бодо очень тревожился за такую небрежную упаковку, тем более что все тюки не поместились в багажник, и все, что не влезло в багажник, пришлось составить на пассажирском сиденье.

Дрожа от страха, Бодо поехал по адресу, который дал ему парень из паба (разумеется, в устной форме). Его также предупредили, что за ним следом поедет еще одна машина. Бодо видел, как красный «лотус», который держался

сзади на дистанции двадцать футов, просвистел мимо, когда Бодо остановила полиция. Он проехал на красный свет. («Я даже не видел этого светофора, я смотрел карту».)

Вид Бодо, который весь трясся и обливался холодным потом, а также машина, набитая гигантскими свертками с марихуаной, возбудили подозрения полицейских:

- А что у вас в этих пакетах, позвольте спросить?

- Приговор сроком на несколько лет, - честно ответил Бодо, чем покориł суровые сердца стражей порядка.

С Бодо все было печально. Он сознался во всем, но это была не та ситуация, когда чистосердечное признание смягчает приговор. Один килограмм - еще можно сказать, что ты его вырастил для себя или что это вообще не твое, что ты подвозил одного чувака, и он забыл эту штуку у тебя в машине. Но семьдесят кгэз - это уже полные вилы. Можно сразу идти покупать красочный календарь на пять лет.

Все действительно было печально. Положение у Бодо было самым что ни на есть невыгодным. Высшее университетское образование. Родители не разведены. В детстве его не били (документальных свидетельств обратного нет). Сексуальным домогательствам не подвергался (документальных свидетельств обратного нет). Алкоголем или наркотиками не злоупотреблял (документальных свидетельств обратного нет). Внебрачных детей нет. Судимостей нет. К административной ответственности не привлекался. Не состоял. Не участвовал. Безупречный английский. Хорошие профессиональные навыки в своей области. Никаких смягчающих обстоятельств. Бодо предстояло ответить по всей строгости закона.

Вошел Бодо в своей футболке «За полную легализацию травки».

- Wie geht's? - спросил Гай, никогда не упускавший случая попрактиковаться в немецком для того, чтобы почувствовать себя европейцем и чтобы та ночь с симпатичной немкой в молодежной гостинице в Ренне не прошла даром.

Бодо очень старался держаться - вроде как будущий приговор был ему по барабану, - и у него кое-что получалось. Он начинал привыкать к тому, что его ждет, хотя и тут были свои проблемы. Он хотел попытаться устроить так, чтобы его выпустили под залог, но за него могли поручиться только его родители, а он не хотел их расстраивать, так что они до сих пор пребывали в блаженном неведении. А под залог он хотел выйти по одной-единственной причине: чтобы в последний раз переспать со своей девушкой. Он был очень неглупым мальчиком и не обольщался, что она будет ждать его из тюрьмы, пока он выйдет повзрослевшим и поумневшим.

Они обсудили возможность освобождения под залог и другие вопросы. Но обсуждать было, в сущности, нечего. Гаю хотелось хоть что-нибудь сделать для Бодо, хотя бы немного его взбодрить; в Брикстоне Бодо будет явно не до веселья. Он там свихнется от скуки. Virtuозный гитарист, дипломированный специалист-астрофизик, который говорил и писал по-английски лучше всех, с кем ему придется общаться в тюрьме (включая начальника).

Бодо много думал о будущем.

- Я вернусь в Аугсбург. Буду учить ребятишек играть на гитаре. Никаких больше больших городов. Никаких приключений. Меня будут знать, как «этого скучного мистера Беккера», и никто не поверит, что я когда-то дурил в Лондоне. - Он жадно затыкнулся, как это делают все заключенные. - Знаете, когда меня выпустят, может быть, к тому времени травку легализуют. Может,

я даже приму участие в какой-нибудь кампании за ускорение легализации.

Они встали из-за стола и стали ждать надзирателя, который должен был увести Бодо.

- Вчера ночью я смотрел на Луну, - сказал Бодо. - Ее хорошо видно из окна моей камеры. Я смотрел на Луну и думал, что когда-нибудь там будут жить люди, и там будут тюрьмы, потому что мерзавцы найдутся и на Луне. Там, где есть люди, таи обязательно есть мерзавцы. Всегда. Вы осторожнее, Гай. Никогда не знаешь, когда сам превратишься в мерзавца. Почаще смотрите в зеркало.

Гай приехал домой и решил принять ванну. Он запер дверь на оба замка и положил на сиденье унитаза свой самый длинный кухонный нож (с замечательным зазубренным лезвием). Вряд ли кто-нибудь станет к нему ломиться - и даже наверняка не станет, - но в наше время ни в чем нельзя быть уверенным.

Он скучал без полиции.

Полицейские объявились в ту ночь, когда Гай позвонил в участок с жалобой на соседа. По поводу шума. К четырем утра Гай обнаружил, что это жутко раздражает - когда за стенкой грохочет музыка в стиле сальса. Вообще-то он любил музыку, большинство музыкальных стилей, и он не имел ничего против, чтобы люди развлекались, но сальса в четыре утра - это уже перебор. Полицейские добились того же, чего и сам Гай, то есть вообще ничего не добились. Либо сосед изначально решил никому не открывать, либо он просто не слушал звонков и стука из-за грохота музыки.

Полицейские искренне посочувствовали Гаю, который решил, что как только они уедут, он спустится вниз и проткнет все четыре шины на автомобиле соседа. В плане ответной любезности за бессонную ночь. Офицер выглянул из окна в гостиную.

- У вас тут хороший вид.

Вот так получилось, что в гостиной у Гаю почти постоянно дежурил кто-нибудь из полиции. Они вели наблюдение. Вообще-то Гай не особенно рвался исполнить свой гражданский долг, но ему обещали энную сумму за причиненные неудобства.

Объектом их наблюдения была парикмахерская во дворе. Кстати, Гаю это заведение тоже казалось весьма подозрительным. Парикмахерская была закрыта почти всегда, что считается не особенно прибыльным для подобного рода бизнеса, причем жалюзи были задвинуты наглухо. Но даже когда она как бы вроде работала, Гай ни разу не видел, чтобы там кто-то стригся. И тем не менее на пяточке перед входом постоянно стояли до неприличия дорогие машины.

- Наркотики? - полюбопытствовал Гай.

- Наркотики нас уже не волнуют, - отозвался заместитель комиссара. - Эти торгуют оружием.

Через неделю полиция съехала из квартиры Гаю, весьма недовольная. Недовольная, рассудил Гай, потому что им не удалось высмотреть ничего, что можно было бы квалифицировать как преступную деятельность, и еще потому, что пока они проводили какую-то важную операцию в «Белой лошади», квартиру Гаю обокрали. Стибрили все казенное полицейское оборудование. Лично Гай не потерял ничего. Воры не позарились на его телевизор с видеомонитором, так что он даже слегка оскорбился. Техника была старая, но работала исправно.

Самое неприятное – грабители вышибли дверь. Гай потратил немало времени и денег, чтобы врезать дополнительные замки. Замки устояли, но сама дверь разлетелась в щепки, годные разве что на зубочистки.

Однако в целом кампания Гаю понравилась. Интересно было послушать рассказы о всяких мерзостях и беззакониях.

Он посмотрел на себя в зеркало и остался доволен. Он собирался в Хэмпстед, где, как он очень надеялся, можно будет отвлечься от повседневной рутины.

По дороге к метро Гай наблюдал такую картину: очередной пьяный товарищ (вариант армейского дембеля) водрузил пустую банку из-под «Теннентса» на перила у входа в контору ламбертского жилищного фонда, достал из штанов свой агрегат и принялся поливать стену здания тугой жаркой струей, в то время как его подруга – тоже, должно быть, изрядно поддавшая, – с обожанием смотрела на своего героя. Гай смертельно устал от придурков, которые распределяют повсюду мусор и совершают естественные отправления в местах, для этого явно не предназначенных, однако сама идея обоссать ламбертский жилищный фонд пришлась ему по душе.

На входе в метро Гай прорвался сквозь кордон бесноватых проповедников (в основном христианского толка, оснащенных портативными мегафонами, чтобы перекричать конкурирующих мусульманских миссионеров, которых было существенно меньше, но которые набирали силу) и политических агитаторов (в основном коммунистов). Станция Брикстон была вся как будто пропитана духом стремления к светлому будущему; здесь толпился народ, который желал изменить твою жизнь – как правило, шумно и громогласно, – за твои деньги, и народ, который желал изменить свою жизнь... за твои деньги.

В углу главного вестибюля кучковались пьяницы и бомжи. Они громко залиvistо ржали, давясь от смеха. Должно быть, слышали что-то смешное. Король местных нищих общался с придворными.

Насколько было известно Гаю, на протяжении последних пяти лет король приходил в метро, как на работу, каждый день с девяти до пяти (таким замечательным графиком не мог бы похвастать ни один из работников станции Брикстон лондонского метрополитена). И люди, которые лицезрели его каждый день на протяжении пяти лет, по-прежнему ему подавали – может быть, из-за его неприкрытой наглости. Говорят же, что наглость – второе счастье.

На самом деле бедный-несчастный король местных бомжей был не таким уж несчастным и отнюдь не бездомным. Он жил в муниципальной квартире в двух шагах от метро, в новом доме, который построили после известных событий 80-го года. У него было несколько комплектов одежды, вполне опрятной и даже щегольской, и похоже, ему просто нравилось «работать» в метро. А почему нет? На станции было тепло и сухо, тут же, на месте, можно было купить горячие и прохладительные напитки и забежать перекусить в кафешку, там был газетный киоск, фотобудка, чтобы сфотографироваться, и музыкальный магазинчик, где всегда играла веселая ненапряжная музыка.

Король считал себя человеком умным и вел себя соответственно. Он не клянчил «кому сколько не жалко». Он кричал в полный голос: «Люди! Люди! Куда вы идете?» – с намеком на то, что он пытается их поднять на более высокий уровень бытия.

Когда Гай прошел турникеты, он едва не налетел на черномазого парня в темных очках и с наушниками в ушах, который методично шагал вверх по первым ступеням эскалатора, идущего вниз (то есть, в итоге, на месте), держа в руке банку с напитком. Гай пару секунд подождал: может быть, парень сойдет с эскалатора или в конце концов сообразит, что здесь вообще-

то спускаются вниз. Но парень продолжал радостно вышагивать по опускающимся ступеням, как будто он был не в общественном месте, а у себя дома, в домашнем тренажерном зале – ложное восприятие действительности, обусловленное прогрессирующим слабоумием, или, может быть, просто желание побесить людей, которым нужно спуститься вниз, на платформу. Из общей вредности организма.

Гаю было плевать, какой дефект мозга отвечает за подобное антисоциальное поведение. Хотя с этим парнем все было понятно. Если ты живешь в Брикстоне, ты развиваешь в себе способность безошибочно различать доставучих оригиналов и клинических психов, опасных для общества. В данном случае показателем была банка с напитком. Оранжед. Все знают, что настоящие буйные психи, склонные наносить окружающим ТТП (тяжкие телесные повреждения, если вдруг кто не знает), пьют исключительно «Теннетс». Тем более что парень был мелковат. Гай оттолкнул его, даже не извинившись.

Мимо Гая гордо проехал какой-то взлохмаченный австралиец – на перилах соседнего эскалатора, который шел вверх.

Поезд ушел из-под носа. Дождаясь следующего, Гай прислушался к своим ощущениям. Он был зол и исполнен решимости. Его злило, что он уже несколько месяцев только и думает, что о Викки, какая она привлекательная и вообще, – но несмотря на настойчивые ухаживания, он по-прежнему ничего не добился.

У него в голове не укладывалось, как она могла встречаться с таким ничтожеством, как этот Люк. И хотя Гай по праву гордился своими достоинствами и считал себя неплохим любовником и вообще видным мужчиной, будучи человеком неглупым, он понимал, что есть мужчины сильнее, богаче, нежнее его. Мужчины, которые устроились в жизни лучше. Ему, разумеется, не понравилось бы, если бы Викки закрутила роман с кем-то из них, но это хотя бы можно было бы понять. Ему не раз хотелось сказать ей: «Ну ладно, я тебе неинтересен, пусть, но позволь я хотя бы тебя познакомлю с кем-нибудь, кто тебя достоин».

Гай был терпеливым. Он был готов ждать. Два-три отказа не заставят его отступить. Он был готов быть с ней рядом безо всяких физических поползновений – просто быть рядом и быть ей нужным. Формально вежливые разговоры не охладят его пыл.

А потом Люк уехал в свой родной Ипсвич – вроде как на выходные – и не вернулся. Но зато прислал Викки кусок свадебного торта в яркой коробке с цветочками вместе с приглашением на свою свадьбу со старой школьной любовью (каковую Викки считала давно забытой и переведенной в низшую лигу бывших подруг, общение с которыми ограничивается открыткой на Рождество). На приглашении была приписка: «Наверное, нам лучше какое-то время не видеться».

Гая «убила» жестокость Люка. Или его чувство юмора. И то, и другое вместе – это был бы уже перебор. Люк, инженер по звуку, относился ко всякому звуку с таким безграничным уважением, что сам большей частью молчал. А если он все-таки раскрывал рот, то ничего умного не говорил, лишний раз подтверждая, что молчание не есть признак мудрости. Гай вновь и вновь рылся в памяти, находя новые подтверждения своим впечатлениям о Люке, как о человеке донельзя нужном и совершенно непримечательном. Он мог поднимать всякие тяжести весом до одиннадцати стоунов [8 – 70 кг – Примеч. пер.], и это была его единственная отличительная особенность. Хотя самое яркое воспоминание о Люке – которое Гай не мог помнить, но зато хорошо себе представлял, – это как Люк лыбится и похрюкивает, хватая Викки за задницу.

Викки узнала, что ее кинули матримониально, в понедельник. В среду об этом

узнал и Гай. Похвалив себя за усердие и старание, равно как и за оперативность своей разведки, он тут же позвонил Викки, готовый сочувствовать и утешать.

И каково же было его удивление, когда обнаружилось, что Викки не рвет на себе волосы в безутешном горе, а собирается переезжать в Хэмпстед, где будет следить за квартирой в отсутствие хозяев – шикарные пятикомнатные апартаменты (сауна, джакузи, маленький тренажерный зал, спутниковое телевидение), – и что у нее есть какой-то шеф-повар из корейского ресторана, с которым они гуляют по городу и о котором она рассказывала в выражениях, употребляющихся обычно, когда женщина рассказывает о мужчине, которому очень скоро будет позволено хватать ее за задницу.

Голос у Викки был радостный и веселый и стал замкнуто-мрачным только тогда, когда Гай предложил повидаться. Она выдала тысячу причин, почему она сейчас не может с ним встретиться, и только сегодня, неделю спустя, у нее нашлось время на Гая. Викки собиралась пойти посидеть в пабе с двумя какими-то подругами из Голландии и любезно разрешила Гаю к ним присоединиться. Гаю понравилась эта идея, хотя его беспокоило то обстоятельство, что он, похоже, влюблялся в Викки.

Гай нашел всех трех в пабе и отметил, что Викки поздоровалась с ним с полным отсутствием интереса, каковое обычно является верным признаком полного отсутствия интереса. Две голландские подруги тоже не слишком ему обрадовались. Они вообще не обращали на него внимания. Не больше, чем на остальных посетителей паба. Женщины, настроенные на небольшое любовное приключение в отпуске, обычно изображают восторженное восхищение и ловят каждое твое слово, даже если ты несешь полный бред.

Наблюдая за Викки, Гай пришел к выводу, что его пригласили сюда «до кучи». Ей нужно было сводить голландских подруг в типично английский паб, и она решила сразу убить двух зайцев и одного не востребовавшего актера. Отстреляться за один вечер.

Гай купил всем по пиву в надежде, что дамы оценят его щедрость – просто на всякий случай, – и они уселись за большой круглый стол, за которым уже сидел пожилой выпивоха (вариант старого холостяка, бывшего коммивояжера на покое). Он сидел с безмятежно отсутствующим видом, с перманентно неубывающей полпинтой пива в пинтовой кружке, с самокруткой, на которой каким-то чудом держался столбик пепла длиной почти во всю сигарету, с невымытыми волосами застарелого алкоголика и самодовольной улыбкой, которая говорила о том, что он-то знает, что есть что.

Разговор шел почти без участия Гая, который, кстати, сидел ближе всех к пьянице. По прошествии двух-трех минут пожилой выпивоха спросил у Гая, нет ли у него, случайно, носового платка, при этом он произносил все слова нарочито четко, как это делают пьяные люди, когда хотят показать, что они не так уж и пьяны. Гай ответил, что нет, потому что платка действительно не было. Тогда пьяница вклинился в разговор девушек и спросил про платок у них. У них тоже не оказалось платка. Или они просто не захотели делиться с ближним.

Через пару секунд пьяница снова спросил у Гая насчет носового платка, на этот раз – более настойчиво и таким голосом, как будто он обвинял Гая в том, что тот злобно «зажал» платок. Гай ответил с нажимом – очень надеясь, что его твердый ответ все же пробьется сквозь пары алкоголя в мозгах у пьянчуги, – что носового платка у него нет. Больше всего его раздражало, что если этому дядьке так уж приспичило вытереть нос, он мог бы сделать три шага до барной стойки или до туалета, где было полно туалетной бумаги. Но он, похоже, решил доколебывать ближних, пока ему не дадут платок.

Теперь голландские подружки обсуждали с Викки (что, на скромный взгляд Гая, было бестактно с их стороны), с кем из актеров они бы «чего-нибудь поимели». Актеры, которых они называли, были ничуть не талантливее Гая, но у них были существенные преимущества в виде широкой известности и богатства. Интересно было бы посмотреть, как бы эти девицы отнеслись к тем же актерам, не будь у них славы и денег. Скорее всего они бы их и не заметили, как сейчас не замечали Гая. Это перечисление сексуальных предпочтений его угнетало, поскольку не сулило ему ничего хорошего, ибо девушки явно не воспринимали его как мужчину – такое печальное музыкальное сопровождение к провальному вечеру, – и он видел, что они смотрят мимо него с лицами, бледными, как у свидетелей дорожно-транспортного происшествия.

Он оглянулся через плечо. Причина, почему пожилой выпивоха так настойчиво спрашивал про платок, теперь была очевидна. Из его правой ноздри свисала сопля длиной около фута. Пьяница смачно высморкался, и сопля растянулась еще больше, так и оставшись болтаться под носом.

Если ты живешь в Брикстоне, подобное зрелище не вызывает у тебя вообще никаких эмоций, так что Гай даже не скривился. Да, для Хэмпстеда это несколько неожиданно (какой смысл платить за жилье миллионы, если в ближайшем баре сидит поддатый кретин, выставляющий на всеобщее обозрение свои слизистые выделения?), но в Брикстоне это обычное дело. В Брикстоне эта сопля полетела бы прямо в тебя. Пьяница с детской радостью наблюдал за тем, как сопля раскачивается из стороны в сторону, словно маятник.

– Вам противно смотреть? – спросил он, хихикнув.

Гай прислушался к своим ощущениям. Совсем уж противно ему не было, но раздражение росло. Он совсем не за этим ехал сюда через весь Лондон, и он вовсе не собирался показывать этому алкашу, что тот еще больше испортил ему настроение в этот во всех отношениях неудачный вечер. Он попытался не думать об этом придурке и оглядел паб (отнюдь не набитый битком), но свободных столиков не было.

Через пару минут, увидев, что девушки кривятся от отвращения, Гай опять оглянулся на пьяницу и увидел, что тот снимает с носа соплю – двумя пальцами – и отправляет ее на пол. Теперь ему стало намного легче, поскольку уже можно было не беспокоиться о том, куда она упадет, сопля. Однако, когда Гай тактически пылко высказывался в поддержку Виккиных рассуждений о преимуществах объединенной Европы, он снова заметил ужас в ее глазах. Проследив за ее взглядом, он поимел счастье лицезреть вторую по счету соплю, выползшую на свет божий из носа пьяного дядечки. За сим последовала очередная просьба насчет носового платка.

– Может, на улице посидим? – предложила Викки.

Они вышли на воздух и уселись за пластиковый столик. Был конец мая, но на улице было холодно. Не так холодно, чтобы нельзя было сидеть на улице, но все же достаточно холодно, чтобы сидеть на улице и получать от этого удовольствие. Гай никак не мог уразуметь, почему они должны сидеть на улице с риском замерзнуть и простудиться. На его скромный взгляд все это было как-то уж слишком типично по-английски: кто-то причиняет тебе неудобство, и ты делаешь все для того, чтобы ему было удобнее причинять тебе неудобство.

Все было не так. Мерзкие пьяницы существовали всегда, клинические идиоты всегда входили в перечень «приятностей», получаемых от поездок в городском транспорте, но когда Гай был подростком – он это помнил прекрасно, – оные пьяницы и идиоты являлись, скорее, исключением. Если ты видел такого на улице, ты приходил домой и рассказывал: «Я видел на улице мерзкого

пьяного» или «Сегодня в автобусе с нами ехал настоящий придурок». А сейчас ему было странно, если хотя бы половина пассажиров в автобусе или в вагоне метро вела себя цивилизованно. Хотя, может быть, ему стоит попробовать переехать из Брикстона.

Задумчивость Гая была грубо прервана появлением алкаша с хроническим насморком, который вывалился из дверей паба. Выход на «бис», догадался Гай.

– Надеюсь, вы... хорошо проводите время, – бросил он им на ходу таким тоном, что сразу же стало ясно, что он надеется как раз на обратное. Может быть, он уже собирался домой, потому что сделал еще пару шагов, но провокационное молчание со стороны Гая и девушек заставило его остановиться. Он встал в непосредственной близости от их столика (но все-таки в некотором отдалении, так чтобы кулак гарантированно не достал) и принялся незатейливо материться. Они пытались не обращать на него внимания, но это не охладило пыл алкаша, который продолжал крыть их по матушке в избитых, заезженных выражениях, свидетельствующих о полном отсутствии воображения, но зато с поразительной ненавистью.

И вот тут мы живем, подумал Гай. В умирающем городе. А как еще обозвать то место, где ты целыми днями только и делаешь, что пытаешься вежливо общаться со всякими идиотами при полном отсутствии всяких талантов, за исключением одного: прожигать деньги честных налогоплательщиков, отчисляемые на социальные нужды – покрытие судебных издержек и затраты на содержание заключенных в государственных тюрьмах? Пробиваться сквозь строй грязных нищих, потратить час на дорогу на другой конец города – и все для чего?! Чтобы выяснить, насколько ты неинтересен трем симпатичным девушкам, а потом еще сидеть на холоде и выслушивать, как тебя обкладывает матюгами какой-то поддатый дядя, чьи секреты больше уже ни для кого не секрет?!

На лице одной из голландских подруг отразилось искреннее сочувствие – типа как дяденьку можно понять, и ему нужна помощь. Гай не видел себя, но мог с уверенностью предположить, что отражается у него на лице: что дяденьку нужно долго пинать ногами, желательно – по голове и в идеале – до смерти. Он едва себя сдерживал, чтобы не воплотить в жизнь эту заманчивую идею. Проблема в том что сквернослов был старым, слабым и пьяным; Гай и вправду мог бы его убить. И это бесило больше всего: что пьяница был защищен его собственными понятиями о приличиях. Тем более что Гай в силу своей профессии изучил Уголовный кодекс и знал, что бывает за физическое насилие и человекоубийство, пусть даже и непредумышленное.

И потом, девушки не одобрили бы рукоприкладства. В этом смысле они очень странно устроены, женщины. И не было никакого смысла реагировать на оскорбления ответными матюгами – это только бы завело пьяницу еще больше.

– Есть люди просто отвратные, – продолжал пьяница. – Есть люди просто... – Он добавил определение одного корня со словом из трех букв на «х», которое чаще всего пишут на стенах и на заборах.

Они решили по-быстрому все допить и уйти. Интересно, подумал Гай, а есть ли в мире такая страна, где для идиотов наподобие этого алкаша предусмотрена смертная казнь, и можно ли будет туда эмигрировать. Однако, когда они уже допивали пиво, пьяный дядя ушел.

Голландские подружки остановились у Викки, и Гай проводил женщин до дома, чтобы оказать им посильную помощь в плане проигнорировать оскорбления, если вдруг по дороге их снова обложат матом. Тем более что он решил не отчаиваться до последнего. Он еще не исключал возможности, что по прибытии домой девушки разом разденутся и попросят его сделать им, всем трем, эротический массаж с ароматными маслами. Но, как это часто случается,

этого не случилось.

Гаю вызвали такси. Он уже не успевал на метро, так что пришлось раскошелиться на машину, что, кстати, стоило очень недешево, поскольку ехать ему было на другой конец города. Только Гай сел в машину, как таксист – выходец из Ямайки – спросил у него, нельзя ли спросить у него совета. Таксист рассказал, как у себя дома, на родной Ямайке, он познакомился с девушкой, и они поженились; он привез ее в Лондон, но через неделю она от него сбежала. «Ну я ее и того... депортировал». Все замечательно. Но когда он опять ездил домой на Ямайку, они помирились, и теперь он собирается снова забрать ее в Лондон. Он подумывает о том, что, наверное, надо бы позвонить в Министерство внутренних дел.

Гай представлял себе, как будут счастливы в Министерстве внутренних дел, когда этот дядечка им позвонит. Он представлял себе, как таксист обращается за советом в «Джонса и Кейту»; как и большинство их клиентов он мог бы претендовать на призовое место в международном конкурсе по продвинутому слабоумию. Таксисту было где-то за тридцать, а жене наверняка не было и двадцати. Во всяком случае, так рисовалось в воображении Гаю: юная леди, которая, несомненно, стала мудрее и старше после своей депортации и которая либо найдет с кем порезвиться, пока муж на работе, либо сбежит уже окончательно, когда в следующий раз соберется сбежать.

И все же – может быть потому, что Гай сильно устал, – он не считал это очередным проявлением вселенского идиотизма. Это была обыкновенная правда жизни. То, как живут люди. И если не считать тарифов на пассажирские авиаперевозки, какая, в сущности, разница, куда ехать – в Кингстон или Хэмпстед?

– Попробуйте, – сказал Гай.

– Вот и я говорю, почему не попробовать.

Машина сломалась посередине Эйкр-лейн. Гай терпеливо подождал – на случай, если таксисту хватит способностей ее оживить, – потом расплатился и вышел, готовый последние десять минут пройти пешком.

– Удачи вам с вашей женой. – Он сам удивился тому, что сказал это искренне. От души.

Он задрал голову к небу, но Луны в небе не было.

Лед в сердцах молодых гостей

Мы ждали на пограничном посту. Было темно и холодно. Не так чтобы очень холодно для декабря, но все равно неприятно.

Мы прождали весь день. И не мы одни. На Нодьлок налетел ураган журналистов; куда ни плюнь – повсюду в три слоя специальные корреспонденты, жадные до кровавых зрелищ охотники за бедой.

Мы забрали последний «мерседес» в Будапеште. Когда я брал его в начале недели в агентстве по прокату автомобилей, там все были безумно счастливы, что у них взяли такую роскошную дуру, как «мерс». Я спросил: «Можно на нем выезжать из Венгрии?» Мне ответили: «Конечно», – и с лучезарной улыбкой вручили бланк на дополнительную страховку. Им даже в голову не могло прийти, что среди западных иностранцев найдутся больные на голову, которые по собственной воле поедут в Румынию – тогда события в Тимишоаре вызывали

лишь легкое беспокойство. К концу недели они уже не давали машин никому, кто вызывал подозрения в причастности к средствам массовой информации, или давали, но требовали залога, который в пять раз превышал номинальную стоимость автомобиля.

У компании есть свои преимущества. Мне не пришлось делать все самому. Будь я один, я бы уже весь издергался, не забыл ли я чего важного; и мне бы пришлось самому обхаживать угрюмых румынских пограничников, пытаюсь уговорить их открыть сезам. А так я сидел, задрав ноги, потягивал пиво и размышлял о том, как бы вернее разбогатеть.

На соседней полосе, дверь в дверь с нами, стояла шикарная «вольво» с тремя внештатными корреспондентами из Германии (то есть это я так решил, что они внештатные, потому что они не выглядели людьми, способными устроиться на нормальную работу), которые пытались всучить румынскому пограничнику венгерский счет за гостиницу в полной уверенности, что это анкета на визу. Я с наслаждением подслушивал их разговор, тем более что они так ни до чего и не договорились. Репертуар иностранных языков у наших немецких «коллег» не включал в себя знание венгерского или румынского.

Они по-прежнему выдавали визы на границе, хотя никого не впускали. Был вечер пятницы, до Рождества оставалось три дня, и впереди, под покровом непроницаемой темноты, нас ждало нечто, что подходило под описание революции. В шестидесяти километрах от границы была Тимишоара, город, где правительственные войска расстреляли мирную демонстрацию в поддержку пастора Ласло Текеша. Погибли десятки людей. Десятки, сотни, тысячи – никто не знал наверняка. Никто не знал, что происходит в Тимишоаре. Никто не знал, где сейчас Текеш и жив ли он вообще.

Золтан тихо сидел на заднем сиденье, как переводчик, которому в данный момент нечего переводить; как бывший представитель венгерского национального меньшинства в Румынии он знал, что это такое – молчать и не отвечать. Мы слушали радио. Репортаж из Бухареста. О том, как все плохо у Чаушеску. Никто не знал, где он сейчас и жив ли он вообще.

Шаболш носился туда-сюда в поисках фактов и слухов, как и пристало всякому журналисту. На самом деле он был адвокатом, хотя и наглухо безработным (в результате конфликтов с венгерскими властями), и в данное время – моим шофером. Вообще-то, если мне нужен шофер, я обращаюсь к матерым таксистам, которые доведут тебя куда угодно и по любой дороге.

Я свел знакомство с Шаболшом, поскольку он, в свою очередь, водил знакомства с самыми что ни на есть колоритными личностями; он вечно притаскивал мне каких-то чахоточных гомиков-проститутков или смущенных цыган, чтобы я с ними поговорил «за жизнь».

Однажды он вызвался подработать у меня шофером – его подруга была беременна, и ему очень нужны были деньги. С тех пор, когда мне нужен водитель, я всегда обращаюсь только к Шаболшу, потому что он обращается с автомобилями с пугающей безжалостностью, которая совершенно ему не свойственна при общении с людьми.

Багажник у нас был забит под завязку: одежда, еда, туалетные принадлежности, карты, румынские разговорники, взятки-подарки и – что меня беспокоило больше всего – всего одна запаска (я уже ездил по Румынии и знаю по опыту, что лучше иметь с собой несколько запасных колес, но в «Ависе» лишних не оказалось). Я предупредил Шаболша, что наша поездка может затянуться на несколько дней, и он взял с собой пять пачек сигарет и огромный термос с кофе. Я просто рыдаю от Шаболша – будапештский интеллектуал как он есть.

Я уже начал надеяться, что мы простоим на границе всю ночь, после чего благополучно поедем домой, но тут вдруг все двигатели завелись, и шлагбаум подняли.

- Тимишоара? - спросил Шаболш.

- Тимишоара.

Что там, в ночи: затаившийся в темноте зверь под названием революция, пожирающий все правила и рвущий порядок в клочки? Что нас ждет впереди? Ликующие революционеры? Снайперы? Горячее угощение?

Румынские пограничники смотрели на нас с выражением: «вы, ребята, совсем придурки». Мы переехали через границу четвертьями или пятыми, чему я был несказанно рад. Пока мы ехали в темноте, ориентируясь только на габаритки машин впереди, я почти ожидал, что какая-то из этих машин сейчас бабахнет, наравшись на мину, - издержки богатого воображения.

Дорогу освещал только свет фар. Было видно, что ничего не видно. У нас была карта, но мы понятия не имели, чего ждать от этой дороги. Я уже начал жалеть, что все это затеял. В голове постоянно вертелось, что на территории Румынии, по неофициальным данным, сотни тысяч - если не миллионов - «Калашниковых» (диктатура не скупится на вооружение); что в каждом «Калашникове» - магазин на тридцать патронов, и что достаточно одной пули - и это не важно, что она будет случайной, непреднамеренной и беззлой, и предназначенной вовсе не мне, а кому-то другому, - чтобы оборвать мое существование на этой земле. И никакой «мерседес» меня не спасет.

Впереди показались фигуры, преграждающие дорогу. Если бы за рулем был я, я бы, наверное, тут же и остановился. Люди со всех сторон обступают машину и стучат нам в бока. Ощущение не из приятных... но это они так радуются. И я понимаю, что такое революция: это когда все выходят на улицы, даже те, кто живет в маленькой деревеньке в пяти минутах пешком от венгерской границы, это почти Рождество, это когда непроглядная тьма и горячее возбуждение, плещущее через край, растворяется в ночи.

Продравшись через ликующую толпу, мы направляемся в Арад, первый большой город перед Тимишоарой. Когда мы въезжаем в город, я малость приободряюсь - мы уже двадцать минут едем по стране, и никто не попытался меня застрелить. Арад был тусклым и тихим, как всякий маленький провинциальный город в позднее время суток. Несколько пешеходов, несколько машин, кое-где светятся окна и вывески - но ничего выдающегося, ничего, что стоило бы запомнить. Эта скучная тишина, с одной стороны, вселяет уверенность, но с другой - вызывает разочарование. Я буду жить, но мне не о чем будет рассказывать.

Как и положено туристам, мы запутались в улицах с односторонним движением. На четвертом круге по городу мы все же решаем спросить дорогу. Первой нам встречается женщина с огромными сумками, набитыми едой. Она вызывается показать нам дорогу, поскольку ей тоже нужно в Тимишоару. Дама попалась болтливая, и Золтан переводит ее монологи; она живет в пригороде Тимишоары и понятия не имеет о том, что происходит в городе, она просто приехала в Арад к родственникам за продуктами. Мы высаживаем ее на подъездах к Тимишоаре, и я замечаю, что настроение изменилось. То ли из-за того, что унылые пригороды Тимишоары навевали смутную тоску и тревогу, то ли из-за зловещей давящей атмосферы - не знаю. Но мы все почувствовали, что привычная повседневность закончилась.

Высокая женщина в длинном плаще и двое мужчин стоят на дороге; первый из многих кордонов, которые нам предстоит пройти. Они без оружия. Спасет ли

плащ от того, у кого с собой есть пистолет или автомат и кто вовсе не заинтересован, чтобы его остановили? И тем не менее каждый трудоспособный гражданин Румынии стремится завладеть участком какой-нибудь улицы или дороги и установить там свой личный контрольно-пропускной пункт, безотносительно от его полезности и невзирая на то, что происходит в стране.

Нас пропустили почти без вопросов, но пока мы добрались до центра города, нам пришлось несколько раз прибегать к помощи Золтана. В центре все было тихо и мирно, хотя повсюду валялись осколки стекла, и имел место быть один перевернутый автобус. Людей на улицах было немало. Они держались настороже, но не выказывали никаких признаков возбуждения.

В этом действительно что-то есть, когда ты говоришь: «Отведите меня к вашему командиру». После недолгих переговоров нас с Золтаном направили в Оперный театр, где, как нам сказали, располагалась штаб-квартира революционного комитета. Сам театр мы нашли без труда, но зато долго бродили внутри: вверх-вниз, из коридора в коридор. Наконец, нас проводили в большую комнату, где... восемь мужиков смотрели телевизор.

Существует такой журналистский штамп: «сердце революционных событий». Так вот, это самое «сердце» я представлял себе по-другому. Один мужик был на балконе и общался с народом на площади – какового народа имелось в наличии человек пять или шесть. Но это была просто дружеская болтовня, а не пламенное воззвание.

Мы с Золтаном ходили по комнате, пытаюсь понять, кто тут главный. С чего начать интервью у революции? В углу, в гордом одиночестве, сидел человек возбужденного вида. Я предложил ему пачку «Кента», чтобы вызвать на разговор. «Кент» в Румынии – это не сигареты, а твердая валюта. Было дело, когда я посредством одной пачки «Кента» открыл закрытый ресторан в Бухаресте. Пачки циркулировали по стране, никто их не открывал и не курил, а за три пачки, как мне говорили, можно было получить медицинский диплом.

Я был уверен, что прикоснулся к революции в чистом виде, когда мужик отказался брать пачку, но потом все-таки взял, мучимый острой никотиновой недостаточностью, открыл ее, достал одну сигарету и жадно закурил. Открытую пачку он приглашающе положил на стол, так чтобы все, кто хотел, угощались.

Курильщик объяснил мне, что в Тимишоаре революция победила, но он понятия не имеет, что происходит в других городах. Никто не знает, на что способна Секуритате. Никто не знает точного числа жертв, но счет идет на тысячи.

Мы пытались поговорить и с остальными, но не услышали ничего нового. Никто ничего не знал, никто ни за что не отвечал. Никто не знал, что происходит. Никто не участвовал в боях, и вот еще любопытная деталь – никакого оружия в Опере не было.

Так и должно было быть, или просто я разговаривал не с теми людьми? Я очень надеялся, что никто из других журналистов, проникших в святая святых, не набрел на того, кто хоть что-нибудь знает или хоть что-нибудь видел. Это было как в детстве, когда тебе кажется, что у других ребятшек игрушки лучше.

В комнату ворвался какой-то худосочный студент в шапочке с кисточкой и объявил по-английски, наверное, из уважения к представителям иностранной прессы:

– Сюда летят вертолеты. Сюда летят вертолеты. Мы все умрем.

Никто не обратил на него внимания. Если бы присутствующие начали с криком выпрыгивать из окон, я бы последовал их примеру. Но поскольку все были спокойны, я тоже решил не дергаться. Я с задумчивым видом изучал стены и пытался представить, что будут делать местные повстанцы, если их атакуют пулеметами или ракетами.

Я пришел к выводу, что мне больше нет необходимости торчать в Опере. Звезды на небе были обнадеживающе безмятежны и не тронуты вертолетами.

Вернувшись к машине, мы обнаружили, что Шаболш там не скучает – он собрал небольшую компанию и активно общался.

– Поехали, – сказал я.

– Они могут нам показать, где трупы, – ответил Шаболш. Румыны с готовностью закивали. Когда все начиналось, здесь, в Тимишоаре, расстреляли безоружных демонстрантов – неперенная составляющая революции. Шаболш объяснил, что помимо того, что никто не знает точного количества жертв, никто не знал, что стало с телами. Были организованы поиски, и обнаружилась братская могила.

Мне совсем не хотелось смотреть на трупы, но мне хотелось узнать, смогу ли я это выдержать. И мне нужно было писать репортаж – хоть что-нибудь, что пусть отдаленно, но все-таки напоминало новости. Мы раздали еду, припрятанную в багажнике, и один из местных сел к нам в машину, чтобы показать дорогу к разрытой могиле.

– Приезжайте еще, – сказала нам на прощание одна из женщин, которой мы отдали шоколад.

Убитых людей похоронили в месте, подходящем и в то же время слишком очевидным, чтобы кому-то пришло в голову искать именно там – на городском кладбище, которое, однако, было больше похоже на развороченную строительную площадку, чем на кладбище. Мне вдруг пришло в голову, что я никогда раньше не имел дела с покойниками. Я совершенно не знал, как себя вести, и надеялся, что не сделаю ничего неподобающего.

Наш провожатый повел нас с Золтаном через пустырь подмерзшей грязи, но тут Золтан остановился.

– Для меня это слишком, – заявил он. – Я подожду в машине.

Я не стал возражать, потому что, когда мы с ним договаривались о поездке, он подряжался шофером, и инспекция трупов не входила в круг его обязанностей; и еще потому, что по сравнению с Золтаном, которому не хватило духу идти дальше, я себя чувствовал жутко крутым. Мы прошли еще несколько ярдов. Еще прежде, чем мы их увидели, мы почувствовали их запах. Здесь почти не было фонарей, и меня это полностью устраивало. На краю ямы лежали выкопанные тела. Их было штук десять – двенадцать. Почти все – голые и испачканные в земле. Первое, что я подумал, глядя на них: что я никогда бы не взялся выкапывать их из могилы. Ни за какие деньги.

Особенно мне врезалось в память тело дородной женщины средних лет, на животе у которой лежал мертвый ребенок. Совсем-совсем маленький. О чем тут было говорить?! Поэтому мы и молчали. Сложно представить, что может быть что-то хуже, чем эти мертвые люди, сваленные в кучу в мерзлой земле в двойной заброшенности (покинутые и недосыгаемые) и двойной темноте (невидящие во мраке). Сложно представить себе более сильный наглядный пример к уроку по теме: Тепло – это все.

Мне было хорошо видно. Наверное, надо было что-то сказать, но я подумал,

что и с журналистской, и с моральной точки зрения самое лучшее – это молчать. Вернувшись к машине, я заметил у входа на кладбище того худосочного паренька, который принес известие о вертолетах. Теперь он кричал:

– Секуритате уже на подходе. Секуритате уже на подходе. Мы все умрем.

Мы едем обратно в Венгрию; мне надо писать репортаж. Я все еще чувствую запах от тел у разрытой могилы. Я прижимаю к носу пакет с кофе, чтобы его крепкий аромат отбил запах смерти.

У самой границы у нас спускается колесо. Мы ставим запаску, параллельно слушая радио. По радио говорят, что агенты Секуритате под видом мирных автостопщиков стоят на дорогах и тайком подкладывают взрывчатку в машины журналистов. Из Арада в прямом эфире передают репортаж одного журналиста, который прячется под каким-то там радиатором и рассказывает о том, как Секуритате расстреливает город.

Я никак не пойму, почему ад принято изображать в языках ревущего пламени, и чтобы орды ревущих грешников громоздились друг на друга, и чтобы чумазные черти обязательно томили их на сковородках, тыча вилами в бока, или жарили на вертелах. Если бы можно было выбирать, я бы распорядился, чтобы меня похоронили на солнце, в компании приятных людей, потому что – я вас уверяю, – если ад действительно существует, то там очень холодно и одиноко.

Книжный червь

Он открыл дверь с надписью: ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН. Взглянул на доску объявлений – нет ли чего нового. Ничего нового не было.

Предупреждения о магазинных ворах отличались лаконичными резкими характеристиками: вонючий, ирландец, крадет атласы. Или: очки в роговой оправе, длинное пальто, бутерброды, интересуется садоводством. Статистика по продажам. Вакансии в филиалах. Он открыл буфет, где – он уже знал – есть кофе, и включил электрический чайник. Пересчитал мелочь в стеклянной банке, где оставляли денежку за кофе: две монетки по десять центов и один пятак.

У него было одно очень полезное умение: не заморачиваться насчет кофе. Он понятия не имел, какие бывают сорта и какие сорта лучше, какие – хуже. Он не терял ни секунды, размышляя о том, как готовить кофе: сколько класть ложек, сколько лить воды, сколько молока, сколько сахара. Кофе – это такая вещь, которая для многих становится культом. Но не для него.

Он просмотрел новые книги, потом попробовал позвонить в пару мест. Но никуда не дозвонился.

Так что он отпил кофе и порадовался удобному креслу.

Мне хорошо, сказал он себе. Хотя, на самом деле, нет. Не хорошо... лучше, чем хорошо... замечательно. И спокойно. Он потратил пятнадцать минут на размышления о днях рождения – что это не такое уж и значительное событие. Потом он подумал, что, может быть, он ошибается, и думал об этом еще минут пять. Потом еще полчаса ушло на раздумья, что сидеть в одиночестве в свой день рождения в офисе книжного магазина с двумя бананами и половиной буханки черствого хлеба на ужин – хотя он сам был вполне доволен, – кому-то может показаться кошмарным, и волнует ли его, если другие сочтут его

бедным-несчастливым? Волнует ли его, что подумают о нем люди? И должно ли это его волновать? В конце концов он устал об этом думать.

Ему очень нравилось в этой комнате. Приятная, уютная атмосфера. Жалко, что он здесь не работает, но как бы там ни было, пора приниматься за дело.

На следующее утро он выбрался, никем не замеченный, из отдела «Естественная история», вышел на улицу и пошел в Управление порта.

Он переходил через какую-то тихую улочку, когда к нему подошел тощий высокий черный.

- У меня кое-что есть для вас.

Он ничего не ответил и пошел себе дальше с решительным видом «ничего не вижу, ничего не слышу», типичным для жителей всех больших городов. Про себя он подумал, что, наверное, у него все-таки не получается выглядеть бедным, безумным и опасным в той мере, чтобы с ходу отбивать желание общаться. Насчет безумным и бедным все было нормально, но у него патологически не получалось выглядеть опасным. Однако он остановился, когда тощий черный предложил ему слона.

Он даже не поленился дойти до трейлера, и действительно - это был определенно индийский слон. Еще очень маленький слон, достаточно молодой, чтобы поместиться в трейлер для перевозки лошадей, и достаточно взрослый, чтобы выглядеть раздраженным, явно не в духе и явно уставшим от этих слоновых игр. Покачав головой, он отправился восвояси.

- Вам просто необходим этот слон, - не сдавался настырный слоноторговец. Это было сказано с таким пылом, что ему на мгновение показалось, что ему действительно нужен слон, причем именно этот конкретный слон. Но это странное ощущение исчезло так же стремительно, как и возникло. Вот так всегда и бывает: тебя убеждают, что тебе что-то нужно или тебе что-то нравится, и ты вроде бы убеждаешься, а потом понимаешь, что не нравится и не нужно.

- Всего-то сто долларов. Большого я не прошу.

Заманчивое предложение. Слишком заманчивое, чтобы его упустить. Но ему не нужен был слон, тем более какой-то сомнительный слон. Это он уже понял за свои тридцать три года. Он предпочитал отрицательную характеристику: он - тот, кому слон не нужен. Продавец, уже по определению, был лицом более заинтересованным, поскольку ему нужно было продать слона (занятие почти безнадежное, надо заметить). И самое главное, у него не было места, чтобы держать слона, поскольку не было места, чтобы держать себя самого. Но, может быть, это был величайший дар - умение дать себя уговорить в категорической настоятельности покупки и все-таки ничего не купить.

Он подошел к своему шкафчику, нашел свою футболку с «Книжным червем» и переоделся.

Она ему больше не нравилась, эта футболка. Теперь она его смущала. «Книжный червь» - большими жирными буквами наверху, две первые строчки из «Илиады» - посередине, и «Бойтесь меня» - внизу. Такие футболки ты делаешь на заказ, когда ты молод и агрессивен. Та женщина, которая попыталась прочесть ему лекцию на тему как одеваться, хотя он демонстративно читал две книги одновременно и явно давал понять, что не расположен к беседе, пришла в ужас, когда обнаружилось - он сам ей сказал после настырных расспросов, - что этой футболке уже лет двенадцать. Она действительно пришла в ужас, та женщина. Но он все равно не выбрасывал эту футболку, поскольку вообще никогда ничего не выбрасывал, и, как и большинство

ненужных и нелюбимых предметов одежды, она была неразрушима.

Сейчас у него был выбор: пойти в отель «Парамаунт» за углом, чтобы умыться в сортире над раковиной, или пойти к Сильвану и помыться уже нормально. Ему очень хотелось в душ, но у них с Сильваном была договоренность, что он может мыться в хозяйской ванне, но обязуется мыть за это посуду и вытирать пыль. У Сильвана было много книг, и вытирать с них пыль было достаточно геморройно, а поскольку он уже прочитал их все, его интерес к содержанию их в чистоте и беспылии иссяк.

Он вошел в «Парамаунт» и направился напрямиком в мужской туалет. Там он разделся до пояса, ополоснулся над раковиной, вытерся бумажными полотенцами и понял, что не чувствует должного усердия в плане почувствовать себя ущемленным. Он заходил сюда регулярно, но его ни разу не погнажи. Сам того не желая, он исхитрился изобразить своего бедного и сумасшедшего как причуду богатого иностранца.

Потом был кубинский ресторан и дежурное блюдо. Он всегда заказывал дежурное блюдо; это избавляло его от обязанности изучать меню, а официанта – от обязанности впаривать ему это самое дежурное блюдо. Сейчас он работал с 1884 годом и в ожидании заказа достал свою «Замечательную историю сэра Томаса Барта», замечательную только тем, что она была донельзя скучной, и «Историю Карла Странного», которая не была странной, а была – опять же – скучной.

Курица в чесночном соусе с рисом и черной фасолью прибыла всего через три страницы. Отрезав первый кусок, он задумался о том, жив ли еще отец.

Говорят, что мужчина становится настоящим мужчиной только тогда, когда умирает его отец. И как, интересно, это происходит: в один прекрасный день ты вдруг ощущаешь в себе немереную силу, пришедшую из ниоткуда, и понимаешь, что вот – свершилось? Тем более что это будет единственный способ хоть что-то узнать об отце.

Потом он задумался, сколько раз он об этом задумывался. Один раз в день каждый день на протяжении десяти лет? Два раза в день каждый день? Три раза каждые два дня? И сколько времени он потратил на эти мысли? По пять минут зараз? По десять минут зараз? Сколько времени тратится на одни и те же мысли... Люди жалуются на то, что им приходится делать одно и то же, изо дня в день кушать одно и то же, носить одну и ту же одежду, но думать об одном и том же они считают вполне нормальным. Он подумал, что это еще одна мысль, которая приходит к нему почти так же часто, как и предыдущая.

За столиком напротив мужчина с газетой и в шляпе с загнутыми кверху полями громко ругался по поводу дежурного блюда.

Вот за что ему надо поблагодарить отца, если уж ни за что другое: он мог есть все, что можно есть в принципе. И вовсе не потому, что отец патологически не умел готовить; просто, когда мама их бросила, их домашняя пища стала совершенно безвкусной и поразительно однообразной: сосиски, готовые пудинги, свиные отбивные-полуфабрикаты. Другие продукты случались у них на столе крайне редко. Интересно, а сколько раз он задумывался об этом? Каждый раз, когда видел, как кто-то ругает еду в ресторанах или оставляет порцию недоеденной. Он давно научился, что время приема пищи – это время, которое нужно «собраться и пережить».

Он пришел к выводу, что у каждого есть врожденный иммунитет к своим собственным мыслям, и поэтому практически невозможно наскучить себе самому. Если бы вам пришлось сидеть рядом с кем-то, кто постоянно твердит: «вот за что мне надо поблагодарить отца, если уж ни за что другое» или «время приема пищи – это время, которое нужно „собраться и пережить“», –

вы бы свихнулись в течение двух дней. Наверное, это и есть зрелость: когда тебе перестают читать наставления, и ты начинаешь просто ходить по кругу, увязая в каждодневной рутине, значит, ты окончательно повзрослел.

И тем не менее он с удовольствием скушал рисовый пудинг с корицей и выпил кофе: иногда можно дать себе волю и ни в чем себя не ограничивать. Он тщательно избегал думать последнюю мысль из «мысленабора о папе» – самое грустное даже не то, что они ненавидят друг друга, а то, что помимо ненависти, между ними больше ничего нет. Он старался быть адекватным сыном, и ему очень хотелось, чтобы и папа хоть чуточку постарался... или хотя бы притворился, что старается. Лишь по прошествии лет он начал частично понимать отца. Он даже помнил день, когда это случилось – однажды, в поезде, он увидел своего бывшего одноклассника. Они не виделись пять лет, но он даже не подошел к своему бывшему другу. Он просто не знал, о чем с ним говорить. Забавно, правда, – в мире, где со спутника на орбите можно определить марку твоей зубной пасты, где одним движением пальца можно послать миллионы слов на расстояние в десять тысяч миль, где можно следить за событиями на любом континенте, просто включив телевизор, где негде спрятаться и где нет тишины, он не знал, где его отец и о чем с ним говорить?

– Вы много читаете, – сказал привереда в шляпе, который сидел за столиком напротив, и указал глазами на две открытые книги у него на столе. Он молча кивнул, потому что не отрицал данного утверждения и еще потому, что ему не хотелось вступать в беседу.

– Книги – это не жизнь.

– Да. Книги лучше, – ответил он и перебрал все тридцать две библиотечные карточки в кошельке, пока не нашел единственную кредитную, чтобы расплатиться.

Вот оно – виртуальное странствие двадцать первого века. На другом берегу океана, где идет мелкий дождь, маленькие суммы денег, обозначенные его именем, переезжают в какой-то там банк в Кембридже; в то время как в Лондоне маленькие долги из Америки перебираются по адресу, где Эльза подпишет чек, изобразив приемлемое подобие его подписи, и тем самым даст ему право расплачиваться по карточке.

Ему было хорошо. Как бывает хорошо после рисового пудинга и кофе. И больше никто в ресторане не мог этого оценить. Больше никто в Нью-Йорке. Может быть, даже никто в целом мире.

По дороге в Публичную библиотеку он заглянул на почту, посмотреть что пришло. Один чек, трехмесячной давности. Книга на рецензию; это будет примерно так: триста слов о том, на что это похоже, и триста – на что не похоже. Хорошо. Приглашение на конференцию.

Несколько писем от Эльзы – пакет корреспонденции ко дню рождения. Каждый раз он мужественно боролся с искушением отправлять ее письма прямым в мусорную корзину, потому что за последние несколько лет в них не было ничего нового. Она работала там же, жила в той же самой квартире, выражала свои тревоги и уговоры в тех же самых словах. Можно было бы предположить, что она тоже устала писать эти письма, измазанные розовыми соплями – точно так же, как он устал их читать, – но нет: для нее это была настоящая жизнь. Что ж... у каждого своя рутина.

Но опять же: Эльза была упрямой, – и это была ее единственная добродетель. Только не думай, что я сделаю первый шаг. Эта фраза повторялась примерно в каждом пятом письме и была, как он сильно подозревал, начисто лишена иронии, несмотря на то обстоятельство, что Эльза уже сделала тысячу первых

шагов и использовала все виды оружия из женского арсенала от булыжника до гранатомета.

Волны розовых конвертов, кипы открыток и других знаков любви и внимания мчатся за ним по пятам по всему миру: марципановые бегемотики, пластмассовые львята, ежедневники в меховых обложках, брелок для ключей с цитатой из Библии (апофеоз бесполезных и неуместных подарков, поскольку жить ему негде и ключи ему не нужны), шоколадные сиськи, банки с фасолью для выпечки, надувные губки, заводные миниатюрные новогодние елки на ножках, – все пронизано щемящей нежностью и добротой. В периоды особенно напряженной активности она писала ему чуть ли не каждый день. Он уже не знал, куда деваться от плюшевых зверюшек, в которых воплощалась ее любовь: улыбчивых медвежат и ярко-красных дельфинчиков с прилагаемой к ним открыткой: для самого-самого моего человека – я думаю о тебе, и я счастлива. Также присутствовали: грустные зайцы, кроты с печальными глазами и несчастные заброшенные котята с табличкой «Скучаю по тебе» на пузе. Похоже, у Эльзы был просто неистощимый запас безделушек и игрушечного зверья, предназначенных для проявления нежности, и это при том, что она окончила университет, что ей было уже тридцать два, и во всем остальном она была женщиной безупречного вкуса, и половина ее посылок до него просто не доходила.

Он искренне не понимал, что она в нем нашла. Он знал только то, что главное его достоинство заключается в отсутствие недостатков. Он бы не бил ее, не волочил бы за другими женщинами, не пропивал бы все деньги и не проигрывал их на скачках, не заставлял бы ее смотреть с ним футбол по телевизору и не какал бы на пол. Он был как та безногая черепаха из анекдота: ее всегда можно найти там, где ее оставили. Он едва не соблазнился настоящими уговорами Эльзы переехать к ней жить: у нее, мол, достаточно места в квартире, и он ей совсем не помешает, и она тоже не будет мешать ему работать. Он человек скромный и неприхотливый, запросы у него минимальные, много места он не занимает. Это был бы, наверное, неплохой вариант.

Единственная причина, почему он не воспользовался столь заманчивым предложением: не захотел. И он знал, что если бы он уступил, она бы лишилась возможности найти настоящее счастье. Что это было: душевное благородство или просто понимание, что с ним ее жизнь будет скучной и невыразительной?

Время от времени случались периоды молчания на несколько месяцев, когда Эльза приходила в себя после очередного неудачного романа. Мужской силуэт неизменно маячил где-то на периферии всякий раз, когда Эльза ездила в отпуск. В письмах появлялись одноразовые упоминания о встрече с каким-нибудь лесником на пляже или с продюсером – в морском круизе. Ее любовные связи, похоже, не выходили за рамки гостиничных кроватей.

Было приятно осознавать, что Небеса не просто наказывают дураков. Хотя Эльза была далеко не красавицей – не из тех женщин, на которых оборачиваются на улице, – она была умной, тактичной и деликатной, у нее была неплохая работа, она хорошо готовила, она постоянно встречалась с людьми по работе, но все равно неизменно спала одна в своей огромной двуспальной постели, хотя хотела совсем немногого: облить нежностью своего мужчину.

Он никогда не понимал людей, которые убеждены, что быть не похожими ни на кого – это придает стимул и является ценным качеством. Всякий, кто был на краю, знает, как там неуютно и холодно.

Он пошел в Публичную библиотеку, нашел тихий уголок и устроился там. В правой руке – «Три недели в Моптауне», в левой – «Если бы я был Богом».

Другие посетители библиотеки время от времени поглядывали на него, но никто ничего не сказал.

Настало время академической рутины, как это бывало почти каждый день.

Почему он не устроился на работу в какой-нибудь университет, преподавателем по литературе? Наверное, потому что не захотел. Но ему нравилось периодически выходить из засады и стрелять в спину профессорам. Это было приятно. Злобно и несправедливо, но именно это ему и нравилось.

Он начинал с того, что упоминал какое-нибудь общеизвестное произведение, и это давало им повод надеяться, что они обрели благодарного слушателя, перед которым можно и выпендриться. Потом он вспоминал более редкую книгу, демонстрируя глубокие познания в данном вопросе и вызывая легкое удивление у профессиональных филологов. Потом – какой-нибудь совсем уже раритет, которого и существует всего-то один-два экземпляра. Чтобы совсем уже их напугать, дипломированных филологов. Это было легко. Он делал специалистов по девятнадцатому веку, ретроспектируя век восемнадцатый; специалистов по восемнадцатому он доставал, проводя аналогии с веком семнадцатым; специалистов по веку семнадцатому громил веком шестнадцатым. Это было легко – выбить почву у них из-под ног, отступив лет на десять – пятнадцать назад от их узкоспециализированного периода. Тогда некоторые из них с облегчением улыбались и говорили, что это не их профиль. Но как можно понять писателя и изучить его творчество, если не знать, что было раньше, что этот писатель читал и на каких он учился примерах? И что читали те авторы, которых читал он? С теми, кто пытался искать убежища в своем периоде, он поступал очень жестко: уводил их назад во времени и яростно атаковал их укрытие, давая понять, что оно их нисколько не защитит. Вот почему он писал рецензии на книги.

Он отложил «Если бы я был Богом». 1884-й, но вразброс. Подобрать книги в нужном порядке при всем желании невозможно. Ему никак не удалось выдерживать правильную последовательность – во всяком случае, не так аккуратно, как хотелось бы. Приходилось читать зигзагообразно – то забегая чуть-чуть вперед, то возвращаясь назад.

Эта Идея (именно так – с большой буквы) пришла ему в голову тринадцать лет назад на третьем этаже Университетской библиотеки, когда он читал письма Папы Пия II: «Век без писем – век слепой». Ему стало вдруг интересно, а что ты увидишь, если прочтешь все письма, написанные за века, если прочтешь все книги на свете. Все, что было написано человечеством. В то время он уже почти что жил в библиотеке, что, вероятно, и было началом.

Или начало было в Париже? Они поехали туда с Томом – без денег, вообще без всего. Отнюдь не чувствуя крутыми, они бродили по городу в надежде ощутить себя стильными и шикарными ребятами и испытать восторженное возбуждение, каковое должно снизойти на них само собой. Их поразило количество гостиниц в Латинском квартале и отсутствие в них свободных номеров. После двух часов бесплодных блужданий они набрели на один отель, где были свободные номера, но у них не было таких денег. Тогда они поняли, почему в разгар туристического сезона люди заказывают номера заранее.

Мимо того книжного магазина они прошли трижды; он сам поражался своей выдержке. Но на четвертый раз он «сломался» и предложил Тому зайти посмотреть.

Он знал про эти магазины – «Шекспир и компания» – и знал, что это такое. Тогда он был молодым и невежественным, но все же достаточно любознательным, чтобы знать, что Джойс и Элиот были бандитами. Войдя в магазин, он растерялся богатству выбора и совершенно «завис», в то время как Том, который вообще никогда ничего не читал, направился напрямик к

прилавку, чтобы спросить продавца – помятого унылого дядечку, – нет ли у него каких идей насчет местных гостиниц. Они в первый раз были в Париже, и соответственно в этом книжном тоже, но дядечка за прилавком их явно узнал. Таких, как они, он встречал уже в тысячный раз.

Он вздохнул:

– Если у вас и вправду напряги, можете переночевать здесь, в магазине. Но только одну ночь.

Так что свою первую ночь в Париже он провел в книжном магазине, или, вернее: свою первую ночь в книжном магазине он провел в Париже. Том вышел, чтобы купить у арабов кебаб, а по возвращении уселся болтать с двумя американскими девушками, которые тоже ночевали в магазине и ели йогурты. С той ночи «Шекспир и компания» стал его любимым книжным. Он ничего не ел и не спал всю ночь, замороженный американскими изданиями, которых раньше ни разу не видел.

Он наблюдал, как солнце встает над собором Парижской Богоматери, и вспоминал тот эпизод, когда Фауст приехал в Париж с целым мешком новеньких, только что отпечатанных Библий Гутенберга [9 – Гутенберг Иоганн, немецкий изобретатель книгопечатания. В середине XV века напечатал так называемую 42-ю строчную Библию – первое полнообъемное печатное издание в Европе. – Примеч. пер.] на продажу, и как он потерялся в городе стараниями членов парижской гильдии переписчиков, опасавшихся конкуренции и незаинтересованных в развитии книгопечатания.

В ту ночь его «прорвало». Он понял, что вовсе не обязательно уходить, когда магазин закрывается. Можно остаться и продолжать читать. Он уже проводил столько времени в ближайших от дома книжных, что его стали принимать за магазинного вора, но теперь он понял, что можно устроить так, чтобы проводить там еще больше времени. Но тогда он еще не знал, что это начало. Просто забава на отдыхе.

Официальным началом стал тот вечер в Университетской библиотеке, когда его случайно заперли в читальном зале. После этого он начал время от времени оставаться в библиотеке на ночь, потому что ему не хотелось уходить. Его ни разу не засекли; перед закрытием кто-то из библиотекарей обязательно обходил все здание, но он без труда прятался в книгохранилище на тихом верхнем этаже, а по утрам выходил, никем не замеченный.

Да, и конечно – тот звонок от отца. Тоже в каком-то смысле подвигка к началу. После первого семестра они вообще перестали общаться. Отец так и не получил высшего образования; в шестнадцать лет, сразу же после школы, как он любил с гордостью повторять, он пошел работать на скотобойню. Он сразу понял, что желание отца отправить его учиться в университет было всего лишь предлогом, чтобы отправить его из дома. Он и отправился. Совершенно без денег – разве что с горсткой мелочи, которая вся помещалась в один карман.

Не самая вопиющая жестокость, которую знал этот печальный мир. Он мог бы устроиться на работу, но предпочел ограничить расходы – съехал с квартиры, которую поначалу снимал, перетащил все вещи в камеру хранения, ночевал в библиотеке, спал совсем мало, потому что читал почти до утра, утром шел в универ, чтобы помыться в общественной душевой, потом покупал себе что-нибудь съесть и возвращался обратно в библиотеку.

У него не было никаких расходов, присущих среднестатистическому студенту: он никуда не ходил. За все время в Кембридже он даже не выезжал из города, за исключением одного раза, когда они с Эльзой и еще парой приятелей совершили пробег по деревенским пабам. Он не ходил ни в кино, ни в клубы.

Покупать одежду – вообще не рассматривалось. Кушать как следует – вообще не рассматривалось. Покупать книги – вообще не рассматривалось. Пить пиво – вообще не рассматривалось. Он жил на стипендию и материальную помощь нуждающимся студентам. Во время каникул подрабатывал в Университетской библиотеке, так что к нему там привыкли. И его жизнь не ограничивалась одной только Университетской библиотекой; периодически он делал вылазки и в другие библиотеки – ради разнообразия и смены ритма.

Постепенно пришло неуютное и тревожное осознание, что рядом с ним нет никого, кто разделял бы его пристрастия и вкусы; что он такой один на свете. Отдельно от всех. Эльза была к нему очень внимательна, но у них было мало общего. И тем не менее с ним иногда происходили забавные вещи. Однажды на Силвер-стрит к нему подлетела женщина – уборщица из больницы, – схватила его за локоть и потащила к себе домой.

– Дядя Фил, – так она обращалась к нему, «дядя Фил», пока он безуспешно пытался вырваться и вспомнить, видел ли он эту женщину раньше.

– Какая приятная встреча, пойдете скорее ко мне.

Ему представлялось, что он захвачен некоей всепоглощающей страстью; целую неделю он читал только любовную лирику и ничего больше, но, разумеется, «дядю Фила» можно было найти на любой улице и в любое время. Он узнал несколько интересных вещей: почему большинство людей готовы почти на все ради секса; что ее к нему интерес был интересом отнюдь не к нему и что каждому выпадает возможность задаром потрахаться.

Когда она тащила его к себе, он активно отбрыкивался (и почти отбрыкался), потому что его ждали книги, но потом он был рад, что ему представился случай развеяться.

Потом была еще та вечеринка, когда – как раз в тот момент, когда он пожалел о том, что не остался в библиотеке; так ему было скучно, – две девушки устроили настоящий стриптиз. Он хотел поаплодировать им, но не стал. Его позабавило недоумение и смущение других парней, каковые при этом присутствовали, и лишь через несколько лет до него наконец дошло, в чем было дело: неженатые мужики либо были напуганы смелостью этих раздевавшихся девушек, либо их не волновали женщины, которые выставляют свои гениталии напоказ; но там неизбежно был Кев из Белфаста, который с готовностью ублажил их обеих на гладильной доске в прачечной. Кев был единственным человеком, за исключением его самого, кто не ругался насчет еды в студенческой столовой. Уже тогда было ясно, кто преуспеет в жизни.

Он снял кусочек фасолы, который упал ему на футболку с «Книжным червем» и прилип к загогулине прописной «А» в Ахиллесе.

Но он посвятил себя тому, чтобы прочитать все.

Потом, по здравом размышлении, он понял, что это физически невозможно. Но прочитать все на английском – вполне выполнимо. Все, что есть в форме книг. Он уже прочитал немало. Начиная с одиннадцати лет, он читал в среднем по три-четыре книги в день. Хотя какая-то часть времени уходила впустую – на предметы, совершенно не нужные. Например, по китайской истории он знал значительно больше, чем это считается безвредным для умственного и физического здоровья для любого, за исключением китайских историков.

Он никогда никому не рассказывал о своей благородной цели, потому что ему не хотелось, чтобы кто-то об этом узнал, если вдруг у него не получится довести начатое до конца, и еще потому, что он и сам не был уверен, какой в этом смысл. Он чувствовал, что в конце должен быть некий ответ, но он

понятия не имел, что это будет и что ему с этим делать. Может быть, он напишет что-нибудь оригинальное. В конце концов разве можно написать что-то оригинальное, если ты не прочел всего, что было до этого?!

Количество устрашало и приводило в уныние. Несколько сотен книг до 1500 года. Почти десять тысяч – до 1600-го. Восемьдесят тысяч – до 1700-го. Триста тысяч – до 1800-го. А потом начиналось полное сумасшествие. Множество подражаний. Множество откровенной белиберды, настоящего словесного мусора, ограниченного и тупого. Но если бы не двукнижная техника – когда одновременно читаешь две книги, одну в правой руке, а другую в левой, – он бы точно далеко не ушел.

Однажды ему пришло в голову, что со стороны он, наверное, вызывает жалость. После того как он без малого четыре года прожил в книжных магазинах Северного Лондона, существуя только за счет рецензий на книги и фиктивных браков с японками, которым нужно английское гражданство, он понял, что для многих – если вообще не для всех – людей сама мысль о том, чтобы всю жизнь провести либо в книжных, либо в библиотеках, кажется откровенным бредом, а человек, который именно так и живет и которого это вполне устраивает, достоин только того, чтобы его пожалеть. Он твердо решил, что не потратит всю жизнь на книжные Северного Лондона, поскольку следует расширять горизонты. Так он отправился в путешествие: Франция, Германия и, наконец, Америка.

Чему он уже научился на данный момент? Что движение смотрится как прогресс. Что в Германии в маленьких книжных лавках иногда предлагают шампанское, но только в американских книжных есть фраппучино [10 – прохладительный кофейный напиток. – Примеч. пер.]

И надежда. Надежда. Книги делаются из надежды, не из бумаги. Из надежды, что кто-то прочтет твою книжку; из надежды, что эта книга изменит мир к лучшему; из надежды, что люди с тобой согласятся, тебе поверят; из надежды, что тебя будут помнить и восхвалять, из надежды, что люди хоть что-то почувствуют. Из надежды, что ты чему-то научишься; из надежды, что ты произведешь впечатление и развлечешь читателя; из надежды, что тебе худо-бедно заплатят; из надежды, что ты докажешь свою правоту или докажешь, что ты не прав.

К несчастью, проблема в том, что даже если ты прочитаешь все, ты будешь это читать совершенно другим человеком. Когда он в первый раз прочел «Илиаду», начало было просто началом: объяснением, что к чему. Гнев Ахиллеса; вроде бы предполагается, что Ахиллес разгневался из-за того, что у него сначала отобрали его любимую рабыню, а потом он потерял своего закадычного друга Патрокла.

Когда он читал «Илиаду» в одиннадцать лет, в первый раз, он, можно сказать, ее не читал. Потом, когда он перечитал ее в семнадцать, до него начало кое-что доходить.

Однако только когда ему было тридцать, и он застрял в лифте, и перечитал ее в третий раз, смысл этой вещи просочился ему в сознание, словно капли дождя сквозь крышу.

Это совсем не случайно, что первое слово в Западной литературе было именно «гнев». Гнев Ахиллеса. Теперь он понял, что это был гнев от того, что ты жив. От того, что у тебя нет выбора. «Илиада» – вот истина. «Одиссея» – это уже дешевенькая брошюрка, где герой отдыхает с хитроумными и коварными бабами, а потом добирается наконец до дома и убивает всех, кто его огорчает. «Илиада» – подлинная трагедия: когда ты вынужден драться в войне, которая тебе не нужна, когда тебя окружают редкостные болваны, которые сперва не смогли даже разыскать Троя, когда ты не можешь забыть,

что твоя мать тебя бросила за ненадобностью, а какой-то кентавр заставлял тебя есть кишки, когда у тебя нет ни выбора, ни вызова, а есть только уверенность, что ты еще очень нескоро вернешься домой и что нет ничего, что могло бы тебя взбодрить.

Когда он читал заметки о преступниках-убийцах, которые кончали с собой, он понимал, что тут дело не в угрызениях совести и не в зловредном желании обломать правосудие – тут дело в отчаянии. Потому что от их преступлений им не сделалось легче, потому что они переступили черту дозволенного, но гнев все равно не прошел. И так было всегда. Гильгамеш гневался. Яхве гневался. Моисей гневался тоже. Фараон был вне себя от ярости. Электра пылала гневом. Эдип бурлил яростью. Ронин безумствовал и ярился. Гамлет был раздражен донельзя. Орlando дымился от злости.

Проблема была в Небесах... Карма. Кишмет. Судьба. Фатум. Рок. Парки. Мойры. Норны. Намтар. Провидение. Фортуна. Удача. Великий космос. Аллах. Господь Бог. Книга судеб. Слова-слова. Избитые клише, которые повторялись из книги в книгу, и вовсе не потому, что у авторов было плохо с воображением, а потому, что не было никакого другого способа выразить эти понятия.

В итоге тебе всегда достаются паленные кости. Непаленных костей – как и честной игры, – не бывает, но их все-таки нужно бросить, чтобы узнать, какие выпадут цифры.

Он пошел в «Барнс & Нобл» на Юнион-сквер.

Обычно, чем больше книжный, тем легче там затеряться: находишь какой-нибудь тихий ряд стеллажей прямо перед закрытием, тихонечко там зависаешь и ждешь, когда все уйдут и можно будет заняться любимым делом всякого книжного червя – поглощать книги. Ловили его нечасто. За все эти годы – четыре раза, да и то каждый раз отпускали с миром.

Вот только ему не нравилось, как на него при этом смотрели. Эти взгляды красноречивее всяких слов говорили о том, что его принимают либо за недотепу-воришку, который даже украсть-то нормально не может, либо за показного неудачника, а то и вовсе клинического идиота, которому нравится, что его запирают на ночь в магазинах. Только одна женщина, в Нанитоне, вызвала-таки полицию.

– Я звоню в полицию, – прошипела она.

Он легко мог убежать, но не стал. Ему было непонятно, почему та женщина сказала, что если он не убегает, значит, совесть у него не чиста, и преступные намерения налицо. Он не стал убегать прежде всего потому, что ему некуда было бежать. Дождаясь полицию, он успел прочитать двадцать страниц «Севера и Юга». Полицейские, кстати, не особенно воодушевились, не обнаружив никаких следов взлома, никакого ущерба и никаких следов кражи.

– На этот раз мы ничего больше не скажем, – сказал один из офицеров, потому что и вправду сказать было нечего.

Все происходит без подготовки. Ты что-то мямлишь в поисках единственно правильной фразы, и либо находишь ее, либо продолжаешь мямлить. Однажды, когда ему было одиннадцать лет, он возвращался домой с уроков, а на той стороне улицы ему навстречу шли две девочки его возраста, которых он часто встречал по дороге из школы. И вот эти девочки перешли через дорогу и направились прямо к нему. «Ничего, если я тебя стукну?» – спросила блондиночка. Он задумался над вопросом и над ответом, но блондиночка, не дожидаясь, пока он ответит, со всей дури треснула кулаком ему в челюсть. Было больно и неприятно. Он снова задумался: что теперь надо делать. Улыбнулся и пошел себе восвояси.

Без подготовки ты просто теряешься и совершаешь поступки, совершенно тебе несвойственные. Однажды в Портленде он зачитался историей о кентавре императора Гермагора из книги Флегона из Трала «О чудесах и долгожителях». Он так углубился в чтение, что не заметил, что он не один в магазине – тем более что он и не ожидал, что будет там не один, в два часа ночи, жарким и душным летом, в спящем маленьком городке.

От книги его отвлек хозяин магазина, крупный мужчина, который вцепился обеими руками в раскладушку и умолял оставить ему жизнь:

– Пожалуйста, не убивайте меня, – вновь и вновь повторял хозяин, опускаясь на колени.

Он был растерян и озадачен, поскольку кроме книжки в мягкой обложке на 215 страниц другого оружия у него не было, а случай с той девушкой окончательно убедил его в том, что вид у него совершенно не злобный, а даже, наоборот, мирный и безобидный.

– Дома сломался кондиционер. Невозможно спать – слишком жарко. У меня здесь есть деньги, я вам покажу. Я ничего не скажу полиции. Только не убивайте меня.

Он уже собирался выдать свою стандартную байку о том, что его случайно закрыли здесь, в магазине, но он не умел ни врать, ни говорить правду, да и хозяину магазина не нужна была ни его правда, ни ложь. Проще всего было бы забрать деньги, которые ему так настойчиво предлагали. Что он и сделал. После чего отправился в отель, затарившись книгами на целый день. Он понимал, почему его можно принять за преступника, но не понимал, как его можно принять за опасного преступника, однако тот случай придал ему некий флер власти и помог ощутить себя интересным.

Когда «Барнс & Нобл» закрылся, он еще час просидел в секции политической литературы, дожидаясь, пока не умолкнут все звуки в здании. Нет такой книги, в которой бы не было отголосков каких-нибудь других книг; чтобы писать, сначала нужно читать. Сможет ли он стать действительно самобытным автором, у которого не будет вообще ничего от других? Есть ли свете другой такой человек, который заметил, что в «Илиаде» никто из героев не ест рыбу? Который помнит все тридцать три бранных слова для оскорбления мытарей, собранных и записанных Поллуксом из Навкратиса? Который переживает о том, отыщется ли когда-нибудь утерянный роман Апулея «Гермагор»? И которому интересно, действительно ли Фридрих II написал «De Tribus Impostoribus Mundi» («О трех самозванцах»)?

Он устроился в уютном кресле, за которое так любил «Барнс & Нобл», и погрузился в «Единойды обманувшись» (в правой руке) и «Всемирное желание» (в левой).

Иногда он уставал, и ему становилось скучно, но он продолжал читать «все по годам», потому что уже прочитал слишком много, чтобы теперь останавливаться. Однажды, поддавшись минутной слабости, он даже устроился на работу и проработал два месяца, но легче ему не стало.

Вот и на этот раз он не ушел в чтение с головой, потому что услышал покашливание. Он замер и пару секунд просидел неподвижно, как будто это могло что-нибудь изменить. Кто-то опять кашлянул. Он подумал, что пусть себе кашляют, если сидеть тихо, никто его не найдет, но сосредоточиться снова на чтении было уже невозможно. Он нехотя встал и пошел посмотреть в чем дело. На первом этаже обнаружилась стройная хрупкая женщина во всем черном. Симпатичная. Он знал, что она не работает в магазине – он знал в лицо всех продавцов, – тем более что застал он ее за занятием, совершенно

не свойственным для работников магазина. Она читала.

Причем читала не просто взахлеб. Она читала две книги одновременно: в правой и левой руке.

Звук его шагов напугал ее. Она быстро закрыла книги и поставила их на полку.

– Вы, наверное, закрываетесь, – сказала она, обаятельно улыбнувшись. У нее была бледная кожа и ярко-красные губы.

Он хотел ей сказать, что он здесь не работает.

– И не надо так на меня смотреть, – резко проговорила она.

Когда она выходила, она отключила сигнализацию. Он заключил, что ему хорошо, но опасался, что будет плохо. И уже очень скоро.

Люблю, когда меня убивают

В тот день он пригласил ее пообедать.

– Мы давно не обедали вместе, – заметил Оуэн. Он был как-то особенно настойчив, и Миранда с радостью приняла бы его приглашение, но у нее уже было назначено свидание. Исключительно сексуального свойства. Свидание исключительно ради секса на другом конце Лондона.

– Что-то мне нездоровится, знаешь... пожалуй, мне лучше сегодня не выходить, но все равно спасибо за приглашение.

Оуэн продолжал ее уговаривать. Она сказала, что ей действительно нехорошо и что она будет весь день лежать. Он сказал, что как-то все это неожиданно, и она сказала, что да.

– Что с тобой?

– Не знаю.

– Может, тебе чего-нибудь принести?

– Нет, не надо.

– Точно?

– Ага. Ты спокойно иди на работу, а я тут спокойно умру.

Итак, он пошел на работу, а она помахала ему из окна, напустив на себя хворый вид.

Потом она приняла душ, оделась и поехала в Хедстоун, потратив полтора часа на дорогу. Раньше она в Хедстоуне не была ни разу, ни разу про него не слышала, не знала ни одного человека, который бы про него слышал, и была на сто процентов уверена, что никогда больше туда не поедет. Сейчас она едет туда из-за случайного знакомства с одним безработным актером два дня назад; помимо всего прочего они заговорили и о компьютерах. Он собирался продавать компьютер, Миранда собиралась купить. «Приезжай ко мне, и посмотришь», – сказал он. При этом он знал, что приглашает ее к себе вовсе не для того, чтобы продать ей компьютер, а она знала, что едет к нему

вовсе не для того, чтобы что-то купить. Несмотря на повсеместные свободные взгляды, все равно как-то не принято говорить почти незнакомому человеку: «Приезжай ко мне в половине двенадцатого, и мы с тобой перепихнемся. К обоюдному удовольствию».

На компьютер Миранда все-таки посмотрела. Его было очень неплохо видно с кровати, особенно в позе «мужчина сзади», а потом с ней случился оргазм, и она больше уже ничего не видела – ни компьютера, ничего. Удовольствие превзошло все ожидания, даже несмотря на то, что актер дважды отвлекался – переговорить со своим солиситором насчет предъявления иска одному продюсеру, который не взял его на работу, и другому продюсеру, который взял его на работу.

Когда Миранда вышла из квартиры, она налетела на Оуэна, который как раз выходил из квартиры напротив. Раньше Оуэн не был в Хедстоуне ни разу, ни разу про него не слышал и никогда больше туда не поедет. Он потратил час на дорогу от офиса, чтобы встретиться с клиентом. И в довершение ко всему – чтобы совсем уже не оставалось сомнений – актер вывалился на лестницу в одних красных боксерских трусах, дабы вручить Миранде ее бюстгальтер, который она забыла.

– А я собирался сделать тебе предложение, – вот все, что сказал Оуэн.

Какова была вероятность встречи? Миранда вообще не умела считать, хотя математика всегда приводила ее в благоговейный восторг. Население Большого Лондона составляет семь миллионов человек, не считая туристов, неучтенных нелегальных эмигрантов, тех, кто бывает тут только проездом, и «диких» торговцев, не имеющих разрешения на торговлю. Так какова вероятность? Двести миллионов к одному? Пятьсот миллионов к одному? Два миллиарда к одному? Как падение метеорита. Как выигрыш в лотерею.

Она не смутилась, потому что вообще никогда не смущалась. Но ей было жалко Оуэна, и жалко, что она сделала ему больно. Он был из тех немногих мужчин, которые признают, что женщины тоже имеют право на свободу; он не ждал, что она будет сидеть дома и готовить ему горячие ужины, пока он сам будет носиться по городу в поисках, с кем бы еще потрахаться. И его желание жить вместе с Мирандой не было, как это часто бывает, результатом отчаяния (чтобы было с кем поговорить). Он хорош собой, остроумен, умен; он внимательный и деликатный, у него интересная и насыщенная жизнь, его постоянно зовут в компании, причем приглашений обычно столько, что на все не хватает времени. Он говорит о том, как нужно стараться, когда живешь вместе, чтобы обоим было хорошо, и что совместное существование требует жертв, но это приятные жертвы. Причем это не просто красивые слова. Ему даже нравится мыть посуду.

Миранда понимала, что она – непробиваемая эгоистка, что он достоин гораздо лучшего, и что он мог бы найти себе женщину, с которой он был бы по-настоящему счастлив; жить с Оуэном – это как использовать под пепельницу редкую вазу династии Мин: расточительно и неэкономно; или как если бы убежденный вегетарианец выиграл в лотерею запас парной говядины на целую жизнь вперед: совсем ни к чему.

После Хедстоуна она сделала для себя три вывода: если бы всем остальным это нравилось так же, как нравится ей, цивилизация бы погибла уже давно; у каждого в Лондоне есть свой Хедстоун; и наконец, что это большая ошибка – жить с человеком, который тебе приятен, и что с ней этого больше не повторится.

* * *

Весь день у Миранды ушел на то, чтобы найти подходящее определение для понятия «смешное» и придумать, как лучше держать микрофон. Они жили на третьем этаже, и выглянув из окна, она увидела Тони. Очень вовремя. Она быстренько улеглась обратно в постель и напустила на себя болезненно вялый вид. Тому было две причины: потому что Тони был склонен поверить, что если по возвращении домой он найдет ее лежащей в постели, значит, ей действительно плохо (его бесило, что она целыми днями бездельничает; то есть это он думал, что она бездельничает), и еще потому, что ей не хотелось, чтобы он или кто-то еще узнал, как сильно она напрягалась.

Он нашел ее в спальне.

- Тяжелый день?

- М-мм.

- Ты не забыла, что мы идем в гости?

- М-мм, - отозвалась она, натянув одеяло к самому подбородку. Он пошел на кухню, и через пару минут она встала и поплелась в ванную, набрала себе горячую ванну и возмутительно долго там отмокала. Обычно она никогда не опаздывала и всегда успевала собраться вовремя, но Тони так всегда напрягался насчет того, чтобы не опоздать, что она не могла устоять перед искушением немножечко помотать ему нервы. Пока она плескалась в ванне, она слышала, как Тони из последних сил сдерживает себя, чтобы не начать нетерпеливо ходить по комнате из угла в угол, и плочает слова праведной ярости и укора. Миранда выходит из ванной, завернутая в полотенце.

- Ты не видел мой пинцет?

- А в ванной разве нету?

- Который в ванной, он плохой. А мне нужен хороший.

- Ничем не могу помочь. Могу я тебе ненавязчиво указать - ни в коем случае не придираясь, не раздражаясь и не желая давить, - что нам выходить через десять минут?

- Думаешь, это поможет?

- В таком случае я молчу.

Миранда наблюдает за тем, как Тони делает вид, что он читает журнал и вовсе ее не ждет. Не отрываясь от чтения, он говорит:

- Я молчу.

Уже не в первый раз она перебирает в уме причины, почему ей не нравится Тони. Тони-пони. Надежный. Управляемый. Такой, которого очень легко забыть. Но именно поэтому она с ним и живет. Почему мужчины патологически не способны быть мужчинами? Почему он просто не вмажет ей кулаком, так чтобы она пошла в гости с фингалом под глазом? Эта мысль доставляет ей удовольствие, но тут она вспоминает единственного мужчину, который поставил-таки ей фингал (водопроводчик-ирландец, у которого в Ирландии остались жена и дети и который набросился на нее с кулаками, когда она заявила, что будет делать аборт, чтобы избавиться от его неумышленного ребенка, дабы избежать унылой участи матери-одиночки), после чего ему пришлось сигануть из окна на первом этаже, натягивая на ходу штаны, дабы избежать кухонного ножа, с которым она на него набросилась.

Миранда возвращается в ванную, где плохой пинцет из бесплатного

маникюрного набора. Он худо-бедно работает, но удовольствия не доставляет. У нее где-то был и хороший пинцет: когда выдираешь им волосок, кажется, что выдираешь его навсегда.

Она надевает черное платье, снимает с него белый пух и какие-то нитки и чистит зубы специальной зубной ниткой, на что уходит значительно больше времени, чем потребовалось бы самому въедливому дантисту в плохом настроении.

- И как я выгляжу?

Она поворачивается к нему, чтобы он заценил. Тони знает, что ему никогда не выиграть; это такой тест на выносливость. И этак, и так - безнадежно. Зная, что он уже проиграл, будет ли он бороться до конца?

- Замечательно. Ты выглядишь замечательно.

- Ты так говоришь, только чтобы меня не расстраивать, чтобы сделать мне приятное.

- Но это же, кажется, бесполезно: пытаться сделать тебе приятное? Тут как ни пытайся...

На мгновение ей кажется, что он рассмеется, но он надевает пальто и выходит на лестничную площадку. В том, как он выходит, присутствует некое окончательное или-или: или иди, или оставайся. Вот он, момент проявленного достоинства, но достоинство слишком слабое, чтобы активизировать восхищение.

Люди не меняются, думает она, усаживаясь в машину. Если как следует приглядеться к кому-то, никаких неожиданностей не будет - ничего, что могло бы тебя удивить. Люди не то чтобы предсказуемые, вовсе нет. Просто они не меняются. Старые холодильники тоже скачут по кухне, когда включаются, но это не значит, что они кенгуру. Вот в чем подлинная проблема.

- Вон там, за нами, действительно нетерпеливый мужик, - говорит Тони, лишний раз подтверждая ее оценку. Тони часто так говорит, хотя иногда он говорит: «Вон там, за нами, действительно нетерпеливая баба», - или, если погода плохая и видимости никакой: «Вон там, за нами, действительно нетерпеливый водитель». Как правило, нетерпеливый водитель бывает за Тони почти всегда, поскольку он ездит со скоростью 32-35 миль в час. А у Миранды было стойкое подозрение, что это - последний раз, когда она едет куда-то с Тони. С нее уже хватит. Она этого больше не выдержит. И ее бесит вовсе не то, что средняя скорость Тони не превышает 33 миль в час: при таком плотном движении и постоянных пробках у тебя редко бывает возможность выйти за этот предел. Его тормознутость и вялость - это еще не самое страшное. И даже если бы дело было в его чрезмерной законопослушности, она бы это пережила. Нет, ее раздражало другое. А именно: Тони действительно не понимает, что он ездит значительно медленнее, чем все остальные, и что в мире полно нетерпеливых людей вовсе не потому, что их полно объективно, а потому что он сам вынуждает их проявлять нетерпение.

Она начала напрягаться, когда они подъехали к нужному месту. Еще одно любимое выражение Тони, когда надо поставить машину: «Здесь мало места». Для Тони всегда было мало места, если только на этом месте не могли разместиться в ряд три машины. Невероятно, но в этот вечер места обнаружилось предостаточно - вполне хватило бы, чтобы припарковать грузовик с прицепом. Миранда не помнила, чтобы она вообще видела столько свободного места для парковки. Разве что в раннем детстве. А в последнее

время тротуары, похоже, обозначают не классическими поребриками, а припаркованными вдоль машинами.

Миранда задумалась о домашних пауках. Где они жили до того, как появились люди и начали строить дома? Ведь пауки появились на свете задолго до людей – на несколько миллионов лет раньше. Может быть, пауки и создали человека, чтобы он оберегал их от дождя? И как насчет того сообщения в газете, как истребители грызунов обнаружили, что в некоторых районах Лондона местные мыши едят исключительно гамбургеры из «Макдоналдса». Сыр, фрукты-овощи, шоколад, мюсли, любая другая еда: они воротят носы. Может быть, в этом и заключается истинная цель засорения окружающей урбанистической среды – генерировать объедки и снабжать грызунов пищей? Что-то в этом есть. Потом она вспомнила двух лисиц, которых видела как-то на днях: как они грелись на солнышке в саду на заднем дворе. Они ее видели, но не испугались, буквально внаглую не испугались; довольные и счастливые, они себя чувствовали совершенно непринужденно в большом шумном городе. Она сама себя так не чувствовала. И никто из ее знакомых. Они лениво скакали, играя друг с другом; наверное, у них были какие-то лисьи каникулы. Отпуск на пляже. Человек не справляется с городом, а дикие звери посмеиваются над ним. Что-то в этом есть.

Хотя Хедер и Имран были друзьями Тони, общаться с ними было приятно. Также присутствовали Лили с Деймианом. Лили работала вместе с Хедер, и для Миранды она была идеальной слушательницей, поскольку смеялась буквально на каждую фразу: «Добрый вечер», «Чего будешь пить?», «Картошка просто объедение». Миранда встречалась с ней раньше, и она ей не понравилась. В основном потому, что Лили была такая же, как она. Она тоже жила ради члена. Это бесило Миранду, потому что Лили было всего девятнадцать.

Прежде чем Миранда пришла к пониманию, что в жизни есть только одна подлинная и стоящая валюта, она успела попробовать все. Она принимала наркотики – и пригодные, и непригодные. Она получила высшее образование (пусть даже и кое-как, худо-бедно). Ходила к психотерапевту. Много путешествовала. Она прошла долгий путь, длиной в двадцать семь лет; ее жизненная позиция была выбрана вполне осознанно. А то, что делала Лили, давая всем мужикам без разбору – это все равно что прожить всю жизнь в одном и том же доме.

Деймиан был далеко не уродом. Он был намного старше Лили, примерно в возрасте Христа; и хотя в плане секса у них было все зашибись (всегда можно понять, довольна ли пара своими интимными отношениями), ему все-таки было слегка неудобно, что он живет с такой шлюхой.

– Миранда, я слышала, ты комическая актриса, выступаешь на эстраде.

– Иногда выступаю, иногда отступаю.

– И что, хватает на жизнь? – Деймиан был страховым агентом, специалистом по оценке убытков, и, как и всякого «правильного» человека, у которого есть нормальная, хорошо оплачиваемая, но при этом безмерно скучная работа, его пугала и настораживала мысль о том, что у кого-то, кто занимается необычным, интересным и очень не нудным делом (причем без страховки), еще и хватает наглости делать деньги. Ему хотелось услышать, что не умереть с голоду. Тут Тони мог бы вставить саркастическое замечание, что на жизнь ей хватает, но почти за все платит он. Миранда не участвовала в оплате счетов за аренду квартиры, за газ, электричество и воду. Продукты они покупали тоже на деньги Тони. Свои деньги Миранда тратила исключительно на одежду. Но Тони не возмущался. Тони – пони, и пони рассчитывал на свою порцию овса. Когда-нибудь в будущем.

– Пока хватает.

После этого люди, как правило, напрягаются и решают, что ты, наверное, очень знаменитая, но тебе просто не хочется об этом рассказывать. «А вы, наверное, известная?» – этот вопрос ей задают постоянно, вероятно, за тем, чтобы еще раз спросить, как ее зовут, и запомнить для последующих упоминаний в беседе с другими, если ответ будет да. Она, кстати, так и не придумала по-настоящему остроумный, достойный ответ. Скорее всего потому, что если такой вопрос задают, то хорошего, по-настоящему остроумного ответа не может быть по определению. Был еще и другой вопрос, и Деймиан, понимаете, его задал: «А тебе не показывали по телику?» – только этот вопрос был всего лишь вариацией первого. Для большинства людей телевидение – это совсем уже круто. Это нечто, что говорит о твоей значительности, делает тебе имя и дает тебе право на существование. Верно, и в то же время неверно: чаще всего это вообще не имеет значения.

Подтверждение: Кэтфорд Стен («Мне надо было родиться в Стенморе, но я родился совсем в другом месте»). Среди юмористов, работающих в разговорном жанре, он был одним из немногих, кто сделал себе состояние на этом поприще, хотя даже среди юмористов, работающих в разговорном жанре, очень немногие знают, кто это; а среди остальных так и вовсе никто не знает, кто это, хотя кое-кто наверняка бывал на его выступлениях. Никто не помнит его самого, но зато многие помнят его анекдоты и шутки. Шутки у него пошлые – такие пошлые, что даже стены, и те краснеют от отвращения. Анекдоты – всегда бородастые. Причем не настолько еще бородастые, чтобы они успели забыться, и их можно было бы выдать за новые. Как говорит сам Стен: «Я не смешу людей. Я делаю шутки». Эстрадный комик, который своими дурацкими шутками уже заработал больше, чем кто-либо еще из актеров такого же профиля, он выступает в основном на мальчишниках и холостяцких пирушках. Ему и не надо собирать стадионы. На самом деле слава – она почти ничего не дает. Все происходит так: либо ты вообще ничего не добиваешься и держишься исключительно за счет злости, ненависти, раздражения или любого другого токсина, который помогает тебе держаться, либо ты кое-чего добиваешься, но потом долго исходишь говном и пребываешь в тягостных размышлениях, сколько еще это продлится – эта борьба за место под солнцем, – и есть ли у тебя истинные друзья, а не только подлые завистники.

Стен был доволен и счастлив. Он загребал деньги лопатой, не платил налоги (наличные + никто никогда про него не слышал), спал почти со всеми стриптизерками, которых конферировал, и не заморачивался вопросом сколько все это продлится, поскольку пользовался большим спросом в качестве мастера по ремонту мебели, причем ремонтировать мебель ему нравилось значительно больше, чем выступать перед публикой. Он по-прежнему живет в своей двухкомнатной квартирке в Кэтфорде, причем не самой уютной квартирке, что приводит людей в замешательство, хотя ходят упорные слухи, что он владеет каким-то там островом рядом с Корнуоллом.

– А скажи что-нибудь смешное, – просит Лили и хихикает, потому что Тони попросил ее передать соль.

– Что-нибудь смешное, – говорит Миранда, но Лили не смеется. После этого Миранда вообще умолкает. Она больше не выступает на дружеских вечеринках в качестве массовика-затейника; она не развлекает народ, если за это не платят. Она водит ногой по ноге Деймиана. Он изо всех сил старается сохранять невозмутимое выражение, и у него получается. Тони рассказывает о своих идеях, о том, как насадить среди граждан Британии чувство вины и душещипательные устремления, дабы они принимали участие в его благотворительной программе в пользу неизлечимо больных детей.

Теперь она водит ногой по ноге Деймиана в откровенно провокационном эрекционном стиле, ясно давая понять, что это она не случайно задела его ногой. Ей любопытно, что будет делать Деймиан; он разглядывает ее грудь,

тихонько храпит и притопывает ногой. Язык его жестов не оставляет сомнений.

Деймиан начинает активно потеть. Он переживает, что Тони или Лили заметят. Полный идиотизм. В пятьдесят лет можно уже не беспокоиться, даже если ты удавишь кого-то гароттой, не говоря уж о том, если ты вдруг кого-то огорчил или взбесил. Она попыталась добраться ногой до его самого интересного места, но не смогла дотянуться. Его волновало, что подумают о нем другие. Ее – совершенно не волновало. Кто из них в более выигрышном положении? Ей быстро наскучила эта забава.

– Я иду наверх, – сказала она и пошла в туалет. Было бы здорово, если бы Деймиан пошел следом за ней, и они бы устроили сочный секс прямо на кафельном полу, пока все остальные сидели бы за столом и упорно делали бы вид, что ничего не происходит. Деймиан не оправдал возложенных на него надежд.

Тони вернулся домой в приподнятом настроении – потому что его идеи встретили восхищенное одобрение, и еще потому, что она его не унизила и не выставила идиотом. Ее не особенно возбуждала перспектива Тонисекса, но поскольку истинный чемпион должен вести себя по-чемпионски, даже когда ему нездоровится или когда его донимают бульварные неприятности, она устроила ему феерический секс, измотав его до предела. Когда Тони заснул, утомленный, она еще долго лежала в гнетущей темноте и вспоминала обложку, которую она придумала для своего дневника, когда ей было восемнадцать. Она придумала вот такую штуку:

После смерти жизни нет
Никто тебе не поможет
Ты – совершенно одна
И всегда будешь одна

Мысли были изложены четко и ясно, и она до сих пор считала, что так оно и есть, но через месяц она выкинула обложку, потому что она втоняла ее в депрессию. Это была ее правда, но совершенно излишняя и бесполезная, как тонкая пленка бензина при лесном пожаре. Владеть такой Правдой – все равно что таскать в кармане растаявшую шоколадку: просто в кармане хоть что-то есть, хотя это «что-то» уже ни на что не годится. Владеть такой правдой – все равно что раздумывать, когда ты уже спрыгнул с крыши небоскреба, что вместо желтых носков надо было все-таки надеть синие.

Никто тебе не поможет, даже если ты очень нуждаешься в помощи. И еще ей бы следовало избегать метафизики и метафор.

* * *

Потратив немало времени на поиски хорошего пинцета, она решила, что будет проще купить себе новый. Кстати, это не так-то просто, найти нормальный пинцет – в магазины как будто специально завозят одну ерунду.

– Откуда вообще происходят шутки и анекдоты? – однажды спросила Миранда. – Ты никогда не задумывался? Не те плоские анекдоты, которые постоянно обсасывают по телику, а настоящие анекдоты, действительно остроумные и смешные. Их же, наверное, кто-то придумывает. Украшение голого факта. Что-то где-то происходит, и по этому поводу рождается анекдот. Никто не знает, кто именно его придумал, никто не знает, откуда он взялся, но он есть, и он ходит по миру, как солнце – по небу.

– Значит ли это, что ты не хочешь идти? – спросил Тони, взглянув на часы.

- Я думаю, это Бог. Поэтому все и разваливается на Земле. Голод, резня, избиение младенцев, мор и чума, землетрясения... Бог слишком занят. Он придумывает анекдоты и шутки. А мы - его замороженные зрители.

- Миранда, если ты не хочешь идти, то так и скажи. Тебе вовсе не обязательно никуда ходить, если ты не хочешь.

Неужели Тони умнеет? На этот раз она его не заводила, но среди ее любимых домашних развлечений действительно было и такое: начать собираться, так чтобы Тони уже был готов выходить, потом заявить, что на самом деле ей не хочется никуда идти, так что Тони снимает пиджак и туфли, открывает бутылочку пива и садится перед телевизором, чтобы вскочить через пять минут, потому что Миранда вдруг говорит, что она передумала и все-таки хочет пойти. Он выключает телик, убирает пиво обратно в холодильник, надевает туфли, находит свои ключи... но тут Миранда опять говорит, что ей не хочется никуда идти. И так - до упора. Рекорд был семь раз.

Они спустились по лестнице и увидели, что Реджайна, их соседка снизу, стоит на карачках со щеткой в руках и чистит ковер на лестничной площадке, а над ней стоит-надзирает ее мамаша. Миранда не раз слышала от подруг страшные истории о том, как к ним нагрянула мама и устроила рейд насчет нестираного белья и грязных простыней, беспорядка в кухонных шкафах и наличия пыли на книжных полках под потолком (причем отдельные мамы не ленились для этого встать на стремянку), а то и вовсе проникла в квартиру, пока дочь была в отпуске, и сделала там ремонт, подобрав цвет обоев по своему вкусу, но это был уже полный кошмар. Тут и с пылесосом убьешься, пока все вычистишь, а уж руками - так лучше сразу убиться, чтобы не мучиться. Чистить ковры на лестничных площадках - это обязанность всех жильцов, которую вроде как исполняют по очереди, и, разумеется, все на нее забивают.

- Грязища у вас тут кошмарная, - заявила Реджайнина мама, когда они проходили мимо. Реджайна была родом из Болтона, и ее мама была свято убеждена, что столица испортила ее дочь, и что явные признаки этой порчи - в ее равнодушии к комьям пыли и засохшим подтекам грязи на лестнице перед квартирой. Реджайна весело улыбнулась. Она явно избрала политику «лучше сделать, что скажут» при общении с мамой и проявляла терпение из категории «она все равно завтра уедет». Реджайна была арфисткой, и тревоги ее мамы насчет распушенной богемной среды, каковая угрожает благополучию ее дорогой девочки, казались просто смешными, поскольку на арфе Реджайна играла исключительно для души, а для денег работала в интим-салоне. Реджайна не считала себя красавицей, но «искусственный загар и глубокое декольте - это работает безотказно». Миранда только кивала. С мужчинами вообще легко управляться. Даже проще, чем с волнистыми попугайчиками. Или с ее скороваркой. У скороварки есть три режима кипения, и разобраться с ней было гораздо сложнее, чем с большинством мужчин.

Реджайна специализировалась на бизнесменах с Севера, которым и нужно-то было только, чтобы кто-то смеялся над их идиотскими шутками и соглашался, что Лондон - кошмарное место. Они хотели, чтобы их спутница выглядела, как молоденькая проститутка, и водили ее куда-нибудь потанцевать, а потом приглашали к себе в гостиницу, но вовсе не для чего-то такого, а чтобы все видели, что он привел к себе проститутку - чтобы его посчитали этаким искушенным сластолюбцем, у которого трудная, но весьма интересная жизнь. Реджайна строго держалась в рамках слегка подрочить рукой (называется мануальная стимуляция), да и то только тем клиентам, которые вели себя хорошо и которые были моложе сорока, за что они были безмерно ей благодарны.

И наконец, Миранду несколько не трогало мероприятие в Айслингтоне. Ее внезапно пробило на сентиментальные порывы, когда они уже спустились в

метро. Ей вдруг стало стыдно, что она постоянно подкалывает Тони по поводу его благотворительных дел; это был слишком простой и проторенный путь. Нужно было изобрести новое орудие пытки, хотя Тони всегда гарантированно выходил из себя, когда она заводила речь о том, как все деньги, которые он собирает на нужды больных детей, осядут на личных счетах в швейцарских банках или в их филиалах в тех странах, которым он пытается помочь.

- Ты права, - кричал Тони в ответ. - Обычно так и бывает: кто людям помогает, тот тратит время зря. Деньги крадут. Беспорядок и путаница становятся еще более беспорядочными и запутанными. Посылки уходят совсем не туда, куда нужно. Повсюду выходит сплошной облом. Иногда тебе кажется, что ты сейчас просто взорвешься. Я вполне допускаю, что все, что я делаю для этих детей, никому не облегчит боли, ни на секунду. Может быть. Да. Но я хотя бы пытаюсь хоть что-нибудь сделать для других. Тебе тоже стоит попробовать, чтобы хоть раз это испытать.

Ярость Тони произвела на нее впечатление, хотя она и не подала виду. Неужели с ее помощью у Тони появляется характер? Что-то она сомневалась. Старые холодильники тоже скачут по кухне, когда включаются, но это не значит, что они кенгуру. Кипя праведным гневом, Тони бросился прочь, и Миранда не стала его удерживать. Ей вовсе не улыбалось провести час в компании богатых людей, которых раздувает от сознания собственного благородства от того, что они прикупили билетики благотворительной лотереи. Все равно вечером Тони прискачет домой галопом ради своей законной порции овса. Вместо того чтобы бежать за Тони, она поехала в Сохо, где замечательно развлеклась, убивая время: она пила кофе, отправляла туристов, которые спрашивали у нее дорогу, в прямо противоположном направлении и названивала в «Лучшую из собак» разными голосами, представляясь то польской домохозяйкой, то американским геологом, то итальянской велосипедисткой, то активисткой экологического движения из Уэльса, то администратором гастролирующей цирковой труппы из Глазго, и, наконец, своей самой любимой зубным врачом из Ирака, и спрашивала, действительно ли сегодня у них выступает блистательная Миранда Пьяно, и есть ли еще билеты.

У нее было два часа в запасе, но она все равно умудрилась опоздать. Но, с другой стороны, не было никакого смысла приходить раньше. Что там делать?! Сидеть в примерке, исходить злобой и завистью и обсуждать с собратьями по ремеслу других собратьев по ремеслу, которых в данный момент нет в комнате, пока Аннет, неправильная барменша, таскает вам не ту выпивку. Аннет приехала из Австралии, из какой-то глухой провинции, и в этом действительно что-то было: когда человек проделал такой длинный путь исключительно для того, чтобы доставать людей в Лондоне. Если вы просите темное пиво, она неизменно приносит светлое. Просите бочковое - приносит в бутылке. Просите бренди - приносит виски. Просите кофе - приносит чай. Миранда как-то попробовала заказать бренди, когда ей хотелось виски, но получила именно бренди. Спасения не было. Миранда однажды выразила недовольство, а Аннет в ответ покрыла ее матюгами. Они собрались все вместе и написали свои заказы на листочке бумаги.

- Вы меня что, за дуру здесь держите?! - оскорбилась Аннет. - Вы, гады такие, считаете, будто я не способна запомнить пару-тройку напитков. Кто вообще это придумал?

Все угрюмо молчали и разглядывали шнурки у себя на ботинках. Аннет решительно заявила, что не нальет им вообще ничего, пока Миранда не съест эту гнусную бумаженцию у нее на глазах, а все остальные не купят ей выпить, каждый - по разу. Это был хороший урок им всем.

В примерной было не протолкнуться, и Миранда решила не «толпиться» и посидеть в зале. Она огляделась в поисках, где бы сесть (стульев было

немного – организаторы выступления не были оптимистами); какой-то худой молодой человек в трикотажной рубашке, который что-то серьезно втолковывал своей девушке, заметил, что она ищет место, и попросил ребят за соседним столиком освободить стул от сваленных на него курток. Он забрал стул и пододвинул его Миранде. Его обходительность повергла Миранду в шок, и ей стало за него страшно. Он был в очках. Очки тоже бывают модными и стильными, но его очки таковыми не были. Его очки, как и все остальное в нем, передавали вполне однозначное сообщение: побейте меня, пожалуйста. Наверняка его обижали в школе. Его спутница – кстати, очень даже хорошенькая – явно не собиралась с ним спать. Миранде хотелось сказать ему, что нельзя быть таким внимательным к окружающим, нельзя вот так раскрываться перед людьми, но она знала, что это ничего не даст. Она поблагодарила его, кивнув головой.

Капитан Никудышний уже выступал со своей программой, которую Миранда видела раз пять-шесть. Есть комические актеры, программы которых можно смотреть вновь и вновь по десятому разу, и все равно будет смешно, но Капитан Никудышний к ним не относился. Одно слово – никудышний. Но у него, однако, была известность и своего рода слава, потому что два года назад на его выступлении умер один из зрителей. Вряд ли он умер от передозировки смеха – от сердечного приступа умирают везде: в церквях, в полицейских участках, в больницах, во сне, на лекциях, где угодно, – и тем не менее надо признать, что это действительно обращает на себя внимание, когда на твоём выступлении кто-то кидает лыжи.

Но как бы там ни было, Капитан Никудышний был просто дедушкой мирового смеха по сравнению со «звездным» Артуром Личем. Вот это был настоящий аттракцион. Лич считается культовым юмористом, и при этом в его репертуаре нет ни одной смешной шутки. Когда Миранда только начинала свою эстрадную карьеру, она с удивлением обнаружила, что в их жанре работают люди, которые патологически не способны рассмешить публику. И это нельзя списать на бессонную ночь, сырой материал или в зажатую аудиторию; они действительно не умели смешить. Но потом она рассудила, что если есть адвокаты, которые совершенно не шарят в юриспруденции, врачи, которые не разбираются в медицине, бизнесмены, которые понятия не имеют о том, как делать бизнес, то почему бы не быть и юмористам, которые не разбираются в том, что смешно, а что нет? Лич выступал уже столько лет, что его приглашали принять участие в концертах исключительно потому, что организаторам просто не приходило в голову, что его можно не пригласить, и еще потому, что он с прилежанием и усердием лизал задницы всем и каждому.

Миранда не любила Лича еще и потому, что он был шотландцем. Ее очень бесило, что все шотландцы считали своим святым долгом, сидя в каком-нибудь лондонском баре, ругать лондонцев и англичан, в том смысле, что все англичане – как бабы, что они не умеют играть в футбол, зато вот шотландцы круты и неслабы.

Когда Миранда вышла на сцену под жидкие аплодисменты, она поняла, что у нее нет настроения выступать и что ей не хочется, чтобы Лич, который должен был выступать сразу следом за ней, получил «разогретый» зал. Она решила их остудить. Уничтожить аудиторию.

Зрителей было человек тридцать, и они уже слегка «разогрелись» на Никудышнем.

– Прежде чем мы начнем, – сказала Миранда. – Прошу прощения, но мне нужно проверить благонадежность аудитории. Я не хочу распинаться перед каким-нибудь стариной Томом, Диком или Гарри. Смех – это искусство, я бы даже сказала, высокое искусство, которое предназначено для людей умных и тонких.

Ее слова были встречены дружным смехом.

- Если тут в зале есть идиоты, то им лучше сразу уйти. Она подошла к девушке в первом ряду, которой было как-то уж слишком весело.

- Вот вы. Сколько будет семнадцать умножить на двадцать три? - Миранда понятия не имела, сколько это будет. И зачем, спрашивается, она целых два года изучала математику в Миддлсекском университете?!

Девушка покачала головой. Миранда кликнула Муссу, местного вышибалу. Мусса был из Сенегала, имел диплом врача, и Миранда доподлинно знала, что однажды на Рейлтон-роуд его ограбили две двенадцатилетние девочки. «Нам по двенадцать лет, и мы тебя будем грабить», - заявили они ему. Мусса особенно подчеркнул, что девочки были крупными для своего возраста и были вооружены неким предметом, завернутым в плотный бумажный пакет. Они утверждали, что это пистолет для оглушения скота. Мусса понятия не имел, как выглядит пистолет для оглушения скота, тем более пистолет для оглушения скота, завернутый в плотный бумажный пакет, так что он поверил им на слово. Однако с виду он был вполне внушительным - рост шесть футов два дюйма - и знал свою роль, хотя слишком уж откровенно лыбился. По просьбе Миранды, он вывел девушку из зала. Зрителям это понравилось. И самой девушке вроде бы тоже. Во всяком случае, вид у нее был довольный.

Миранда старалась сохранять идеально серьезный вид.

- Сейчас я вам расскажу про жизнь, вселенную и все остальное [11 - "Жизнь, Вселенная и все остальное" - роман Дугласа Адамса из серии «Автостопом по галактике». - Примеч. пер.]. Вселенная нужна для того, чтобы обеспечить меня твердым, перманентно зарегистрированным членом. Жизнь... я расскажу вам о жизни. Как это обычно бывает. Жизнь подходит к тебе вплотную и задает вопрос: чего ты хочешь больше всего на свете - славы? богатства? секса? счастья? И ты говоришь:

- «Славы».

- «Ладно, будет тебе слава - за скромную плату в тысячу единиц».

- А ты говоришь: «Согласен, пусть будет за скромную плату в тысячу единиц».

- А жизнь говорит: «Нет, за скромную плату в две тысячи единиц будет лишь половина славы».

- А ты говоришь: «Погоди минутку. Ты же сказала, что целая слава стоит тысячу единиц».

- А жизнь говорит: «Ты не слушаешь. Я сказала, что четверть славы стоит четыре тысячи единиц».

- А ты говоришь: «Хорошо, как скажешь. Сколько бы это ни стоило, я беру». А жизнь уже и прошла. Вот вам и все остальное.

Она довела одного мужика до поросычьего визга. В том смысле, что он уже даже и не смеялся, а просто повизгивал, как поросенок, причем зрителей это смешило больше, чем то, что делала Миранда. Она уничтожила аудиторию. Но не в том направлении, в каком собиралась. Два молодых человека в первом ряду буквально умирали от смеха, согнувшись чуть ли не пополам.

- Да вам всем только пальчик покажи, вы будете ржать.

Миранда прошла к барной стойке, раскрыла телефонную книгу и углубилась в

чтение. Зрители вновь рассмеялись. Она нашла слабое место комедии в чистом виде. Наверное, у каждого в жизни бывают значимые моменты, смысл которых мы постигаем только спустя десять, двадцать, а то и сорок лет, но Миранда сразу же поняла, что такой замечательной аудитории у нее больше не будет уже никогда. Эти зрители – ее лучшие зрители. Сама того не желая, она покорила зал. Всего-то тридцать человек, но зато полностью в ее власти.

Дальше она действовала, исходя из тактики «смутить и озадачить». Среди артистов бытует мнение, что истории из собственной жизни, причем такие истории, когда ты буквально выворачиваешься наизнанку и выливаешь на публику все самое гадкое, что в тебе есть, – это бесценный источник сценического материала. Однако только один определенный вид исповеди пользуется зрительским спросом. Почти все вкальвают, как проклятые, почти у всех есть проблемы, и люди, которые ходят на юмористов, платят деньги за то, чтобы отвлечься и посмеяться. Им не нравится слушать, как ты горестно сокрушаешься, что муж бросил тебя ради какой-то старухи с гнилыми зубами, у которой нет за душой ни гроша, или что твоя младшая сестра умирает от неизлечимой болезни. Им это не нравится даже не потому, что они пришли сюда развлекаться, а потому, что они не хотят, чтобы им напоминали о том, что у них есть сострадание.

– У меня есть одна проблема, – сказала Миранда, уверенная, что у нее получится погасить их улыбочки. – Я даже уже к психиатрам обращалась по этому поводу. Моя мать покончила самоубийством, когда мне было двенадцать. И вот такая моя проблема. Я очень по ней скучаю. Кто-нибудь может помочь? Есть в зале кто-нибудь умный, кто в состоянии решить эту проблему?

Миранда чувствовала настроение аудитории, словно плод у себя в руке. На поверхности плода ощущалось нетерпение и удовольствие. Такие чистосердечные нетерпение и удовольствие, что даже среди тридцати человек можно было легко выделить одного, которому что-то не нравится или который заснул от скуки. Зрители с радостью ждали, что будет дальше, куда она их заведет. Они предвкушали, что будет смешно.

– Кажется, нет, – сказала она после долгой паузы. – Я бы отдала двадцать лет жизни, лишь бы побыть с мамой хоть пять минут.

Потом Миранда просто развернулась и вышла из зала. Первые жидкие аплодисменты обернулись бурной овацией. Лич вышел на сцену с многозначительным видом. Капитан Никудышний изобразил на лице выражение: что-черт-возьми-это-было?-но-что-бы-ни-было-это-было-круто.

Снаружи, приплясывая от волнения, ждала выдворенная девица.

– Мне уже можно войти обратно?

Какой-то импозантный мужик, полностью отвечавший стандартам Сохо конца девяностых – стильная стрижка, шикарные очки, черная кожаная куртка, – протолкался вперед и с таинственным видом попросил у Миранды ее телефон. Она дала ему свой телефон, заметив при этом, что с чего бы ей вдруг раздавать свои телефоны каким-то неопознанным пижонам. Она не забрала свои деньги. Не то чтобы здесь не платили артистам, просто здесь ничего не делали для того, чтобы максимально облегчить этот процесс. Джек, организатор концерта, не бежал из страны, но искать его где-то поблизости – скажем, в радиусе пяти миль, – было бессмысленно. Он всегда появлялся в самом начале вечера, так что новички обретали уверенность, что по окончании программы они получат обещанный гонорар, но под конец он испарялся. Ладно, завтра она поймает его за обедом.

Она кое-чему научилась: осталось только понять, чему именно.

* * *

- Если ты используешь мой пинцет для каких-то особенных половых извращений, то так и скажи, - не отставала Миранда.

- Нет, я его не использую для половых извращений.

Тони пытался читать какие-то там документы насчет учреждения детских фондов, и она настоятельно не давала ему сосредоточиться. Ему и нужно-то было всего пятнадцать минут тишины и покоя, но Миранда поставила себе целью мешать ему до упора.

- Если ты мне признаешься, что ты вообще-то гомосексуалист, я тебя прощу.

- Я не гомосексуалист.

- Тогда, может быть, онанист?

Тони отложил бумаги, понимая, что пришло время последнего противостояния. Она вдруг почувствовала себя виноватой перед несчастными неизлечимо больными детьми, умирающими сиротками, которых ее зловерные подколки над Тони, возможно, лишают помощи и поддержки. Но отступить было нельзя. Если бить, то наотмашь; если сражаться, то всеми средствами, пусть даже и неблагородными.

- Я просто ни разу не видела, чтобы ты клеился к другим женщинам.

Тони пошатнулся, сраженный яростным обвинением. Но устоял.

- Может быть, ты мне сама кого-нибудь приведешь? - парировал он. Он потихоньку учился покорно принимать наказание. - Ты даже можешь за нами понаблюдать.

- Но ведь это ты, Тони, вечно талдычишь о настоящей любви, - сказала она, пытаясь сбить его бойцовское настроение резкой сменой темы.

- А ты вечно талдычишь о сексе. Но я действительно убежден, что самое главное в отношениях - это верность.

- Самое главное - это постель.

- Это минутное удовольствие.

- Тут ты прав, Тони, но если сложить все минутные удовольствия одно к одному, то получится непреходящее удовольствие. А тебе на меня наплевать. Деймиан весь вечер разглядывал мою грудь, а ты так ничего и не сделал по этому поводу.

- У тебя очень красивая грудь.

- По-моему, Деймиан мной увлечен.

- А почему нет? Ты вообще женщина привлекательная. Я постоянно тебе говорю, что ты очень красивая, но ты не хочешь мне верить.

- Это потому, что у тебя извращенный вкус.

- Наверное, это и есть любовь, - заорал он, пиная журнальный столик. Не самый убедительный аргумент в споре.

Зазвонил телефон, объявляя тайм-аут. Но она поставила Тони на место, и это главное. Звонил какой-то мужик. Заявил, что вчера вечером был на ее выступлении и что она дала ему свой телефон.

- Нет, я ничего никому не давала. Вы кто?

- Ха-ха, - сказал мужик в телефоне. Он действительно это сказал. А потом он сказал, что он продюсер на телевидении и что он хочет с ней встретиться.

- Френк, ты, наверное, еще больший кретин, чем я думаю, если ты думаешь, что я на такое куплюсь.

- Я не Френк, я...

Она рассудила, что это может быть правдой. Голос был слишком скучающим. Такой голос бывает у человека, который всю жизнь проработал в собесе, в отделе, где выдают пособия по безработице. Если бы это был идиотский розыгрыш, звонивший бы выдал себя либо слишком цветистой речью, либо излишней манерностью, либо какой-нибудь замысловатой историей, перегруженной деталями. Но ничего этого не было и в помине. И никаких явных намеков типа: приходи ко мне в офис в такой-то день, во столько-то времени.

Она наблюдала за тем, как Тони изучает журнальный столик на предмет возможных повреждений. Вот ведь как в жизни бывает. Ты выдаешь совершенно несмешной номер, и кто-то, кого ты не можешь вспомнить, приглашает тебя выступить по телевизору, в то время как ты занята дрессировкой Пони. Надо сходить в библиотеку и посмотреть, нет ли подобных примеров в истории.

- Ты... ты мой бог и господин, - сказала она, ткнув пальцем в Тони, и вывалила из рубашки левую грудь, стараясь придать ей уныло-жалобный вид; она ни капельки не сомневалась, что доведет Тони до сексуального бешенства из состояния бессильной ярости меньше, чем за полминуты. Тони, конечно же, понимал, что она над ним издевается, но он даже понятия не имел насколько. На свете не существует такого мужчины, которому бы не польстило подобное заявление. Им всем хочется думать, что в этом есть доля правды.

Она вышла на Оксфорд-серкус и попыталась сообразить, где тут поблизости можно купить более или менее приличный пинцет и не рано ли ей рваться на телевидение. Определение смешного, над которым она билась уже три года, по-прежнему не давалось. В надежде раскрыть секреты юмора и разобраться в его законах она растащила «по винтикам» тысячи шуток и анекдотов. Потому что, если знать эти законы, можно производить юмор - по-настоящему смешной юмор - в неограниченных количествах и по любой заданной теме. Но пока что она ничего не добилась. Может, она не такая уж и остроумная. В последнее время подобные опасения возникают все чаще. Она ни с кем это не обсуждала, потому что если высказываешь мысли вслух, они начинают распространяться. Да, все правильно: она не такая уж и остроумная, во всяком случае, не такая, как ей бы хотелось, она еще учится этому ремеслу, - и тем не менее она не хуже, чем большинство коллег-юмористов.

Миранда пошла вдоль по Оксфорд-стрит, невольно прислушиваясь к разговорам прохожих. Нормального чистого английского языка теперь уже и не услышишь на улице, разве что в редких случаях, да и то, как правило, от людей с очень уж глупым видом.

Если остановить любого из этих прохожих, то вряд ли даже один из пятидесяти сможет внятно объяснить, что такое электричество, не говоря уже о каком-нибудь булевом логическом выражении. Чем лучше работают автоматы, тем меньше люди думают головой. Да и зачем нагружать мозги, если

достаточно просто нажать на кнопку?! Ткнул пальцем – и все заработало. Кнопочная нация. Кнопочные автоматы, произведенные в дальних странах. Скоро у нас не останется ничего своего, кроме нашего британского акцента, жаргона и местных говоров и наречий американцы не купят ни в жизнь. Мы будем гулять по бетонным улицам с бетонными деревьями и играть в игры на мощных компьютерах, которые бесконечно превосходят нас по интеллекту.

На Уордур-стрит Миранда увидела на другой стороне улицы свою сестру. Они минут пять стояли, улыбаясь друг другу и дожидаясь, пока в потоке машин не образуется хотя бы какой-то просвет. Миранда увидела, что просвет сейчас будет, и засомневалась: переходить самой или остаться на месте, и пусть переходит сестра? Даже думать об этом было бы проявлением слабости, и, как только проехал тот грузовик, она решительно шагнула на проезжую часть.

– Три года прошло, – сказала Патрисия.

Миранда на секунду задумалась и поправила:

– Четыре.

Она всегда хорошо помнила даты.

Они мило болтали минут пятнадцать. Миранда отметила про себя, что это действительно нехорошо – не знать, где живет твоя родная сестра. Не общаться – это одно, но не знать, где не общаться – совсем другое.

– От Дана чего-нибудь слышно? – спросила Патрисия. Дан периодически звонил Миранде. Дан – это их брат, которого чуть ли не с рождения называли в семье Дан Тридцать Три Несчастья. Его стараниями она получила повод для непреходящего раздражения в детстве и материал для своих лучших комических сценок впоследствии. По странному совпадению, она как раз размышляла о том, что надо бы показать продюсеру с телевидения что-нибудь «из Дана». Все номера рано или поздно «изнашиваются», но сценки из жизни Дана – непогрешимы и вечны, насколько вообще что-то может быть вечным в мире сценического юмора.

Вот вкратце, чем отличился Дан в плане несчастий и бедствий: в четырнадцать лет он поджигает школу (не нарочно – если бы нарочно, это было бы круто), так что одно крыло выгорает дотла. В семнадцать он разбивает родительскую машину. Через год повторяется то же самое. В девятнадцать он познает радости секса, и его первая девушка беременеет с первого же раза, плюс к тому он подцепляет болезнь, настолько редкую, что его случай обсуждается на конференциях: какая-то непонятная сыпь в форме географических очертаний Объединенного королевства, которая появляется и исчезает по его желанию. В двадцать, после двух лет безуспешных попыток найти работу, ему удастся устроиться на работу и продержаться на этом месте почти три часа, после чего он разбивает машину начальника, которую ему поручили припарковать. В двадцать один Дан заявляет, что Англия – это гниющий труп, и что ему надоело задыхаться под ошметками разлагающейся нации. Он уезжает в Америку: через неделю он разбивает взятую напрокат машину, и его упекают в тюрьму, потому что американские власти принимают его за какого-то известного фальшивомонетчика и утверждают, что его паспорт – поддельный. Через пару дней недоразумение разрешается, но к тому времени Дан уже подхватил гепатит. При отсутствии медицинской страховки.

Оттуда – в Фиджи, где Дан встречает самую красивую женщину из всех, кого он знал в жизни. По непонятным причинам девушка соглашается поехать к нему в отель (она за рулем). Дан, ясное дело, весь в предвкушении, поскольку «это должен был быть первый раз, когда я сплю с кем-то, кто мне действительно нравится». Они раздеваются, Дан любуется на голую красавицу у себя в постели и еще успеваает подумать: «ради этого стоит жить», – как

вдруг маленький метеорит размером с мраморный шарик прошибает стену, чиркает Дана по левой ноге, пробивает пол и приземляется на гладильный пресс в комнате этажом ниже. Если бы Дану хотя бы достался метеорит, он мог бы выручить за него неплохую сумму, но администрация заявила, что метеорит – это собственность отеля, а с Дана содрали двойной тариф, поскольку в номере их было двое.

Потом происходит нечто загадочнее, потому что кто-то дает Дану взаймы двести тысяч фунтов, и он открывает магазин аудио-техники. Если есть что-то, в чем Дан разбирается – и, похоже, действительно есть, – то это как раз репродукторы для низких и высоких частот. Дан открывает свой звуковой рай в Кувейте, за три дня до вторжения иракской армии; по сравнению с его страданиями над разграбленным магазином меркнут все скорби мира.

Итак, неизбежно, Дан возвращается домой. Но не с пустыми руками, а с пятью кэзэ лучшего афганского героина, спрятанными под рубашкой. Когда в самолете уже объявляют посадку в Хитроу, его неожиданно пробивает. Для него настает момент непрошеной истины, и он познает себя. Он понимает, кто он такой – человек, которого родная сестра называет «ходячим обломом». Его сигарета, выкуренная украдкой за школой, за сарайчиком, где оставляют велосипеды, послужила причиной пожара с ущербом на несколько миллионов фунтов. Когда на земле царили динозавры, астероид на другом конце вселенной уже подписал его на административное взыскание. Он из собственного кармана оплатил сочный звук офицерам иракской армии. Он отправил на свалку столько хороших машин. Так с какой радости он решил, что у него получится стать наркодилером?! Это надо совсем уже головой повернуться...

Его охватила паника. Настолько сильная паника, что он может только икать и периодически похныкивать. На паспортном контроле он падает в обморок, и ему дают воды. Не в силах понять, почему его не задержали, он сам идет на таможенную сдаваться. Но там нет ни души. Он ждет две минуты. А потом до него начинает доходить, как глупо он будет выглядеть, если появится кто-нибудь из таможенников. Он идет себе восвояси.

Наверное, это лучшее утро в Дановой жизни. Унылая лондонская серость и мелкий дождь кажутся ему восхитительными. Спустившись в подземку, он искренне аплодирует худшему уличному гитаристу на всей линии Пиккадилли; он смеется, когда ему наступают на ноги и пихают в толпе. Семейство каких-то индусов прошлось ему по ногам, а он лишь улыбается. Он улыбается, увертываясь от нахальных датских туристов с огромными рюкзаками. Он идет по адресу на Одд-Кент-роуд, куда нужно доставить товар. Адрес нигде, разумеется, не записан. Он помнит его наизусть.

Он понимает, почему в его жизни было столько досадных недоразумений. Он оплатил все счета невезений на многие годы вперед, чтобы сегодня все прошло гладко. Сегодня ему обязательно повезет.

Дан видит паб на углу и решает зайти. Он уже столько лет не пил настоящего темного пива; тем более ему есть что отметить. Он доказал, что все они были неправы – все, кто звал его неудачником. Он дает себе слово сделать что-то хорошее: помочь глухим детям или что-нибудь вроде того. В общем, он пьет свою пинту, и тут к нему подъезжает какой-то барыга и предлагает оторваться на кислоте. Дану смешно: у него под рубашкой пять кило интернационального кайфа, а какой-то цинготный заморыш хочет впарить ему откровенную дрянь по цене, явно завышенной. Он щедро отваливает барыге десятку за марочку.

Полиция находит Дана в телефонной будке. Съездившись на полу, он рыдает в трубку: «У меня замечательный героин, лучше просто уже не бывает. За ним охотятся марсиане. Они вооружены метеоритами. Нельзя допустить, чтобы они

его отобрали. Пришлите помощь», – а оператор на телефонной станции пытается его успокоить. Полиция берет Дана под защиту, а запись его звонка становится хитом подарочной рождественской кассеты для сотрудников «скорой помощи».

Миранда навещает Дана в тюрьме, в основном потому, что она никогда не была в тюрьме, а не из желания с ним увидеться.

– Отдыхай, – вот ее совет брату.

Дана признают виновным в хранении запрещенных наркотиков, но он отделывается стандартным «какой-то мужик подошел ко мне в баре и предложил заработать», и не владеет никакой информацией. Поразительно, но его отпускают под залог в сто тысяч фунтов, потому что их отец очень болен. Первое, что он узнает, выйдя на свободу, что его турецкие работодатели арестованы все до единого, хотя он ни слова про них не сказал. Он всерьез опасается за свое здоровье.

Когда Миранда виделась с Даном в последний раз, он старательно изучал атлас мира. С беспрецедентной наивностью она сделала вывод, что он планирует свое будущее после того, как отсидит положенный срок.

– У меня три варианта. Острова Силли. Мехико. Или Турция.

– Острова Силли?

– Ты кого-нибудь знаешь, кто там бывал? Хотя бы одного человека?

– Нет.

– Вот-вот. Я подумывал про Внешние Гебриды, но там слишком уныло, да и от шотландцев меня трясет. Проблема с маленькими территориями, пусть даже и самыми отдаленными, что если там тебя будут искать, то найдут обязательно. Стало быть, Мехико – лучше в том смысле, что там тебя точно никто не найдет, в таком большом городе.

– А Турция здесь каким боком?

– Двойной блеф. Турки не станут искать меня в Турции, решат, что мне просто не хватит наглости прятаться на их территории.

– Это не двойной блеф. Это просто блеф.

– Нет, двойной. Потому что это действительно вопиющая наглость. Ну и что скажешь?

Это был первый раз, когда Дан спросил ее мнение. Вообще первый раз.

– Скажу, что тебе надо было выкинуть ту марку в первую же урну на Олд-Кент-роуд.

Дан психанул. Миранда так и не поняла, повлияла ли на брата ее прямота, но он все-таки убежал из страны. Потеря дома, разумеется, не способствовала восстановлению здоровья больного отца. Миранда была сильно удивлена. Дан всегда был генератором неприятностей, но раньше он никогда не делал этого нарочно.

Но он все равно периодически ей звонил. Она постоянно меняла квартиры, так что можно было предположить, что он каждый раз тратит немало времени и денег, обзванивая комедийные клубы, чтобы ее разыскать. Он не говорил ей, где он. И Патрисии тоже не говорил, потому что боялся, что она

проболтается Миранде, а та его выдаст властям. Если бы не призрачная вероятность, что туркам по-прежнему интересна его персона, она бы придумала, как разыскать его и удавить. Но когда все остальное утратило ценность, осталась всего одна вещь, к которой Миранда испытывала хоть какое-то уважение: жизнь. Она ценила и уважала жизнь с семи лет, и даже однажды в саду попыталась оживить грушу, оснастив ее тем, что на ее детский взгляд могло бы сойти за внутренние органы: орехи – вместо мозгов, трава – вместо кишок.

Их последний разговор с Даном мало чем отличался от всех предыдущих:

– Алло?

В трубке – статическое шипение, которое продолжается до тех пор, пока она не сообщает, кто это.

– А, это ты. Ну, рассказывай, как дела. Что у тебя нового-интересного? Может быть, ногу сломал или тебя молнией шандарахнуло?

– Нет. Теперь со мной ничего такого не происходит. Я поменял имя.

– И?

– И все поменялось.

Миранда знала, что в перемене имени есть свои преимущества. Собственно, поэтому она и поменяла свое.

– У меня все отлично. Никаких метеоритов. Никаких признаков приближения иракской армии.

– И как тебя теперь зовут?

– Не скажу. Это ты меня обозвала Дан Тридцать Три Несчастья.

Миранда честно попыталась припомнить; наверное, это говорит о душевной черствости, когда ты не можешь вспомнить, как ты сломал чью-то жизнь. Но тогда было столько всего интересного, столько всего, что казалось по-настоящему важным – столько пищи для ненасытной пытливой души, – что она просто забыла. Собственно, это и неудивительно. Все неважное всегда забывается.

Она молчала в трубку, очень надеясь, что Дан звонит издалека и этот звонок встанет ему в копеечку.

– Алло? Ты здесь?

– Зачем ты мне звонишь, Дан?

– Хочешь услышать правду?

– Давай попробуем.

– Хочу послушать, как ты будешь жаловаться на жизнь. Ты всегда была самой крутой в семье, но когда-нибудь ты сломаешься. Я очень хочу послушать, как ты будешь рыдать и заламывать руки. Конечно, ты будешь бодриться, но когда-нибудь я тебе позвоню и пойму, что тебе очень плохо.

– Кажется, у тебя снова обломы, Дан.

– У меня-то нет. А вот ты уже села в автобус до деревни Большие Обломы.

Все к тому и идет. Может быть, когда я в следующий раз позвоню, кто-нибудь со слезами в голосе сообщит мне, что ты покончила самоубийством.

- Олд-Кент-роуд.

- Эдинбург.

- Кувейт.

- Эдинбург.

- Кувейт.

- Эдинбург.

Она была в равной степени удивлена, что ввязалась в этот обмен любезностями, и полна твердой решимости оставить последнее слово за собой. Но при попытке выкрикнуть очередной «Кувейт» она случайно оборвала связь.

* * *

- Ну что, - сказала Патрисия. - Может быть, в гости заглянешь? Как-нибудь вечером?

Они очень даже приятно поговорили, гораздо приятнее, чем Миранда имела желание признать.

- Лучше не надо. Хорошего понемножку. - Она не хотела, чтобы это прозвучало так резко, но отступить было поздно. Но она все-таки записала адрес сестры.

Она разыскала контору продюсера, где в приемной сидела суровая секретарша, которая, как и большинство секретарш в приемной, была недовольна своей работой и мечтала о чем-то большем. Она не поверила, что Миранде назначена встреча, и ее можно было понять, поскольку продюсера не было и в помине. Последнее, кстати, окончательно убедило Миранду, что это не идиотский розыгрыш. Было бы странно и противоестественно, если бы продюсер ждал ее на пороге, дабы вручить ей ключи от дверей к славе.

- Ходят тут всякие, - буркнула секретарша, которая была француженкой. Миранду обуял показательный гнев. В силу национальной особенности, у британцев патологически не получается быть грубыми; они могут быть черствыми, резкими, раздражительными и злыми, неотзывчивыми, вспылчивыми и крикливыми, но они никогда не позволяют себе откровенную грубость. Французам же грубость, напротив, дается легко и непринужденно, и по какой-то неисследованной причине (во всяком случае, Миранда не слышала, чтобы кто-нибудь проводил исследования в этой области) французские женщины были гораздо грубее мужчин.

Существует три основных приема для схватки с жизнью. Первый можно условно назвать «гибкий стебель»: техника тряпичной куклы - ты ловишь разящий кулак судьбы в мягкую рукавицу, прогибаешься под ударом, так что кулак тебя не касается или, если касается, то не пробивает, а увязает. Таким образом ты избегаешь горьких разочарований и жестоких обломов и побеждаешь посредством покорности. Наверное, в этом есть смысл, но Миранду подобный подход не прикалывал.

Второй метод - прямо противоположный первому. Вместо гибкого стебля - ниндзя-викинг-стрелок-в-по-единке-со-смертью. Школа крутого-бесстрашного-воина-тысяча-приседаний-в-день, которая учит встречать всякий вызов любым

оружием, имеющимся в наличии, потому что бесстрашный-крутой-и-так-далее не отступает и не уклоняется от борьбы, пусть даже с таким незначительным и ничтожным противником, как наглая секретарша-француженка, потому что уйти от драки – значит проявить слабость и тем самым подорвать боевой дух, что в конце концов приведет к полному поражению. Однако Миранда на собственном опыте поняла, что тяжелая артиллерия и шквальный огонь, хотя и являются эффективным средством, далеко не всегда приносят желанные результаты.

Третий метод – посередине между этими двумя крайностями. Школа всегда-держи-порох-сухим. Ты не тратишь патроны на мелкую дичь, ты дожидаясь крупной добычи.

Миранда тащилась сюда через весь город. Она решила посидеть отдохнуть. Она рассмотрела возможность затащить продюсера в постель, ошарашить стремительным натиском, вскружить ему голову феерическим сексом и восторженными славословиями в адрес его неистощимой потенции, сделать его своим верным рабом и добиться того, чтобы секретаршу уволили без выходного пособия. Только толку от этого будет ноль. В Лондоне всегда можно найти другую работу; пусть даже самую что ни на есть низкопробную, где платят гроши, но найти работу ты сможешь.

Плюс к тому она не собирается спать с продюсером, чтобы пролезть на телевидение. Она выбьется на телевидение исключительно потому, что она хороша с точки зрения профессиональных качеств. Миранда не отрицала, что у нее были странные, бесприбыльные и попросту глупые сексуальные приключения, но спать с кем-то, кого ты даже не можешь вспомнить, – это уже чересчур. Все-таки мы взрослеем ежеминутно.

Она решила, что подождет полчаса – на случай, если продюсер все-таки объявится. А пока можно было развлечься, донимая секретаршу.

– А вы не пробовали улыбаться? Улыбка – вот в чем секрет быть хорошей секретаршей. – Миранда видела, что секретаршу трясет от злости. – Если вы не умеете улыбаться, тогда вам надо сменить работу. Внимание, улыбочка. – Она раскрыла журнал, давая понять, что она здесь надолго. Ровно через полчаса, когда секретарша принялась звонить в полицию, Миранда отложила журнал и встала. – Да, и еще одно: по моему скромному мнению, французские математики все недоучки.

Она с боем прорвалась сквозь толпы туристов на Оксфорд-стрит. Как всегда, это ее удручало. Прогулки по Оксфорд-стрит вгоняли ее в депрессию; их можно было сравнить с тем, как если бы вы наблюдали за массовым избиением детей. Невозможно пройти по Оксфорд-стрит и не разочароваться в людях. Когда попадаешь на Оксфорд-стрит, ты понимаешь, что для человечества нет надежды. Туристы скупают дешевые полицейские каски из папье-маше и футболки с дурацкими надписями типа: «Мои родители были в Лондоне и не купили мне там ничего, только эту вшивую футболку». В книжных не протолкнуться от немцев и скандинавов. Азиаты торгуют джинсами прямо на улице и очень довольны собой. Если в жизни вас интересуют исключительно деньги и если вам хочется делать деньги, то здесь для вас – рай земной. Недалекие отставные мошенники впаривают прохожим всякий хлам на картонных коробках, и прохожие, что характерно, его покупают. Аукционные распродажи в мелочных лавках – приукрашенный вариант той же самой уличной торговли, а ведь есть покупатели, которые свято верят, что там можно приобрести стоящий телевизор или CD-плеер всего за пятерку. Нищие со своими собаками на поводке и спальными мешками, из которых они не вылазят даже в августе, когда на улице двадцать пять градусов, смотрятся просто смешно.

Жалко, что букмекеры не принимают ставки на предсказание. Она бы поставила энную сумму на то, что двадцатый век будет последним столетием со свободным пространством. Дальше история будет делиться на два периода:

«когда было место» и «когда места не стало». Мы будем жить в постразумной стране в мире, «в котором нет места», размышляла Миранда. Конец света случится не из-за Большого взрыва; мы все тихо погибнем, сжимая в руках игровой джойстик и уткнувшись носом в задницу какого-нибудь Паоло из Генуи.

Туристы курсировали по улице, высматривая достопримечательности, о которых читали в книжках. Лондон – это круто. Почему? Потому что так говорят американцы. А по сути, в Лондоне не больше очарования, чем в закопченных кирпичных постройках викторианской эпохи. Весь Лондон построен на мертвых костях; здесь все не просто подержано и вторично, а сто раз перепродано и вторично. И населяют его самые что ни на есть унылые персонажи, причем в количестве явно избыточном. Лондон – большая пепельница, переполненная историческими окурками.

Миранда подумывала о том, чтобы по дороге домой заглянуть на Ватерлоо, но она была неподходяще одета для попрошайничества, и ее табличка «Голодная и бездомная» тоже осталась дома. Табличка работала на ура. Бизнесмены, спешащие на поезда, подваливали с непристойными предложениями, а потом, пристыженные, бросали ей в коробку не меньше фунта.

Она зашла в магазин, чтобы купить кроссовки. В самом конце Оксфорд-стрит был большой спортивный магазин. Продавец, который ее обслуживал, почему-то все время хрюкал. Он хрюкал вежливо и учтиво, но весь процесс выбора и примерки кроссовок, покупки и обмена любезностями на прощание сопровождался нечленораздельным хрюканьем. Может быть, это самое хрюкотание было его политической декларацией, неприятием общепринятого языка в знак протеста против вселенской несправедливости, а может быть, он сегодня не выспался, или просто хотел показать, насколько бессмысленной и непонятной является вся окружающая нас действительность, в том числе и язык.

Вот к этому все и идет. Скоро всем заправлять будут немцы, а Британия превратится в испытательный полигон для новых компьютерных игр, где людей будут пичкать бодрящими препаратами, созданными опять же на компьютерах, чтобы они вставали по утрам и чтобы периодически напоминать им о том, что они существуют. Немцам это доставит немало хлопот, но оно того стоит – поскольку позволит им притворяться, что у них есть партнеры.

И вот верный признак: никто совершенно не интересуется математикой. Она ненавидела Лондон и знала, что никуда отсюда не уедет.

* * *

На следующий день она снова поехала в офис к продюсеру. Что ее больше всего взбесило – что она не сумела взбесить секретаршу, которая явно считала ее придурочной. И в довершение ко всем радостям, продюсера опять не оказалось на месте, и сообщения для Миранды он не оставлял. Однако, когда Миранда пустилась в пространные рассуждения о плачевных достижениях французских математиков за последние сто лет, секретарша встала из-за стола, взяла пальто и вышла, не проронив ни слова.

Что это было: обеденный перерыв или неспособность справиться с несостоятельностью французских математиков? Миранда подождала еще четверть часа, борясь с искушением обшарить столы и шкафы на предмет информации или денег.

Вив пригласила ее на чашечку кофе, и по дороге в «Аромю» она размышляла о том, что ей делать с продюсером и куда подевался ее последний пинцет.

Она заказала два эспрессо и задумалась, сколько еще продлится их дружба с Вив.

Наверное, каждый из нас представляет собой ходячую копилку ненависти. Все, что есть в жизни плохого, мы копим в себе: вечно опаздывающие автобусы, разочарования, обиды, измены. Очень немногие люди способны глотать неудачу и боль, безболезненно их переваривать и выводить из организма. Вив была как раз из таких людей. Не будучи слабохарактерной, она совершенно не напрягалась. Она была хороша собой как раз в меру: достаточно красива, чтобы привлечь любого мужчину, которого ей захочется, но при этом не так красива, чтобы это было опасно для жизни. Длинные стройные ноги и упругая грудь заранее обрекают тебя на то, что ты либо становишься крайне самодовольной мерзавкой, либо в тебе развивается чрезмерная скромность.

Вив можно было бы недолюбливать за ее непрошибаемый оптимизм, но как раз эта черта в ней Миранде и нравилась. У нее все получалось в жизни, и было приятно осознавать, что хотя бы у одного достойного человека все получается. Пока Вив размешивала сахар в кофе, Миранда явственно видела ее будущее: сейчас она всю наслаждается жизнью, но однажды она остепенится, беспощадно, но безо всяких напрягов, станет хорошей, в меру сварливой женой и хорошей, в меру суетливой матерью. Ее извечная невозмутимость слегка поколеблется, но только слегка. Пытаясь прозреть свое собственное будущее, Миранда видела только неистовые завихрения, помехи на линии и непредвиденные сотрясения.

– А почему ты называешь брата Дан Тридцать Три Несчастья, – спросила Вив. – Дан-Невезучий было бы правильнее. Он же не виноват, что его поранило метеоритом.

– Виноват.

– И во вторжении в Кувейт виноват?

– Виноват.

Вив пожаловалась на то, что обегала все магазины, но нигде не нашла подходящий торшер.

– В Лондоне всего три магазина, – заявила Миранда. – Вот почему так непросто найти нужную вещь. Не потому что выбор большой, а потому что наоборот.

– Как так?

– В Лондоне всего три магазина. Что бы ты ни искала, компакт-диск с напевами альпийских горцев, мыло без запаха или стиральную машину, если ты не нашла ничего подходящего в магазинах, где должна продаваться искомая вещь, значит, ты ее и не найдешь. Сама проверь в следующий раз. Знаешь, как теперь снимают массовку в фильмах? Снимают дюжину человек, а потом просто клонируют их на компьютере, чтобы заполнить пространство. В Лондоне все точно так же. Сплошное однообразие и никакого выбора.

Миранда предполагала, что на самом деле это будет не три, а три с чем-то. 3,1415 и так далее. Верный ответ – число «пи». Но она не стала делиться этой догадкой с Вив, потому что Вив была в меру пытлива в интеллектуальном смысле и становилась просто неугомонной, когда речь заходила о математике. Миранда гордилась тем, что она знает кого-то, кто стоит в очереди за счастьем.

– Я нашла один торшер, который мне понравился, но он стоит три сотни. Стильный такой торшер, но металлическая палка с лампочкой на конце столько

не стоит.

Вив работала медсестрой в больнице. Так вот оно и бывает в больших городах: вселенская несправедливость – человеку, который убирает говно за другими людьми, который возится с их кровью и болью, который помогает им преодолеть Великий Страх, жить в этом городе просто не по карману. Консультанты, которые ничего не знают, работают в компаниях, которые ничего не делают (как правило, «ничего», о котором они ничего не знают), где они переливают из пустого в порожнее и получают за день годовую зарплату Вив. И если бы они еще были забавные, так ведь нет. Речь идет о представителях тех профессий, которые не приносят людям ничего, кроме страданий и боли: налоговые полицейские, адвокаты, старшие официанты, ведающие винами, телепродюсеры, архитекторы, продавцы компьютеров, начальники отдела кадров. Миранда знала одного консультанта по плавательным бассейнам. Он не строил плавательные бассейны и не обслуживал плавательные бассейны; он просто давал советы, в каком направлении надо думать, если ты собираешься строить плавательный бассейн. За время их разговора его телефон звонил трижды. Он зарабатывал годовую зарплату Вив за неделю – Тони просиживал штаны у себя в конторе, распинаясь о том, что людям следует помогать, и тратил большую часть заработанных денег на шкафчики под картотеку; он зарабатывал больше, чем Вив. Миранда знала лишь одного человека, кто зарабатывал меньше Вив, – она сама. Но опять же она не знала вообще никого, кто зарабатывал так же мало.

Вив смогла выжить в Лондоне исключительно потому, что она не платила за квартиру. У них с хозяином была договоренность. Она не платила ему за квартиру, но ему разрешалось входить к ней в ванную в любое время, в частности – когда она принимает ванну. Подобное соглашение должно было неминуемо плохо кончиться: либо выродиться в невыносимую мерзость, либо продлиться совсем недолго. Но Вив утверждала, что ее квартирный хозяин – джентльмен старой формации и образчик учтивости, который невозмутимо рассказывает о своей роли в Корейской войне и с уважением передает ей мочалку, когда – где-то раз в месяц – наведывается к ней в ванную. «Ему важно знать, что есть место, куда всегда можно прийти поболтать», – настойчиво твердила Вив.

Вив жила в этой квартире три года, но галантный джентльмен, подающий мочалку, уже двадцать лет обеспечивал бесплатным жильем представительниц славного корпуса медсестер. Вив была в меру жесткой, чтобы справляться с жизнью, не отгораживаясь от нее; как хороший вышибала, она была достаточно крепкой, чтобы не подпускать к себе настоящие неприятности, но никогда не отказывалась посмеяться. Если бы Миранда была мужчиной, она бы женилась на Вив не раздумывая. Вив было двадцать шесть. Пройдет еще два-три года, и Вив – Миранда это видела как наяву – выйдет замуж за хорошего человека, но Миранды не будет рядом. Она не могла избавиться от мысли, что она этого не увидит, и поэтому ей было грустно.

Выспросив про торшер поподробнее, Миранда сказала, что ей надо в туалет, но как только она вышла из поля зрения Вив, она выскочила из кафе и поднялась на последний этаж «Либерти», где тут же увидела нужный торшер, быстро схватила его – продавца у кассы не наблюдалось – и спустилась обратно в кафе.

– Вот. Это тебе, – сказала Миранда. – Мой подарок тебе на свадьбу.

– А я разве выхожу замуж? А почему я об этом не знаю?

– Но ты ведь когда-нибудь выйдешь. И я хочу первой тебя поздравить.

– Ты сумасшедшая, – сказала Вив. – У тебя нет таких денег. Конечно, это так мило с твоей стороны, но я не приму такой дорогой подарок.

Миранда ни капельки не сомневалась, что на этом их дружба с Вив кончится. Вив – девушка умная, и она сообразит, что поступок Миранды продиктован не стремлением к оригинальности, а заскоком больного мозга, и быстренько сделает ноги.

– Если не хочешь подарок на свадьбу, пусть это будет Премия Миранды Пьяно за то, что ты есть.

Вив все-таки приняла подарок, хотя ей явно было неловко. По дороге домой Миранда увидела замечательный пинцет, и хотя перед уходом она положила свой хороший пинцет на самое видное место, она подумала, что перехитрит феномен исчезающих пинцетов, имеющий место в ее квартире, если купит еще один про запас. Для подстраховки. Попутно она еще сперла белую футболку. Торшер и футболку она записала к себе в записную книжку: сколько они стоят и откуда она их слямзила. Воровство она не одобряла; она заплатит за них потом – когда станет богатой и знаменитой, а это будет уже совсем скоро. А если нет, стало быть, не повезло.. Она не любила магазинных воров, как выяснилось в тот раз, когда ее поймали, арестовали и отвели в участок; продюсеры – тараканы в людском обличье, им не интересно вообще ничего, кроме них самих, это самые неприятные люди из всех, кого она знала, а она знала немало продюсеров.

* * *

– Что бы ты дал человеку, у которого все есть?

– Я бы дал ему в челюсть.

Проснулась она от того, что Тони елозил языком ей по спине. Для Тони это было проявление наивысшего возбуждения, а для сонной Миранды – неприятная слюнявая влажность между лопатками. Можно написать юмористическую репризу, снабдить ее подробной инструкцией о паузах и интонации и дать прочитать двум актерам: у одного номер получится жутко смешным, у другого – до жути натянутым. Точно так же и когда тебе водят мокрым языком по спине: это может быть и прелюдией к исключительному оргазму, и досадным раздражителем сродни протекающему крану – все зависит от того, кто именно водит языком тебе по спине.

– Сходи за газетой, – пробормотала она в подушку. – А я пока постараюсь проснуться.

Тони быстро примчался назад.

– Смотри, что у меня для тебя есть, – сказал он, не имея в виду газету. Почему-то мужчины упорно считают, что ими должны восторгаться только за то, что у них есть эта самая штука. Эта штука у них всю жизнь, но каждый раз они носятся с ней, как малые дети с новой игрушкой, словно это величайшее сокровище во вселенной. Каждый раз, когда их причиндал возбуждается, они требуют бурных оваций и считают себя героями.

– Поздно, Тони. Ты слишком долго ходил.

– Меня не было всего пять минут.

– Я тебя не дождалась. Пришлось заниматься самообслуживанием.

Дыхание Тони горячило ей шею. Он искал подходящее место, чтобы впитаться в нее зубами. Он почему-то считал, что это еще один беспроегранный возбудитель.

- Нет, Тони. Поздно, - сказала она, переворачиваясь на бок и пряча голову под подушку. Тони, насаженный на кол собственной мощной эрекции, издал громкий вопль, в котором ярость боролась в горьким разочарованием. Он знал, что настаивать бесполезно; однажды он проявил настойчивость, но только однажды. Большим и указательным пальцами она обхватила его левое яйцо и сжала со всей силы. Дважды повторять не пришлось.

- Ты сумасшедшая, Миранда, и ты это знаешь, - сказал он, уходя на работу.

Да, она это знала. Все люди на свете делятся на две категории. Те, кто боится показаться неинтересным, скучным и ординарным: тусклый цвет, незаметный на общем фоне. Эти тусклые люди, которые без труда маскируются где угодно и подо что угодно, яростно рвутся ко всему ярко раскрашенному и броскому, стремятся к эпитетам типа «крышей поехал», «с дуба рухнул», «совсем малахольный», «придурковатый»; совершенно нормальные люди выставляют себя сумасшедшими и психопатами, чтобы их приглашали на вечеринки или чтобы им отдавали долги, а те, у кого действительно беда с головой, просто мечтают о том, чтобы вернуться к нормальной жизни, и отдали бы все, лишь бы быть тихим кассиром где-нибудь в Гильдфорде. Однажды в Хокни Миранда познакомилась с ди-джеем, чей сценический псевдоним звучал как Злобучая Психованная Скотина, и она вовсе не удивилась, когда узнала, что днем он работает помощником налогового инспектора. По-другому и быть не могло.

Когда Тони ушел и больше не путался под ногами, она промучилась целый час, размышляя над определением смешного, но никак не могла сосредоточиться - она думала о помощи людям. Что она сделала для других? Периодически она делала что-то приятное Вив, но это, наверное, не считается. Потому что с Вив они дружат. Она устраивала марафоны в плане бесплатно кому-нибудь отсосать. Но это не может считаться благотворительностью. Однажды она помогла старушке, которая упала на улице, и терпеливо выслушивала ее бессвязные излияния о уже двадцать лет как покойном муже на протяжении получаса, пока не приехала «скорая». Врачи извинились, что они так долго; они обслуживали какого-то мужика, который жаловался, что у него не стоит и он не может доставить радость своей новой подружке. Но Миранда на самом деле вовсе не собиралась никому помогать, у нее в ежедневнике не было записи: «надо кому-то помочь»; она просто проходила мимо, когда старая клюшка свалилась на тротуар, и ей не хватило душевной черствости, чтобы пройти мимо. Так что это не считается.

Потом позвонила Хедер. Ее подруга срочно искала кого-нибудь, кто посидит с ребенком. Миранда уже собиралась вежливо отказаться, но тут Хедер сказала:

- Они заплатят сто фунтов.

Видимо, совсем уже вилы, подумала Миранда. У нее не было никакой, пусть даже самой убогой квалификации в качестве приходящей няни, разве что она, вероятно, заметит, если в доме начнется пожар.

Мамаша даже и не скрывала своего беспокойства насчет доверить ребенка Миранде, так что та даже слегка оскорбилась. Если ты кидаешь собственного ребенка на попечение чужого и незнакомого человека, то сделай хотя бы вид, что тебе это по кайфу. Миранда уже потихонечку злилась на себя за то, что согласилась на подобную авантюру, пусть и за сотню фунтов; она собиралась перевернуть всю квартиру в надежде найти хоть один из шести пинцетов, которые исчезают таинственным образом и бесследно.

Ребенку было всего три месяца, но он весьма категорично выражал свое неудовольствие по поводу ухода любимой мамочки. Миранда уже забыла, как звали ребенка. Она попыталась решить проблему смешного, но не смогла.

Озарения опять не случилось. Вот почему женщины никогда не добиваются ничего выдающегося: когда ты заводишь ребенка, ты без проблем можешь вкалывать на заводе или управлять банком, но думать тебе уже не дадут. Она попыталась перенести ребенка в другую комнату, потом – на другой этаж, но он продолжал истощно орать и тем самым мешал ей сосредоточиться.

– Надеюсь, тебе, это будет хороший урок насчет крика, – сказала Миранда, оттащив люльку с ребенком в гараж. Она поставила люльку на заднем сиденье «вольво», закрыла дверцу машины, закрыла дверь гаража и уселась на кухне, где теперь воцарилась блаженная тишина. Она выпила чаю, который, как она очень надеялась, был из дорогих сортов, и вновь задумалась над формулой смешного. Вот что ее действительно интересовало: найти единственно верное определение, что есть смешное. Только это и ничего больше. Абсолютное комическое манило, как свет в ночи.

Это был очень тревожный знак, что помимо определения смешного ее больше ничто не заботило; но она была вовсе не против, чтобы сосредоточиться на одном, потому что доказано, что без тяжелой работы ты ничего не добьешься. Ньютон, Лейбниц, Гаусс, Гильберт, Рамануджан – их обвиняли во всех грехах и пороках, кроме одного: лени. И они добились существенных результатов. Все остальное ее не заботило: хлеб насущный, культура, счастье и далее по списку. И это ее беспокоило – в перспективе. Если все так и пойдет, то ничего другого уже не останется. Проблема смешного была ее последним убежищем – действующей связью с миром. Ну ладно, есть еще кое-что. Но оно далеко не всегда интересно.

Закрывать орущего ребенка в машине – в этом тоже есть что-то смешное. Движущий импульс большинства шуток – столкновение абсурда и жизненной правды; но здесь было другое. Миранда представила, как она мило воркует с мамашей, зная, что ее милая деточка подверглась суровой аскезе в запертом гараже.

Без пятнадцати четыре Миранда забрала ребенка из гаража и поменяла ему пеленки. В пять минут пятого мама вернулась.

– Какая-то она сонная, – заметила она.

– У нас был трудный учебный день: учиться никогда не рано, – сказала Миранда. Мамашка выписала ей чек, хотя изначально речь шла о наличных. Все как обычно: когда тебе что-то нужно, ты обещаешь золотые горы, но как только ты это получишь, ты начинаешь жаться. Миранда боялась, что чек не примут, и отнюдь не ввиду отсутствия средств на счету плательщика – все в доме так и вопило о благоденствии и состоятельности, – а потому что мамаша была из тех ловких деловых женщин, у которых все всегда происходит через задний проход. Скорее всего деньги будут лежать на сберегательном счету, и Миранде придется потратить неделю, чтобы их все-таки выцепить. В итоге все сводится к одному: ты никогда не жалеешь о проявленном бессердечии.

В автобусе по дороге домой Миранда размышляла над следующей простой истиной: если ты знаешь хоть одного человека, который сделает для тебя что-то – хотя бы перейдет на ту сторону улицы, – не дожидаясь ответной услуги, значит, тебе повезло.

Тони ничего для нее не делал; то, что он делал якобы для нее, он делал для себя – в перспективе. Она была, вероятно, самой красивой девушкой из всех, с кем он когда-либо спал, и она видела по его лицу, на котором благоговение боролось с безмерной и искренней благодарностью, что овес, предназначенный для Пони, еще никогда не был ему так сладок.

Но он все-таки ее растрогал, вдруг поняла Миранда. Она обязательно сделает что-нибудь для кого-то, кого она даже не знает, для кого-то на другой

стороне земли, кто оказался в глубокой заднице – для кого-то, кто никогда ничего не сделает для нее и кто, вполне вероятно, жутко бы ей не понравился, если бы им довелось познакомиться.

Тони был уже дома, на кухне – жарил какую-то пикшу, рисуясь своей хозяйственностью.

– Твой выход, солнышко, – сказала она.

* * *

– Зачем крокодил переплыл через реку?

– Я не знаю. Спросите у крокодила.

Миранда засела на телефоне и выяснила, что в Бирме арестовали двух эстрадных комиков. Ей потребовалось всего три звонка, что однозначно указывало на то, что это – сама судьба. Двое братьев по ремеслу в тисках старомодной добротной диктатуры, которая не признает смешного. Достойная причина, лучше и не придумаешь. Миранда сильно подозревала, что самое юморное в этих двоих страдальцах – их имена, что их лучшие шутки не выходят за рамки крокодилов, переплывших реку, что они, вероятно, избивают своих жен, и что милитаристский режим, который, вполне вероятно, делает все, чтобы обеспечить самым необходимым неблагодарные массы, имел все основания заключить их под стражу по причине их полной и неподдающейся исправлению дефективности. И тем не менее никто бы не смог обвинить ее в том, что она ввязывается в это дело ради какой-то личной выгоды. Она не была их другом, она их вообще не знала. Чем они смогут ей отплатить? Пришлют ей по почте лохань риса со специями? Или устроят ей выступление посреди джунглей?

Все разрешилось буквально за полдня. Около дюжины телефонных звонков. Она даже слегка растерялась. Конечно, хотя это было такое мероприятие, в котором все потенциальные участники проявляют поразительный эгоизм и леность, именно из-за этих двух качеств они с охотой подписываются на благородные филантропические дела. Никто не любит участвовать в благотворительных концертах, потому что никто не любит работать задаром, но еще хуже – если тебя не зовут в них участвовать.

Саму Миранду пригласили принять участие в благотворительной программе только однажды. Это было громадное облегчение, что ее пригласили – потому что если ты не участвуешь в благотворительных выступлениях, ты не можешь считаться полноправным членом гильдии, – но она не смогла поехать, потому что концерт проходил в Карлисле, по ту сторону огненной стены. Концерт был в пользу забастовщиков-рабочих матрасной фабрики; он был назначен на воскресенье, и рабочие уже два дня как пришли к соглашению с руководством, но никто об этом не сообщил организаторам концерта, которые вместо того, чтобы собрать хоть какие-то деньги, еще и попали на тридцать фунтов, ушедших на выпивку для артистов.

Френку она позвонила первому. Френк всегда и на все соглашался, он согласился бы приехать к тебе домой и пропылесосить ковры, не говоря уже о том, чтобы выступить в благотворительном концерте. Все остальные тоже не отказались. Состав участников сложился легко, как хорошо подогнанные кусочки картинки-головоломки. Потом она позвонила в новый концертный клуб в Брикстоне, который отчаянно нуждался в рекламе, и там им охотно предоставили сцену. Вот так все просто.

Может быть, это такой непреложный принцип бытия, что делать хорошее проще, чем продвигать собственную карьеру? Была в этом какая-то обреченность,

которая Миранде не нравилась. И обреченность непреодолимая. Ближайшее будущее представлялось ей в виде двух крайностей. Либо полный провал, либо взрывной успех – причем и то, и другое ее пугало. Она не хотела, чтобы какие-то никчемные личности были связаны с ее карьерой, и она не хотела войти в историю как Миранда Мандалей. Она обнаружила, что Мандалей – это такой город в Бирме, когда взяла атлас, чтобы посмотреть, где вообще эта Бирма находится. Но единственный путь вперед – это вперед.

Она обзвонила всех, кого знала. Дважды. Потом обзвонила тех, кого не знала, и озадачила и их тоже. А за телефон платит Тони.

* * *

Миранду никогда особенно не волновало, сколько зрителей будет в зале. Это ошибка – думать о том, сколько народу придет на тебя посмотреть; тебя должно волновать качество представления – если в зале будет всего лишь шесть человек, все равно придется выкладываться, как если бы их было шестьдесят. Если не больше. Однако на этот раз все было по-другому; она посвятила несколько недель своей жизни на подготовку этого мероприятия.

Вечер уже начинался, а зрителей было всего человек десять; при том, что артистов должно было выступить двенадцать. Миранда специально пригласила так много, зная, что низкое качество большинства номеров компенсируется их количеством. Тем более, что зная то раздолбайство, которое распространено в эстрадно-артистических кругах, можно было с уверенностью предположить, что кто-нибудь из участников обязательно не появится.

Она украдкой выглянула в зал и попыталась догадаться, кто эти люди: один очевидный представитель городского дна, несколько животноводов – заводчиков скунсов, которые рассматривали свою дремучую ординарность как мощный удар против межконтинентального беззакония, один кислото вида профессор с унылыми длинными патлами, щеголеватый врач (разведенный гинеколог, который теперь вовсю развлекается), три невнятные расплывчатые тетки, настолько незапоминающиеся, что Миранда забыла про них, на них глядя (как общие фразы в тексте), и пожилая пара – скорее всего родители кого-то из артистов. Ни одного журналиста не наблюдалось. Телепродюсеров – тоже. Она уже пожалела о том, что не разрешила Тони прийти. Она заставила его купить пять билетов, но она никогда не пускала его на свои представления.

В такие моменты Миранда задумывалась о своей идеальной работе. Для нее идеальной работой было бы сидеть в маленькой комнате, смежной со спортивным или тренажерным залом, где большое количество привлекательных (по крайней мере не шибко страшных) молодых людей, сильных и рьяных, будут обслуживать ее весь день, в плане расслабиться после упорных физических упражнений. Альпинисты, боксеры, пловцы относились к числу наиболее любимых Мирандой тел. Это была соблазнительная идея, но и пугающая тоже. Соблазнительная – потому что она сгладит все мысли, сотрет все остальное. Пугающая – по той же самой причине; она боялась, что не устанет от скачек в постели весь день напролет, хотя на – практике это, наверное, надоедает после трех-четырёх часов. Конечно, истории рассказывают всякие – каждый любит приврать, похваляясь своими успехами, – но реальный предел лежит где-то в этих пределах. Да, конечно, можно провести в кровати все выходные с перерывами на дозаправку и заездами на пит-стопы, но если наяривать без перерыва, то по времени так и получится.

Они подождали еще пятнадцать минут, и к тому времени, когда Френк вышел на сцену со своей байкой про портфель, количество зрителей в зале увеличилось еще на восемь голов. Френка не беспокоило, много зрителей или мало. Он мог бы выступать и в пустом зале, только для себя. В этом смысле он был просто

непревзойденным. Он был великим конферансье, может быть, даже величайшим, а это значит, что он всем нравился; он умел развлечь публику, не будучи слишком смешным и не имея шумного успеха.

На сцену вышел Капитан Никудышний, и когда он сказал «здравствуйте» второй раз (очень старый «разогревочный» трюк), зрители сдались, почти без борьбы, и одобрительно завопили. В буфете подавали крепкие напитки, и Миранда вовсе не исключала, что кто-то пришел на концерт, заранее уторчавшись, но столь радушный прием все равно ее озадачил. Может быть, Никудышний придумал какую-нибудь забавную походку или вспомнил свой древний номер и достал из штанов причиндал?

Это был его лучший номер – изображение знаменитостей и персоналий посредством члена. Обернуть его вафельным полотенцем: Ясир Арафат. Нацепить на него темные очки: Стив Вандер. Осторожно засунуть под крайнюю плоть две половинки зубочистки: Дракула. Модель инвалидного кресла: Стивен Хокинг. Зубные протезы: «Челюсти». «Коран»: аятолла Хомейни. Вафельный рожок из-под мороженого, без мороженого: статуя Свободы. Пачка пятидесятифунтовых банкнот: любой член Европарламента. Наручные часы: Биг-Бен.

Из-за этого номера его не раз выгоняли из клубов, пинками, и он не раз бывал бит – высшая похвала комедианту. Однажды его избили арабы, а однажды – что само по себе занимательно – израильтяне. Единственный недостаток такого номера, который либо вызывает у зрителей отвращение, и они покидают зал, либо смеются до слез, заключается в том, что это всегда очень опасно – работать с очень смешным материалом, на фоне которого менее смешной материал кажется уже совсем несмешным. Это была гениальная выдумка. Единственная гениальная выдумка Капитана Никудышнего.

Но потом Миранда поняла, что он просто наткнулся на золотую комическую жилу. Как это было с ней на прошлой неделе. Зрители были способны только на то, чтобы смеяться до колик. Обычно Капитан Никудышний не любил выступать первым, но сегодня он сам попросил, чтобы его поставили первым, потому что у него заболела жена, и он хотел побыстрее вернуться домой. Решить, когда тебе выступать, это вообще очень непросто. Как правило, никто не хочет выходить первым, когда зрители еще зажаты, но и ближе к концу программы – это тоже опасно, потому что, хоть зал и настроен доброжелательно, от тебя слишком многого ожидают.

Памятуя о том, что выступать будут профессионалы, Миранда нисколько не обольщалась насчет качества выступлений. Комики-профессионалы, действующий и будущие, не видят смысла выкладываться и смешить публику, если им за это не платят. Сочная Люси вообще не явилась. Джонни Яркий и Марк Грант чуть не подрались в метро по поводу, кто будет показывать сценку с заварным кремом (оба, независимо друг от друга, подготовили номер с заварным кремом). Но никто особенно не напрягался. Великий смысл поучаствовать в этом мероприятии заключался в том, чтобы потом говорить: «Я принял участие в том благотворительном мероприятии в пользу каких-то бирманских юмористов», – и не важно, пошло ли мероприятие на пользу бирманским юмористам, и есть ли кто-то, кто мог бы сие засвидетельствовать.

Зайа злился:

– Почему мне нельзя сидеть в зале? Я обещаю, я буду ржать, как полоумный. Что, кстати, создаст нужную атмосферу в зале.

Нед сказал:

– Семейство шизокрылые, вид – бредятина обыкновенная.

Капитан Никудышний закончил, и Френк объявил Неда. Миранда переключилась – она слушала «Зеленую комнату», но ей было интересно, чем Нед порадует публику на этот раз. Нед был единственным из всех сценических юмористов, в кого она лично видела, как швыряют предметы. Однажды в него запустили большим гаечным ключом, который бы точно проломил ему черепушку, если бы попал.

– Вот, подкрути гайки в своей дурьей башке, – так зритель, кинувший ключ, объяснил свой порыв. Благодаря этому досадному инциденту в программе Неда появился единственный по-настоящему смешной номер, и его несколько не беспокоило, что этим номером он обязан своему несостоявшемуся убийце.

– Почтальон подходит к калитке и видит табличку: «ОСТОРОЖНО, СОБАКА!» – начал Нед. – Посмотрев вглубь и не увидев никакой собаки, он входит и тут же слышит собачий вой. Тут из дома выбегает хозяин и орет: «Ну вы что, все читать разучились, что ли? Написано же, ОСТОРОЖНО. Ты сегодня уже третий, кто наступил на собаку!»

Зрители рассмеялись. Первые зрители, которые рассмеялись над этой шуткой. Не то чтобы они смеялись до слез, но все-таки анекдотец им показался забавным. Они, должно быть, решили, что это только начало. И что будет какое-то продолжение. Таковы все зрители, даже те, которые ходят на эстрадных юмористов: они приходят, заранее убежденные, что у человека на сцене всегда есть что им предложить, что он (человек на сцене) знает что-то такое, чего не знают они, и что даже если начало было не ахти, потом артист обязательно «раскочегарится», пусть даже совсем чуть-чуть. Также Нед был единственным комиком, у кого она лично видела, как зрители настоятельно требовали свои деньги «взад»; но такое бывало редко, обычно недовольные зрители ограничивались замысловатыми матюгами и гаечными ключами. Неда приглашали вовсе не для того, чтобы он покорял сердца зрителей – его приглашали, потому что другие на его фоне всяко выглядели приличнее.

Миранда решила уничтожить аудиторию. Ее разозлил их кошмарный вкус. Нед сказал: «Семейство шизокрылые, вид – бредятина обыкновенная», – и они рассмеялись. Да, все правильно. Они пришли поучаствовать в благотворительном мероприятии, и как хозяйка она должна быть довольна, что они смеются, а не психовать по этому поводу... но это было невыносимо. Она также заметила, что этот ирландец с длинными волосами а-ля Иисус, редкостный подхалим, заморожено пялится на ее грудь. Сейчас его звезда стремительно восходила; он приехал в Лондон пару месяцев назад и уже превзошел ее по популярности. Бредовые романы в стиле рейв и толпы восторженных телепродюсеров.

Вошел Френк и начал рассказывать про портфель.

Про портфель с жизнью. Лет десять назад Френк нашел в поезде забытый кем-то портфель. В портфеле была Жизнь, замаскированная под триста тысяч фунтов двадцатифунтовыми купюрами. Френк хотел оставить деньги себе. Он уже придумал, что будет с ними делать: большой первый взнос за дом или большую квартиру, начальный капитал, чтобы открыть свое собственное дело в рамках малого бизнеса, длительное кругосветное путешествие со всеми удобствами. Десять лет назад у Френка было меньше морщин, но он был таким же тощим, таким же безденежным и безработным.

Он хотел оставить деньги себе, но решил, что завтра он отнесет портфель в полицейский участок, потому что всегда верил в честность. Если ты сам нечестный, то нельзя ожидать, чтобы другие были честными с тобой, сказал он себе. Он знал, что если оставит деньги себе, он умрет как личность. Нечестность убьет его душу. Он всегда ненавидел нечестность, больше всего на свете, и не важно, в чем она выражалась, эта нечестность: что тебя

обсчитали в ресторане или что политики лгут избирателям. Нечестность – это всегда нечестность. Его поступок был продиктован осуждением нечестности, но это был не поступок. Фред весь день прорыдал и заснул в слезах.

На следующее утро он взял портфель и поехал в участок. Минут пятнадцать он походил взад-вперед перед входом, потом поехал домой и весь день до вечера перебирал купюры.

– Я отчаянно пытался заделаться лицемером. Я очень старался, но у меня ничего не вышло.

На следующий день он дважды прошелся туда-сюда перед входом в участок, пока не собрался с духом войти. Реакция полицейских огорчила его еще больше.

– Понимаете, было бы славно, если бы мне оказали хотя бы какое-то уважение... все-таки это был благородный поступок... но они на меня смотрели как на идиота.

Огорчения продолжались, когда объявился хозяин портфеля, ювелир из Ирана, совершенно ненормальный персонаж, который выскочил на станции, чтобы купить сиропа от кашля, и отстал от поезда.

– Понимаете, было бы славно получить хоть какое-то вознаграждение, пусть даже занюханную десятку. Но он мне даже не позвонил, чтобы сказать «спасибо». То есть он позвонил, но вовсе не для «спасибо». Знаете, что он мне сказал? «Мистер Джонс, вы, должно быть, совсем идиот». Вот что он мне сказал. Специально для этого и позвонил.

Также Френк сообщил о своем благородном поступке в местную газету в надежде, что о нем напишут хвалебную заметку, но они написали про белку, которая укусила молочника.

Френк пил. Он пил бы по-черному, но у него не было денег, поэтому он пил по-черному периодически. Когда Миранда впервые услышала историю про портфель, ей было смешно; но теперь эта история была исполнена такой злобы, что Миранде было неприятно находиться в той же комнате, где она звучит. Френк жил с какой-то пожилой испанкой, причем они оба даже не отрицали, что живут вместе исключительно потому, что на лучшее им рассчитывать не приходится. Френк был вообще странный; весь какой-то колючий, как мешок с вязальными спицами, с неизменным стаканом в руках; но и она тоже была не подарок – этакая заботливая мамаша, только ни капельки не заботливая. Но Френк имел крышу над головой, а иногда даже горячий завтрак. Как говорил сам Френк, загадочно и пугающе: «Совсем мало – это значительно больше, чем ничего, хотя вы, молодые и глупые, этого не понимаете».

Френк работал на эстраде уже пятнадцать лет. Это такой род деятельности, где твоя судьба может разительно перемениться буквально за время обеда, и из золотушного, никчемного пьяницы в костюме почтенного двадцатилетнего возраста, который и в лучшие времена не поражал изяществом кроя, из законченного неудачника, терзающего публику в количестве пяти-шести человек, которые жалеют, что вообще пришли и потратили вечер на такое убожество, ты превращаешься в человека, которому предлагают оплатить дом со всеми удобствами или хотя бы две пинты пива. Но с Френком подобного не случится. Есть люди, которые получают все, потому что такой у них образ жизни: они продаются за две пинты пива, они мечут бисер перед самой завалющей публикой в количестве пяти-шести человек и имеют самое отдаленное отношение к смеху, но, к сожалению для Френка, он был не из их числа.

Нед, наконец, закончил – превысив оговоренное время минут на двадцать, – и Френк вышел на сцену, чтобы объявить Миранду. По пути он подхватил сумочку девушки-зрительницы в берете, надетом задом наперед. Это был старый трюк, даже для Френка, но подобные хулиганские выходки всегда проходят на ура. Он принялся рыться в сумке с растерянным видом. Легкий источник смеха. Только теперь Френк стремился отнюдь не к тому, чтобы развлечь. Он имел в виду не рассмешить, а унижить.

Миранда снова заметила, что Длинноволосый Исусик пялится на ее грудь. Он был на четыре года ее моложе и выступал на эстраде всего-то полгода, но уже пробился в ведущие номера программ. Миранду жутко раздражало, что он возомнил о себе, будто сможет вот так вот вломиться в эстрадный мир и завоевать его с полпинка. Потому что он сможет. Но что ее злило больше всего: что он возбуждал ее как мужчина.

Он должен был выступать сразу следом за ней. Публике понравилось сценка с сумкой – публика разлеглась, словно большой добродушный пес, который ждет, что Миранда почешет ему животик. Ее захватило всепоглощающее желание уничтожить аудиторию, истребить поголовно, опустошить территорию, чтобы ирландцу было негде укрыться.

Она попыталась придумать самое несмешное, что можно сказать.

– Вы все умрете.

По залу прошел сдавленный смешок.

– Непременно умрете, – язвительно вставил Зайа у нее из-за спины и ушел безвозвратно.

Она замолчала. Для зрителей нет ничего хуже, когда они начинают осознавать себя и свои тревоги. Миранда смотрела в упор на одного из ведущих весельчаков и букваально выталкивала из него веселье. Беспокойство в зрительном зале все нарастало. Они уже начали опасаться, что она не выдерживает напряженную паузу с тем, чтобы потом разрядить напряжение, что она не готовится выдать что-то смешное, не перебирает в уме возможные варианты для продолжения, а просто зависла. Всерьез и надолго. Прошла минута, другая... недоумение разлилось по залу, словно подтеки крови. Они пришли сюда не за этим; тревог и неловких моментов им хватает и дома, и на работе.

Но они не знали, как расценивать ее замороженную заторможенность. Она сокрушила их окончательно и бесповоротно, но потом ей вдруг пришло в голову, что озадаченная и раздраженная аудитория примет следующего артиста значительно лучше, чем аудитория, хорошо посмеявшаяся.

Поэтому она быстро сменила тактику и сняла через голову свою белую футболку, что произвело эффект разорвавшейся бомбы. Женщины в зале восприняли обнажение груди как бесчестный и низкий обман, но в общем и целом зрители сообразили, что представление началось. Миранда рассказала о том, что одна грудь у нее чуть меньше другой, и что мужчины этого не замечают, хотя они только и делают, что тарашатся на ее сиськи. Ей не нравилось слово «не замечают», потому что после риторического восклицания «а почему?» фраза «а вы заметили?» обычно смотрится как весьма вялый образчик визуальной комедии, но оно уже вырвалось. Она закончила рассуждениями о том, что соотношение между длиной окружности и диаметром круга – самое важное соотношение в природе, что оно неопределенно, трансцендентально, и что никто не знает, что скрывается на конце числа Пи. Зрители не сочли это смешным, но, с другой стороны, она именно этого и добивалась.

- Спокойной ночи, - сказала она. - Семейство шизокрылые.

Френк вышел на сцену несколько озадаченный, потому что он знал, что Миранда может показывать по-настоящему смешные вещи, и еще потому, что он был далек от проблем с сиськами.

- Блистательная Миранда Пьяно разбирается в математике получше всякого Пифагора. Семейство шизокрылые, вид - бредятина обыкновенная, но зато как звучит! Миранда, ты ведь не возражаешь, если я воспользуюсь твоими расчетами для своей будущей карьеры. Я почему спрашиваю, это было бы не по-рыцарски проситься банковским клерком без твоего разрешения. А то там подумают, что это я сам такой умный.

Миранда в ответ сделала неприличный жест и, проходя мимо Длинноволосого Исусика, шепнула ему на ухо:

- Хочу сосать твою штуку всю ночь до утра.

То ли ей удалось выбить его из колеи этим своим заявлением, то ли она и вправду перенапрягла зрителей своими завернутыми разглагольствованиями, Длинноволосый Исусик испытывал явные трудности в плане рассмешить публику, рассказывал ирландские анекдоты, которые теперь допустимо рассказывать только ирландцам и никому другому, но при этом он воспринимал свой провал с поразительным хладнокровием. Ему только раз удалось выжать из зрителей хоть какое-то подобие смеха. Когда он спросил: «Кто-нибудь знает, что такое семейство шизокрылых?»

Остальные выступили немногим лучше, и когда Френк в последний раз вышел на сцену, чтобы закончить вечер, он начал нести уже полный бред о единственной вещи в жизни, которая, по его утверждениям, доставляла ему истинное наслаждение: о своей вовсе не платонической влюбленности в фотографию девушки с голыми сиськами, которую он вырезал из журнала, когда ему было шестнадцать.

- Мне приходилось пить, но мне это не нравилось; мне приходилось спать с девушками, но мне это не нравилось.

Он утверждал, что этот роман длился почти тридцать лет, и дело было не только в физиологии. Он постоянно носил фотографию с собой в бумажнике, но однажды он потерял бумажник, и с тех пор у него в жизни нет счастья. В бумажнике не было никаких денег, только его удостоверение донора, сложенная фотография, какой-то повторный счет и карточка с его адресом. Он обошел все места, в которые заходил в тот день, спрашивал в магазинах, у соседей, в полицейских участках, но бумажник так и не нашелся. Френк говорил минут сорок, хотя последний зритель ушел из зала минут за двадцать до того, как он наконец замолчал.

* * *

Миранда осталась выпить с Длинноволосым Исусиком и видела, как расходятся зрители. Наблюдать за ними было очень интересно. Как правило, по-настоящему черствые люди встречаются редко; конечно, никто не горит желанием делать тебе одолжение, но очень немногим людям - в данном случае, зрителям - нравится проявлять себя черствыми и бездушными. Она видела, как они собираются с духом, чтобы встать и уйти, пока Френк говорит. Она даже подумала, что, может быть, он специально парит им мозги, чтобы посмотреть, какое количество бреда способен выдержать человек, прежде чем он сломается и сбежит. Она наблюдала что-то подобное на улицах, когда прохожие, которые подавали нищим - денежкой или сигаретами, - не уходили себе восвояси, а останавливались послушать, как нищий вместо «спасибо» заводит горячий и

громогласный монолог о своей жизненной философии. Причем донору никогда не хватало сообразительности сказать: «Ты никчемный кусок дерьма, я уже дал тебе деньги, так что не думай, что я буду слушать твои занюханные банальности», – именно потому, что нищие представляли собой никчемные куски дерьма с занюханными банальностями, и им, как людям вежливым и культурным, не хотелось говорить ничего такого, что заставило бы нищих осознать свою жалкую сущность.

Нед сидел, вцепившись в бутылку пива, и периодически выдавал свое «семейство шизокрылых, вид – бредятина обыкновенная». Его вовсе не беспокоило, что все использовали его фразу, как свою. У Неда было два характерных качества. Во-первых, он не любил сидеть дома. Он всегда первым являлся на выступления и всегда уходил последним. И это при том, что никто с ним не разговаривал, никто его не слушал, у него не было никаких поклонниц – даже откровенные страхолюдины обделяли его своим вниманием. А во-вторых, он повторял свою фразу насчет шизокрылых в каждом выступлении, и не только в выступлении.

Смысл фразы был, безусловно, понятен, но Миранда понятия не имела, что это за слово вообще – шизокрылые. Скорее всего и сам Нед тоже не знал. А может быть, знал и отчаянно надеялся, что кто-нибудь спросит, что это значит или откуда он это взял. Миранда даже однажды собралась посмотреть в словаре, но ей стало лень. Может быть, Нед сам придумал это слово, да и непринципиально, есть оно или нет, смысл все равно понятен. И отношение говорящего тоже понятно: неодобрение. Все в мире делится на две категории: то, что мы одобряем, и то, что мы не одобряем. И если у тебя есть дежурная фраза, чтобы выразить неодобрение, то, воздерживаясь от нее, ты тем самым выражаешь свое одобрение. На самом деле, в случае крайней нужды, никакие словесные выражения не нужны вообще; взять хотя бы того хрюкающего продавца с Оксфорд-стрит. Конечно, похрюкивание – не идеальный способ для выражения мыслей, тем более если ты хочешь, чтобы тебя поняли правильно, но, с другой стороны, если тебя понимают неправильно – это ничуть не страшнее того, как если тебя понимают правильно.

И наконец, фраза Неда действительно запоминается, хотя она и несмешная. Это несколько ей не мешает, что она не смешная. Наоборот. То, что она не смешная, но при этом очень запоминающаяся – наверное, и есть признак истинного юмора. И то, что Нед постоянно ее повторяет, в этом тоже есть смысл. Может, он ждет прорыва. Один из законов смешного гласит: если повторять шутку много-много раз, на каком-то этапе она станет смешнее. Миранда видела, как это бывает; это был комедийно-эстрадный эквивалент игры на рулетке, когда ты удваиваешь свою ставку, чтобы вернуть себе проигрыш и еще поиметь чуть-чуть сверху, и это действительно требует мужества – воскресить старую шутку, которая давно умерла, потому что иной раз приходится биться годами, пока зрители въедут в прикол. Неду еще предстоит немало потрудиться. Миранда обвела взглядом комнату, вдруг поразившись тому, что это все – ее жизнь.

Длинноволосый Исусик был разгорячен и взволнован, как и всякий мужчина, который уверен, что в скором времени его пенис ждет фантастическая приятность. Он искренне пытался узнать ее поближе, понять ее характер чтобы у них получился не анонимный, а очень даже именной секс. Также он с пониманием выслушал сорокаминутный монолог Френка, но только не смог решить, то ли Френк был новатором, который опередил свое время лет этак на десять, посланник нового смеха, юмора двадцать первого века, не предназначенного для веселья, то ли он был человеком, который уже очень скоро пойдет и повесится. Он не знал, дружит ли Миранда с Френком, и поэтому воздержался от каких бы то ни было замечаний, не желая рисковать своей предстоящей эякуляцией. Они с Мирандой обсудили клубы, какой кому больше нравится, и продюсеров, кто кого особенно ненавидит.

Френк закончил свой монолог – или ему просто надоело вещать в пустой зал – и присоединился к ним в буфете. Через пару минут нарисовалась девушка в берете, надетом задом наперед, и обвинила Френка, что он спер пять фунтов у нее из кошелька.

Миранда поднялась, чтобы уйти. Длинноволосый Исусик тоже поднялся, типа как они вместе, и пошел следом за ней. Уже на улице она обернулась и решительно заявила:

– Спокойной ночи.

– А что ты там говорила... насчет моего... ну, что ты... – Он запнулся.

– Я пошутила, – сказала она и пошла прочь. Он был вполне симпатичный мальчик, и было время, когда она относилась с симпатией ко всем, кто работал в жанре эстрадной комедии: они все в одной лодке, и всем угрожают одни и те же опасности. Но сейчас ситуация стала слишком серьезной, чтобы играть в добрых товарищей.

Они потеряли на этом благотворительном мероприятии тридцать четыре фунта. Так не пойдет. У Пони будет тяжелый вечер.

Миранда была вне себя от злости. В местной газете написали даже о том, как спасли кошку, забравшуюся на крышу какой-то церкви, но ни слова не упомянули про ее благотворительный концерт. Она не из тех людей, кто бросает начатое, упорно твердила она себе, когда они с Вив вышли из такси и зашагали по Трафальгарской площади, стигаясь под тяжестью снаряжения.

Она подошла к колонне Нельсона с таким видом, словно вовсе и не собиралась на нее забираться. У нее было стойкое ощущение, что все присутствующие на площади – от мутных туристов до многочисленных голубей – уже догадались о ее намерениях, но она пыталась об этом не думать.

Самое главное – успеть подняться достаточно высоко (чтобы ее не сумели достать) до приезда полиции. Пока она раздевалась, Вив быстренько распаковала снаряжение и установила лестницу. Вив не раз ей сказала, что она сумасшедшая, и тем не менее согласилась помочь: Вив была в меру преданной и в меру сумасбродной.

Миранда поднялась по лестнице на вершину постамента, покрытого коркой голубинового помета. Вив быстро смылась, прихватив лестницу, а Миранда начала восхождение на колонну Нельсона. Теперь, вблизи, холодный гранит источал ледяную угрозу, и высота пугала. И все это очень Миранде не нравилось. На улице было не жарко, тем более если учесть, что из одежды на ней были только альпинистские ботинки, пояс, рюкзак и темные очки.

Продвижение было медленным. Миранда когда-то давно занималась альпинизмом, и полтора месяца после благотворительного концерта она упорно готовилась к этому восхождению, насколько вообще можно упорно готовиться за полтора месяца. Но карабкаться на колонну Нельсона в голом виде – это само по себе уже стимул, чтобы карабкаться на колонну Нельсона в голом виде; никому не нравится отступать, когда на него смотрят.

На высоте тридцать футов она остановилась, глянула вниз и с удовольствием увидела большую толпу, отдельные фотовспышки и некоторое количество озадаченных полицейских, которые пытались решить, что им делать. Она решила, что больше смотреть вниз не будет. Она полезла наверх в голом виде, потому что ей не хотелось подняться и обнаружить, что никто на нее не смотрит. Когда ты поднимаешься на колонну Нельсона, чтобы привлечь внимание общественности к бедственному положению бирманских юмористов, – это одно, но когда на колонну Нельсона поднимается, чтобы привлечь

внимание общественности к бедственному положению бирманских юмористов, голая молодая женщина – это совсем другое.

Она также покрасила волосы в синий цвет, приклеила на левое плечо переводную татуировку с изображением дракона и сбрила волосы на лобке. Она хотела, чтобы все обратили внимание на это, а не на нее саму. Как она объяснила Вив: «Люди становятся по-настоящему знаменитыми только из-за чего-то одного. Архимед – из-за ванны. Христос – потому, что его распяли. Чингисхан – из-за своих набегов. Король Кнуд – из-за своих реформ. Годива – потому что проехала по городу в голом виде. Ньютон – из-за яблока. И поскольку у нас есть только одна попытка, я не хочу, чтобы меня запомнили как тетку, которая залезла на колонну Нельсона голышом».

Примерно на середине пути ее ненависть к бирманским юмористам дошла до точки кипения. Она очень надеялась, что в данную минуту их жестоко избивают ногами. Ее пугал выступающий свес наверху, при одной только мысли о том, что ей придется его преодолевать, все ее мышцы сводило от боли. Ей очень хотелось оставить эту затею и спуститься вниз – никогда в жизни ей ничего не хотелось сильнее, – и только это соображение подгоняло ее вперед. Пару раз она едва не сорвалась, но ей повезло. Исключительно повезло.

На то, чтобы подняться до самой вершины, у нее ушло почти три часа. Сто семьдесят пять футов.

Вид сверху был впечатляющий, но ей было не до городских красот. Она уже обмирала от страха перед предстоящим спуском. Так всегда и бывает в жизни: когда ты исполняешь задуманное, ты понимаешь, что тебе это на фиг не надо. Она достала мобильник и начала брать интервью голосом немецкого музыковеда.

С такой высоты Лондон казался беспорядочным нагромождением зданий. Согласно теории Рэмси, полного беспорядка не существует. Это физически невозможно. Рэмси – еще один из этих изысканных кембриджских активных гомосексуалистов, которые правили умами в двадцатом веке. С виду это похоже на беспорядок, утверждает Рэмси, но лишь потому, что ты не видишь картину в целом. Разумеется, понятия порядка и беспорядка были придуманы человеком и являются лишь умозрительными построениями, причем умозрительными построениями пещерных людей в каменном веке. А что прикажете делать с ошеломляюще новым мышлением в математике? С кустарной снежинкой, которая существует в 196 883 измерениях и которая симметрична миллиард миллиардов раз? Для тех, кто построил эту колонну, современный мир был бы непостижимым.

У Миранды патологически не получалось выйти за рамки представлений девятнадцатого века. Она жила в двадцатом столетии и считала себя современной женщиной, но все равно не могла по-настоящему вникнуть в математику, хотя честно пыталась. И Бог его знает, что ждет нас в следующем веке с его снежинками в 196 883 измерениях. Миранда смотрела на Лондон и не сомневалась, что это – полный беспорядок, которого якобы не существует. Далеко-далеко на горизонте смутно виднелась стена огня.

Это было, наверное, самое сложное, что она сделала в жизни. Но попытка – она не считается. Она подумала о бедняге Уильяме Шанксе, который в девятнадцатом веке опубликовал свои расчеты числа Пи. До 707-го знака после запятой. Он потратил на эти вычисления почти всю жизнь. А сегодня любой идиот за секунду получит тот же результат на карманном калькуляторе, найденном на помойке. И в довершение ко всему Шанкс под конец напортачил – последние 180 цифр были неправильными. Он был знаменит только в узких математических кругах и только одним: что он спустил свою жизнь в унитаз.

Ну что ж, рассуждала Миранда, может быть, я не останусь в веках, но моя голая задница точно останется. Так я все-таки сделала доброе дело или что?

* * *

Тони был единственным, кто ее узнал. Синие волосы и веревки по всему дому: сложно было бы не догадаться. Он утратил дар речи. В буквальном смысле слова.

Где-то месяц назад ей позвонил Капитан Никудышный. Его пригласили на Эдинбургский фестиваль юмора, но у него вот-вот должен был родиться первый ребенок, и ему хотелось быть рядом с женой. Может, Миранда его заменит?

Многие замечали, что она никогда не выступает за пределами Лондона. Она отказалась от Ливерпуля, Глазго, Брайтона, Манчестера. Все считали, что, она просто закоренелая лондонка, и никто не догадывался, что хотя она и ненавидит Лондон, она просто не может уехать из города.

Но Эдинбург. И фестиваль. Именно в Эдинбурге, на фестивале, она впервые побывала на настоящем концерте эстрадных комиков – это было тринадцать лет назад – и увидела перспективы и для себя. Эдинбург – не такая великая важность, если ты выступаешь и пользуешься успехом в лондонских клубах. Но для нее Эдинбург значил многое. Дан знал и про стену огня, и про то, как ей сильно хотелось выступить в Эдинбурге. Но поскольку все знали, что она не выступает за пределами Лондона, то Эдинбург ей и не предлагали.

– Да, спасибо, что позвонил. Я обязательно съезжу, – сказала она Капитану, поражаясь своей собственной смелости.

В назначенный день она явилась «с вещами» на вокзал Юстон, вся трепеща от волнения. Ее удивило, что Капитан Никудышный не захотел ехать. Выступить нужно было всего один раз, и на фестивале публика, как правило, настроена очень доброжелательно. Другое дело, что зрителей там всегда мало. Но нежелание ехать... это что, проявление слабости? Потому что никогда не знаешь, где тебе повезет. Если в зрительном зале сидят четверо хмурых придурков, это еще не значит, что они просто придурки. Это могут быть четверо телепродюсеров. Или четверо человек, которые спят с телепродюсерами. Или четверо человек, которые поставляют наркотики телепродюсерам. Или четверо человек, которые учились в одном классе с телепродюсерами. Или четверо человек, которые спят с телепродюсерами. Или четверо человек, которые поставляют наркотики телепродюсерам, которые учились в одном классе с телепродюсерами. Случайная встреча в нужное время и в нужном месте может перевернуть все.

Или, как это случилось с Кэтфордом Стеном, среди зрителей может вдруг оказаться такой человек, которому так понравится твое выступление, что он отпишет тебе в завещании пятьдесят тысяч фунтов. Одно выступление может переменить всю жизнь. Девятьсот девяносто девять раз ничего подобного не произойдет, но опять же никогда не знаешь, где тебе повезет. Капитан Никудышный демонстрировал явные признаки непригодности; если человек ставит свою жену выше работы, стало быть, он не заслуживает успеха. Награда должна доставаться тому, кто готов за нее бороться.

Подходя к поезду, она обливалась потом. Ощущение было такое, как будто она пробежала три марафона подряд. Просто сесть в поезд казалось выше ее сил. У остальных пассажиров вид был скучающий и недовольный, их пугала унылая перспектива трястись в поезде пять часов до Эдинбурга. Наверное, за всю историю человечества в мире не было ни одного человека, который так жаждал банальной скуки, как Миранда сейчас. Она подумывала о том, чтобы наглотаться снотворного и проспять всю дорогу, но ей хотелось быть в

сознании, когда они будут проезжать сквозь стену.

Она села на свое место, вся напряженная и взвинченная. Ей стоило неимоверных усилий просто сидеть на месте. Она не жалела о том, что решила поехать, главное – не разрыдаться.

Стена огня появилась, когда она начала прорабатывать новую сценку. Однажды она ехала в Виндзор на машине, и когда они приближались к Хитроу, ее вдруг охватил неуправляемый ужас. Она увидела впереди стену огня.словно алый гобелен, занавесивший весь горизонт. Никому ничего не объясняя, она попросила остановить машину, вышла и пошла пешком обратно в город. Потом она еще несколько раз пыталась выехать из Лондона, но одинаково безуспешно. Как выяснилось, стена огня окружала весь Лондон сплошным кольцом на расстоянии от десяти до двадцати миль от центра. Огонь был совсем не горячим; но он источал неодолимый страх. Вообще-то Миранде нравилось, когда страшно, но этот страх ей не нравился.

Когда поезд въехал в стену огня, она закрыла глаза, чтобы не упасть в обморок. Если ей суждено умереть, значит, ей суждено умереть. Все люди смертны.

Первое, что сделала Миранда, когда вышла из поезда на ватных ногах, это зашла в магазин и купила пинцет. Вообще-то она собиралась его спереть, но когда она вошла в аптеку, продавец очень сердечно с ней поздоровался. Очень сердечно и искренне, что привело ее в состояние легкого культурного шока. И особенно – после Лондона, где незнакомые люди разговаривают с тобой исключительно потому, что им хочется так или иначе тебя обхамить. А здесь, в Эдинбурге, люди еще не забыли, что такое вежливое обращение. Во всяком случае, местные жители были настроены дружелюбно, что само по себе приятно удивляло.

Миранда была настолько поглощена поездкой в поезде, что только уже под конец задумалась о странном явлении с исчезающими пинцетами. В последнее время она потеряла уже восемь штук. Может быть, Тони специально их прячет в плане бытовой шутки? Но если так, то он прячет их очень качественно, потому что Миранда уже несколько раз перевернула вверх дном всю квартиру, но не нашла ни одного из восьми пропавших пинцетов. Или это какой-то маньяк тайком пробирается к ним в квартиру и крадет хорошие пинцеты? Или у них в ванной периодически открывается щель в параллельный мир, куда проваливаются пинцеты? Или она страдает какой-то причудливой формой амнезии: сама выбрасывает на помойку свои любимые пинцеты, но не помнит об этом?

Она устроилась в гостинице, быстренько сполоснулась в душе и надела новую, еще ни разу не надеванную белую футболку. В новых футболках – только что из магазина, ни разу не стиранных и ненадеванных – есть особая чистота, которой нет ни в одной другой вещи.

Хотя у нее была карта, она вышла с таким расчетом, чтобы у нее было время в запасе. Приехав на место, она представилась организаторам, купила себе бутерброд и уселась ждать. Она спросила у одного из организаторов, как проходят остальные выступления, и он сказал: «Хорошо», – таким тоном, что можно было не сомневаться, что проходят они отвратительно. Но в актерской среде никто и не ждет от других правды.

Она наблюдала за тем, как зрители неспешно проходят в палатку, где она должна была выступать. Объявление о начале было сделано уже десять минут назад, а в палатке собралось всего пять человек. Было время, когда Миранда готова была расстараться даже и для пяти человек, но теперь... Это было похоже на то, как она забиралась на колонну Нельсона: раз уж ты что-то затеял, надо довести начатое до конца.

- Чего вы ждете? - спросила Миранда у зрителей. Там была одна женщина ближневосточной внешности с дощечкой с зажимом, бумажкой и ручкой. И вид у нее был такой беспокойный, как будто от этого зависела вся ее дальнейшая карьера. Мистер и миссис Благоразумные - явно нордического склада, то ли немцы, то ли скандинавы, - в благоразумной одежде, в благоразумных очках и с благоразумной осанкой. И две местные школьницы. У всех был какой-то зашуганный вид. Жалко, что нельзя забрать их страх себе, размышляла Миранда. Тогда можно было бы сколотить вполне приличное состояние. Они все верят, что у тебя есть эта... сила.

- У меня проблема с пинцетами. Сейчас я вам расскажу, а вы, может быть, мне подскажете, как тут быть. - Миранда красочно изложила историю исчезающих пинцетов. Она никогда не понимала, почему некоторые эстрадные юмористы ходят к психотерапевтам. Все равно как если бы телохранитель нанял себе телохранителя.

Зрители не сумели предложить ничего конструктивного. Они упорно смотрели в пол. Мистер и миссис Благоразумные были явно пристыжены, что не сумели пройти этот простенький тест.

- Ладно, - сказала Миранда, - Давайте заключим сделку. В соседней палатке выступает очень хороший американский комик, которого я всегда мечтала увидеть. Билеты на его выступление стоят на два фунта дороже, но я проведу вас бесплатно. Кто-то не рад этому предложению?

Она вывела зрителей из палатки и провела их «огородами» к соседней. Она разрешила перочинным ножом брезентовую стенку и пробралась внутрь, скрючившись в три погибели. Ее верные зрители проползли следом. Американец заметил их и, понятное дело, жутко разозлился, что они ввалились, не заплатив, но он как раз читал длинную сложную сценку, за которую сильно переживал, и решил не отвлекаться, чтобы обрушить на вновь прибывших свой убийственный юмор.

Мистер и миссис Благоразумные были просто в щенячьем восторге от этой веселой проделки и даже не обращали внимание на артиста. Миранда уже поняла, что история про эту шальную выходку будет снова и снова звучать на суровых берегах Балтии. Они проникли в самое сердце комедии.

Американец был и вправду хорош. У Миранды по этому поводу было двойственное ощущение: она была очень довольна, что теперь может вычеркнуть его имя из списка актеров, рекомендованных к обязательному просмотру, но ее удручало, что на другой стороне Земли есть большой континент, где сценический юмор производят в промышленных масштабах и развозят его по всему миру.

Теперь Миранда уже злилась на себя за то, что все это затеяла. Надо было продолжить свое выступление. Но она стала терять интерес. Она становилась все лучше и лучше, но стимул к развитию пропал. Когда ты только начинаешь работать на сцене, ты исполнен таких надежд... но в последнее время ей стало скучно. Она чувствовала, как ее артистическая карьера потихоньку идет на спад, становится вялой и шаткой, как змея, которую окунули в цистерну с пивом.

Ей надо было продолжить свое выступление. Она могла бы сделать вид, что это прекрасное выступление: исполненное искрометного юмора, очень смешное и развлекательное, - в общем, образчик высокого искусства комедии, а не просто унылая отработка минут на сцене. Она сумела бы выстоять до конца. Но ей надо было продолжить свое выступление.

Даже если все кончено, сдаваться нельзя.

* * *

Миранда вышла на улицу и замерла, пораженная. Такой темноты она не видела еще никогда. Это была усиленная темнота. Две ночи крошечной тьмы, перемешанные в одну. И в довершение ко всему она явственно ощущала, как что-то давит ей на плечи. Что-то тяжелое и большое.

Знамена были весьма убедительны, и Миранда взяла такси до гостиницы. Гостиница оказалась на удивление дешевой, но находилась у черта на куличках. Сервис тоже был ненавязчивым и ограничивался почти исключительно тем, что дежурный выдавал постояльцам ключи.

Время было еще совсем детское, половина десятого, но она все равно легла спать. Она была очень довольна, что здесь нет никого из знакомых, и не надо притворяться, что ей все нипочем. День прошел и списан со счетов. Она устала, ей было плохо, больше всего ей хотелось быстрее заснуть и ни о чем не думать. Погрузиться в блаженное забытие. Но спать не хотелось. Наоборот. В голове поразительно прояснилось, и комната превратилась из жилого пространства в открытый космос. Миранде казалось, что она парит в пустоте, которая нескончаемым потоком вливается ей в сердце, в пустоте, которая была незаполненной и переполненной одновременно: незаполненной теплотой и покоем, но переполненной страхом. Страх в чистом виде, без купюр. Страх, который пришел откуда-то из-за пределов вселенной.

Пытаться себя успокоить и прогнать этот страх какими-либо разумными доводами было бессмысленно и бесполезно. Поддержать его и подпитать – вот единственный выход. Она решительно встала и оделась. Где-то тут должен быть клуб для артистов, который работает допоздна. Девушка за стойкой администратора понятия не имела, где он находится. У Миранды все было записано, но она вечно теряла бумажки. Вернее, специально выбрасывала. Они казались ей агрессивными захватчиками; громоздились в бумажные горы и грозили обрушиться, погребая ее под собой.

Она вышла на улицу в надежде, что кто-нибудь ее подцепит. Предполагается, что в такой поздний час женщинам лучше не шляться одним по городу, поскольку это чревато опасностями. Она слонялась по улицам целый час и расспрашивала прохожих, как найти клуб. Что ее больше всего бесило, что все знали, что это за клуб, и утверждали, что он где-то рядом, но никто точно не знал, как туда пройти. У Миранды уже разболелись ноги. Толпа на улицах изрядно поредела: мало компаний и одиноких прохожих, но зато слишком много влюбленных парочек. Куда, интересно, деваются сексуально озабоченные мужики в поисках с кем бы сегодня «того», когда они больше всего нужны?

Впереди показалась компания в составе трех молодых человек. Лет по двадцать, не больше, но, с другой стороны, Миранде нужна была вовсе не интеллектуальная беседа. Она встала у них на пути и приготовилась задать какой-нибудь глупый вопрос из тех, что обычно задают туристы, но так, чтобы дать понять четко и ясно, что она не просто туристка, а туристка в поисках мимолетных удовольствий. Нельзя полагаться на то, что мужики сами сделают первый шаг; это так только кажется, что существуют лишь две категории – необузданные маньяки, которые срывают с тебя одежду еще до того, как сказали «здрассте», и (более многочисленная категория) телепаты, которые пытаются заговорить с тобой с целью «познакомиться и все такое» с безопасного расстояния в два квартала, из-за угла.

Один из молодых людей неожиданно шагнул в сторону, согнулся пополам и принялся надрывно блевать.

- Он - солист самой большой в Данфермлейне рок-группы, - сказал один из двоих оставшихся с гордостью и при полном отсутствии эротического интереса, каковое являлось насмешкой над эволюцией.

Десять минут спустя Миранде представился верный шанс. И даже не один, а целых два. Сначала она заприметила коренастого крепкого парня в черном коротком жакете и пришла в полный восторг. Это был не просто сухой паек на случай крайней необходимости, это был вполне приличный обед. Она изобразила глупую улыбку и спросила дорогу к клубу.

И тут, буквально из ниоткуда, возник еще один крепкий красивый мужик и вызвался ее проводить. А уже в следующую секунду эти двое набросились друг на друга с кулаками, выясняя, кто круче. Полицейские прибыли так расторопно, как будто специально следили за развитием событий, и забрали обоих драчунов в участок. Миранда призывно улыбалась полицейским, но никто из них не понял намека и не предложил проводить ее до отеля.

Отчаявшись окончательно, Миранда вызвала такси, памятуя о всех тех разгах, когда таксисты настойчиво к ней приставали, пусть даже ей это было неинтересно. Испытание на колесах.

Таксист, который приехал по вызову, был совсем не уродом и, может быть, даже считался вполне привлекательным - несколько лет назад, на взгляд невзыскательных женщин. Теперь же он был женат, у него были дети, его не тянуло на подвиги на стороне, и он носил совершенно кошмарный свитер, который жена давно собиралась выкинуть на помойку, но он ей этого не позволял, потому что означенный свитер символизировал его независимость, его характер, его территорию и его «егойность». Из его левого уха торчал пучок жестких волос. Миранда попыталась представить его в постели. Картина вышла безрадостная; но, с другой стороны, иногда бывает, что и в неказистой скромненькой упаковке скрываются очень даже приятные сюрпризы. Однако свитер вполне однозначно указывал, что у его владельца нет ни вкуса, ни образования, ни стремлений к чему-то большему - не было, нет и не будет. У Миранды же было правило: не тратить время на тех, кто не смотрит по сторонам. Но опять же у близорукости есть свои преимущества. Почему во всех умных журналах пишут, что нужно сначала признаться себе, что у тебя есть проблема, и только тогда ты сумеешь как-то эту проблему решить? Скажем, есть у тебя мечта стать олимпийским чемпионом в беге на сто метров, и больше тебе ничего в этой жизни не надо; но у тебя есть проблема. По всем качествам ты гарантированно не годишься на роль олимпийского чемпиона в беге на сто метров. У тебя совершенно не та комплекция, ты никогда не занимался спортом, ты поразительно нетороплив даже для человека, который никогда не занимался спортом, ты выкуриваешь по три пачки в день, ты не прислушиваешься к советам людей, которые разбираются в беге, ты настолько неорганизованный и ленивый, что даже если бы у тебя были все данные хорошего бегуна, ты бы не смог заставить себя регулярно ходить на тренировки, и ты никогда в жизни не участвовал в спортивных соревнованиях. Но тебе, ясное дело, удобнее думать, что весь мир ополчился на тебя из зависти к твоему таланту и активно мешает тебе оный талант проявить, или что тебе просто патологически не везет.

Она протянула таксисту пятерку и сказала:

- У вас вид какой-то усталый. Может, зайдете ко мне, чуточку отдохнете?

- Еще подцеплю от тебя что-нибудь, - буркнул он, отъезжая. - Наверняка ведь насквозь венерическая.

Девушка за стойкой администратора по-прежнему была на месте. В задней комнате прямо за стойкой Миранда заметила расшатанную раскладушку.

- Номер девятнадцать, пожалуйста. А вы всю ночь не спите?

- Иногда удается поспать пару часиков. - Девушка выдавила вымученную улыбку.

- Послушайте, это вовсе не в плане непристойного предложения с сексуальной окраской, но, может, поднимемся - посидим у меня? - Девушка тупо тарашилась на Миранду. - Или, если хотите, я могу сделать вам непристойное предложение с сексуальной окраской. - Миранда знала, что этой ночью ей нельзя быть одной. Она просто не выдержит, если одна.

- За кого вы меня принимаете?

- Я просто хотела...

- Вы не получите ключ, пока не извинитесь.

Мысленно Миранда уже рассматривала вариант, чтобы заночевать прямо здесь, у стойки. Здесь всю ночь горит свет и здесь есть другая живая душа.

- Послушайте, я актриса. Сегодня весь день веселила публику. Мне просто трудно остановиться. Я искренне извиняюсь. - Миранда забрала ключ и изобразила языком нечто малоприличное. Ей действительно было трудно остановиться.

Она поднялась к себе, очень надеясь, что усталость от долгой прогулки все-таки скажется, и она сможет заснуть. Она уселась в кресло и замерла, прислушиваясь к своим внутренним ощущениям. Постепенно она поняла, что в груди назревает что-то кошмарное, там набухает какое-то мерзкое зверство. Она поднялась и спустилась вниз.

Девушка-администратор помахала ей костяным ножом для вскрытия конвертов и прошипела:

- Я больно кусаюсь.

Миранда все-таки убедила ее, что ей нужен всего лишь круглосуточный магазин, где можно купить покушать. Девушка отправила ее в автосервис неподалеку. Буквально на входе Миранда нашла панацею в штанах. За кассой сидел жизнерадостный крепкий парень в джинсовом комбинезоне, который не делал вид, что не смотрит на ее грудь. У него были темные кудрявые волосы. Миранда всегда просто млела от таких волос. Она купила пачку сигарет и шоколадку.

- Так когда ты заканчиваешь свою смену?

Он удивился, но не то чтобы очень.

- Только в восемь утра.

- Ночью торговля вялая, да? Обычно я так не делаю... то есть не пристаю к незнакомым мужчинам... вот черт, может, пойдём ко мне? Это здесь, за углом.

- Как только, так сразу. В восемь утра - первым делом.

- Мне нужно сейчас.

- Можно пойти в директорский кабинет.

- А почему не ко мне в отель?

- Ты очень классная, и я бы с большим удовольствием, но если я сейчас уйду, меня уволят.

Миранде это не понравилось. Получается, что работа в каком-то занюханном магазине важнее ее драгоценной персоны. Вопиющее безобразие.

- Тебя как зовут?

- Миранда.

- А меня Деклан. Послушай, Миранда, я понимаю, что это паршивенькая работа. Поверь мне, я понимаю, но мне сейчас очень нужна работа, пусть даже такая дерьмовая.

Деклан копил деньги на отпуск в Бали. Он сидел тут безвылазно уже почти двое суток; оклад был мизерным, но он имел кое-какую дополнительную денежку, продавая проверенным клиентам пиво «из-под прилавка». Он мог бы выключить видеокамеру, но у босса была дурная привычка появляться без объявления либо посреди ночи, либо рано-рано утром. Он напоминал Миранде Оуэна, и он ей нравился. Она даже подумала предложить ему тридцать фунтов, которые у нее были с собой – а вдруг бы это поколебало его решимость, – или засесть тут на пару часов, поедая арахис. Но она понимала, что ей лучше уйти. Сейчас она пребывала в отчаянии, и именно поэтому не могла совершать такие отчаянные поступки. Она пожелала Деклану спокойной ночи и вышла на улицу, размышляя, что, может быть, ей не ложиться вообще, а пойти пешком на вокзал – прямо сейчас, чтобы прийти как раз к утреннему лондонскому поезду. Она вернулась в отель и включила пожарную сигнализацию в надежде собрать приятную компанию. Однако ее постигло горькое разочарование: парочка пенсионеров, отряд бойскаутов и один низенький толстенький американец, который даже не понял, что ему было сделано предложение пикантного свойства.

Стало быть, все же придется тащиться пешком на вокзал. Когда идешь пешком, страх отступает. Отныне и впредь она никогда больше не выйдет за стену огня.

* * *

- Ты можешь не кушать с таким удовольствием?

- Что?

- Ты ешь слишком с большим удовольствием.

Тони отложил вилку и нож.

- Это уже ни в какие ворота не лезет.

- Нет, лезет. Просто это несправедливо, что ты получаешь столько удовольствия от еды.

- А если бы мне нравилось, как ты готовишь, ты бы на меня въелась поэтому, да?

Миранда отпила воды.

- Я ничего не имею против, чтобы ты ел с удовольствием. Ты не слушаешь. Я всего-навсего попросила тебя... очень вежливо, кстати... не есть с таким удовольствием.

- А тебе, собственно, это зачем?

- Когда я вижу, как ты уплетаешь все это с таким аппетитом, у меня тоже разыгрывается аппетит, а я не хочу объедаться.

- Миранда, я не хочу тебя убивать, но ты сама нарываешься... - Дыхание у Тони сделалось сбивчивым и тяжелым. Миранда, однако, не испугалась; Тонины вспышки ярости наводили на нее беспросветную скуку. Он заметался по комнате, как будто ему вдруг приспичило в туалет, и он не может найти уборную. Потом он запустил руку в аквариум с золотой рыбкой, схватил золотую рыбку и подбросил ее в воздух. Когда она падала вниз, он поддал по ней ногой, так что она отлетела в стену. Это была Тонина рыбка. Она на секунду прилипла к стене и шмякнулась на ковер. Тони осел на ковер рядом с рыбкой.

Эскападу с колонной Нельсона следует расценить как провал. Несмотря на все усилия Миранды избежать эгоистической подоплеки, каковой не должно было быть в ее акции, теперь она поняла, зачем она это затеяла - назло Тони, из-за его непробиваемой упертости. А раз этот поступок не был продиктован ее собственными порывами, стало быть, он не считается. Порывшись в памяти, она смогла вспомнить только один бескорыстный и великодушный поступок; причем совершила его не она, а тот худосочный парень, который добыл ей стул в клубе. Единственный благородный момент в истории человечества: стул, который один человек передал другому в клубе на юмористической вечеринке.

- Тебе наплевать, как я выгляжу? - спросила она.

Тони был совершенно некоммуникабельным. Он лишь тихонечко трясся, сидя на ковре.

- Я хочу выглядеть хорошо для тебя. Чтобы тебе было приятно. - Она отправила в рот очередной кусочек грудки индейки. - Чего нельзя сделать во сне?

Тони рассматривал что-то в воздухе - что-то, невидимое для нее.

- Во сне все возможно. Ты можешь командовать армией. Летать, махая руками. Играть в покер с покойниками. Но есть одна вещь, которую, как мне кажется, нельзя сделать во сне. Знаешь, что это такое? Тони, я к тебе обращаюсь.

Она проглотила еще кусочек.

- Ты меня удивляешь, Тони. Ты же всегда мне талдычишь про необходимость общения.

Тони не сводил глаз со своей рыбки.

- Единственное, что нельзя сделать во сне, - это увидеть сон. Если тебе снится, что ты знахарь, который лечит внушением, ты не сможешь вздремнуть во сне и увидеть сон, что ты крупный, с мировым именем специалист по колибри. Тебе может присниться, что ты был знахарем, который лечит внушением, а потом стал крупным специалистом по колибри. Но тебе не может присниться, что ты знахарь, которому снится, что он колибрист, или как оно правильно называется. Это кое о чем говорит. И это хороший способ проверить, спишь ты или нет: если тебе ничего не может присниться, значит, ты спишь и видишь сон.

- Тебе надо лечиться, Миранда.

- А разве это я швыряю по комнате рыбок? У тебя ужин стынет.

- Не хочу портить тебе настроение своим аппетитом.

- Если подумать, то я неправа; есть еще одна вещь, чего нельзя сделать во сне?

- Да?

- Во сне нельзя умереть.

Зазвонил телефон. Поскольку никто не взял трубку, включился автоответчик. Вив начала наговаривать сообщение.

- Ты не будешь брать трубку? - спросил Тони.

- Нет, - сказала Миранда. - А ты никогда не задумывался, что любовь - это всего лишь накопленная боль?

* * *

По дороге к метро она услышала крики «спецназа», какие-то хлопки и удары, а потом, из-за угла, буквально Миранде под ноги вывалился какой-то черный. Он упал на асфальт, держась рукой за бедро с выражением умеренного раздражения, как будто ему свело ногу.

Она не задумываясь переступила через него, а потом из-за угла показались трое полицейских, которые обступили лежащего на земле человека с трех сторон плотным кольцом, а Миранда пошла себе дальше к метро. Уже потом ей пришло в голову, что это могло быть опасно, но ей было не до того. Она думала совершенно о другом, а в Брикстоне всегда так и делается - ты просто переступаешь через все, что валяется у тебя под ногами, и идешь себе дальше своей дорогой. Просто подстраиваешься под брикстонскую толкотню. Пинок, удар локтем, шаг, отгребись. Пинок, удар локтем, шаг, отгребись, пока не выберешься из толпы.

Она не знала, в чем проблема с Брикстоном; но был в нем некий изъясн, словно здесь из-под земли вырвались фонтаны какого-то странного варева, inferнального пива для страждущих: бессчетные поводы для жалобщиков, больше безумия для безумцев, больше буйства для буйных, больше убийственности для убийц. Экзотика дальних стран стекается на Хай-стрит, словно здесь медом намазано, и здесь все себя чувствуют на своем месте. Как дома.

Первым исчез продюсер, потом пропала его секретарша, а теперь сгинул и офис.

Миранда заглянула в пустую комнату, где не осталось вообще ничего, кроме половинки стола и плетеной корзины для бумаг, плюс еще две телефонные книги в углу и несколько конвертов под дверь. Объявление «Помещение сдается» исключало любое неверное истолкование. Миранда сделала вывод, что теперь можно бросать это гиблое дело.

Она услышала шаги на лестнице. К ее несказанному удивлению и разочарованию, это был Нед собственной персоной. Он поздоровался с ней кивком, заглянул в офис, подергал дверь - оказалось не заперто. Он зашел внутрь и уселся на телефонные книги.

Миранде было странно, что он не выдал свое «семейство шизокрылых», хотя ситуация очень даже располагала. Но, с другой стороны, Нед, наверное, почувствовал, что она не фанатка этой культовой фразы.

- Похоже, они уже не вернутся, Нед.

Нед пожал плечами:

- Старый баркас под названием Альф.

- Ты что, отработываешь на мне новый номер?

- Наши старые лодки усложняют нам жизнь.

- Старые лодки?

- Да. Я не хочу совершать ошибку и употреблять слова типа «желания» или «стремления». Они, видишь ли, поистерлись от долгого употребления и давно потеряли смысл, вернее, не то чтобы совсем потеряли... просто они одновременно бессмысленны и слишком многозначительны. В любом веке желания, стремления, амбиции и мечты рассматривались как черты, составляющие самую суть человека; мы все с уважением и даже с благоговением замираем перед амбициями или успехом, но даже если придерживаться противоположной точки зрения и отвергать амбиции, они все равно при тебе остаются – как объект неприятия. Не важно, стремишься ты к чему-либо или, наоборот, не стремишься – все равно ты об этом думаешь. Употребляя заезженные слова, ты волей-неволей ввязываешься в борьбу, которая длится веками, в то время как «старые лодки» лучше передают правду. То, что ты называешь желанием, будь то желание выступить по телевизору или выйти замуж и завести двоих детей, высокий забор и собаку, я называю старыми лодками.

- Но почему именно старыми лодками? – спросила Миранда. Все равно делать было нечего.

- Лодки символизируют мимолетную и переменчивую природу наших желаний, которых носит туда-сюда по морям случая. А вообще-то это абсурд.

- Да, без абсурда тут не обойдешься.

- А «старые» означает, что наши желания-лодки скрипучие и никчемные.

- А почему «под названием Альф»?

- Потому что ассоциируется с альфой. Стремление быть первым, позывы к славе. Я иногда даю имена старым лодкам, чтобы было еще смешнее.

- И тебе правда легче со своим Альфом и другими старыми лодками?

- Трудно сказать.

- Ты остаешься?

- Мне все равно делать особенно нечего.

Получив столь ощутимый удар по своей карьере, Миранда решила развлечься и пошла в магазин, в продовольственный отдел «Маркса и Спенсера». Она встала в очередь к первой же кассе; она никогда не выбирала, к какой кассе вставать, потому что все равно неизменно вставала в самую долгую: либо с тупой по жизни кассиршей, которая периодически «зависала» на каком-то товаре, у которого не считывался штрих-код, либо с покупателями впереди, которые расплачивались самой мелкой мелочью, неторопливо выуживая ее из многочисленных карманов. И вот что интересно: каждый уверен, что именно он всегда встает не в ту кассу. И скорее всего это верно. Есть ли этому

объяснение? Наверное, есть. Но какое? Что люди в массе своей не особенно наблюдательны? Что люди, которые стоят в очереди в «быстрых» кассах, это никакие не люди, а космические пришельцы из какой-то другой галактики, которые набирают значительное преимущество перед человеческой расой, потому что проводят меньше времени в очередях в супермаркетах? Или некоторые покупатели просто врут, когда утверждают, что они вечно встают не к той кассе – наподобие того, как миллионы жалуются на дорогую жизнь, чтобы их принимали за обыкновенных работников?

В данной конкретной очереди источником раздражения был молодящийся дяденька-металлист (длинные волосы, черная косуха), стоявший непосредственно перед Мирандой. Закипая от злости, она наблюдала, как он лениво и вяло роется у себя в сумке; и при этом он вовсе не торопился выкладывать содержимое своей корзинки на кассу. Его сосредоточенные копания задержали процесс расчета, наверное, секунд на сорок, самое большее – на минуту, и Миранда мысленно согласилась, что она никуда не торопится и что эта потерянная минута ничего не решит в ее жизни, но ее все равно раздражал этот тормоз. Чтобы совсем уже не психануть, она принялась изучать ассортимент кондитерских ингредиентов, выставленных у кассы. Ананасовый порошок. Порошок?!

Он был репортером; специальным корреспондентом для какой-то специальной газеты, и занимался он темами специфическими. Его серьга и татуировка опоздали лет этак на сорок в смысле провозглашения его бунтарем, аванпостом самоуправления (в конце концов в наше время налоговые инспекторы с непропирсованными сосками уже почти все вымерли). Вполне может быть, что обстановка у него в кабинете подобрана так, чтобы это не было похоже на кабинет; может быть, он работает на какую-то дизайнерскую компанию, или на фирму звукозаписи, или – еще того хуже – на агентство по связям с общественностью. Но денежка регулярно поступает на счет раз в неделю, и голоса, которые говорят ему, что делать, не звучат у него в голове, а приходят извне.

Пока его покупки медленно проползали мимо кассы, он просто стоял и смотрел в пространство. Он не раскладывал их по пакетам, а кредитную карточку соизволил достать только тогда, когда кассирша назвала общую сумму. Больше всего раздражало то, что он даже не понимал, что он кого-то там бесит. Наоборот. Он искренне верил, что проявляет внимание к окружающим. Можно представить, как сильно он переживал, что правительство почти ничего не делает в плане помощи слаборазвитым странам. Его волновал уровень жизни в стране. Он беспокоился за малоимущих граждан. Вне всяких сомнений, он выступал против жестокого обращения с животными. И хотя у него из сумки торчала пачка каких-то неопознанных сигарет, он наверняка был озабочен проблемами загрязнения окружающей среды в глобальном масштабе. А вот что его совершенно не волновало, так это покупатели в очереди за ним.

Именно это и раздражало, что он не считал себя человеком, которому наплевать на других. Он полагал себя искренним другом вселенной. Сострадание и участие, готово к немедленному употреблению круглосуточно семь дней в неделю. Если бы он специально старался бесить окружающих, это было бы еще терпимо; она могла бы ему отомстить, оставаясь спокойной и невозмутимой. А так она прямо дымилась от злости.

У Миранды было в запасе несколько матерных выражений специально для данного случая; однако она не хотела вступать с ним в дискуссию, дабы не поощрять его мнения о себе как о борце за права человека, подвергаемого несправедливым нападкам со стороны истеричных эгоистов. Точно так же, как свет – это одновременно волны и частицы, так и человек может быть одновременно правым и неправым; старый холодильник и кенгуру – два в одном.

Откуда берется это навязчивое стремление быть не таким, как все, желание выделяться из общей массы? Миранда всегда недолго любила репортеров, но в основном из-за их застенчивости, из-за неумения рисковать, а вовсе не потому, что считала профессию журналиста тупой или скучной. Молодящийся дяденька-металлист не хотел, чтобы его принимали за банального работника на окладе. Он полагал себя свободным художником. Творческий человек с богатым воображением, генератор оригинальных идей, а не какой-то конторский служащий, который отвечает на телефон. Лакей Большой Обезьяны, необузданный творец с богатым опять же воображением, играющий с красками, словами или сенсациями, а не потрошитель рыбы, сидящей рядом с другими, ничем не приметными потрошителями рыбы в одинаковой униформе, и делает свою вонючую, безрадостную работу, которая не может быть интересной просто по определению. Работать на Обезьяну – это, конечно, весьма увлекательно, но это еще не значит, что ты чем-то лучше других. Молодящийся дяденька-металлист думает, что искусство можно разбрызгивать, как лосьон после бритья. Старая лодка. Старый баркас.

А ее собственная погоня за славой? То же самое, разве что под другим углом. Зачем ей? Почему она вдруг решила, что в конце, за финишной чертой ее ждет награда? Неужели это действительно важно, заметят ее или нет? Неужели бурные аплодисменты сделают ее жизнь более настоящей? И имея в виду, что публика в массе своей определенно страдает отсутствием вкуса, стоят ли что-нибудь эти аплодисменты?

– Вот, скажем, слава: это хорошо или плохо? – спросила она у мужчины в очереди за ней.

– Я бы сказал, хорошо... потому что почти невозможно добиться славы, если у тебя нет денег.

Хороший ответ. Миранда принялась распакивать по пакетам свои покупки. Молодящийся металлист был все еще здесь – копался со своей сумкой на краю кассовой стойки, только место занимал. Теперь он нацепил темные очки а-ля эскадрон смерти. Для того, надо думать, чтобы выглядеть круче. Но даже при темных очках он источал не больше угрозы, чем намокший бумажный пакет. Если ты хочешь казаться крутым и прибегаешь для этого к помощи вспомогательных средств, ты тем самым заранее расписываешься в собственной несостоятельности; минимальные требования к системе – уметь смотреться крутым без темных очков. Или, может быть, все объясняется еще проще: поскольку теперь так принято, что темные очки – это круто, то каждый придурок уже не выходит из дома без темных очков, дабы оправдать коллективные ожидания и не прослыть придурком.

Она не помнила, носил ли Ли темные очки. Но, с другой стороны, Ли и не был крутым. Маленький, щупленький, с уже намечающейся ранней лысиной и разными возрастными болячками – хотя ему было только чуть-чуть за двадцать, – он был, наверное, самым скучным из всех знакомых Миранды, и, кстати сказать, совершенно от этого не страдал. Но он был единственным наемным убийцей, кого она знала лично.

Они познакомились, когда она работала официанткой в бистро, где Ли был шеф-поваром, что означало, что он самолично измельчал овощи для рагу и салатов. Он несколько не дотягивал до уровня хрюкотающего продавца с Оксфорд-стрит, потому что все-таки употреблял одно членораздельное слово – «да», – которому в соответствии с ситуацией придавал интонацией одно из трех выражений: удивления, согласия и агрессивной неприязни. Однажды, во время обеденного перерыва, Миранда сидела, читала газету и вдруг заметила, что Ли стоит к ней значительно ближе, чем это было необходимо для того, чтобы вскрыть пакет с чипсами. Обычно подобную позу мужик принимает, когда собирается пригласить тебя на свидание. Но Ли ограничился только тоскливым взглядом на отсыревшие чипсы. Момент прошел и больше не повторился.

А через несколько месяцев Миранда узнала, что Ли арестован за убийство двоих инструкторов по стрельбе из лука, которых он застрелил, когда они пили чай в какой-то кафешке в Ипсвиче. Она специально пошла на суд, чтобы убедиться, что это тот самый Ли, а не какой-то другой, и таки убедилась. Зевая, он выслушал приговор: два пожизненных заключения за убийство двоих людей, с которыми он никогда не встречался раньше, которые не сделали ему ничего плохого и ничем его не обидели и которые, как оказалось, были вовсе не теми людьми, которых его подрядили убить. Помимо того, что он сам проявил полную некомпетентность, так его еще и подставил его же заказчик, который – минут за пять до того, как Ли достал пистолет и прикончил ни в чем не повинных людей, – позвонил в полицию и сознался, что нанял Ли, чтобы тот грохнул двоих его соседей, совершеннейших дятлов, которые жутко его доставали одним своим существованием, но теперь передумал. Еще одно подтверждение недовых старых лодок.

Четыре тысячи фунтов, которые Ли получил от заказчика, нашли нетронутыми у него на квартире.

Миранда пыталась сделать из этого смешной номер, но у нее ничего не вышло. И она даже догадывалась почему.

Ей захотелось пить, и она зашла в первый попавшийся бар на Бревер-стрит и взяла пива. Она никогда не понимала, откуда вязалась эта мудрость, что печали топят в вине. Должно быть, это такой хитрый миф, придуманный заправилками винно-водочной индустрии, потому что ей действительно было не очень понятно, как пара кружек пива может поднять настроение и помочь ей забыть про облом с телевидением и про все остальные обломы. Ей не хотелось напиться; ей хотелось выступить на телевидении. Это как если тебе нужны новые туфли, а тебе предлагают жареного ежа. Среди ее знакомых не было никого, чьи печали и вправду утопили в вине. Во всяком случае, так вот навскидку не вспомнишь. Хронические алкоголики типа Френка пьют потому, что, по общему мнению, выпивка помогает забыть; и ведь многие в это верят, точно так же, как две-три тысячи лет назад люди верили, что верный способ избавиться от головной боли – это просверлить дырку в голове, или что если кого-нибудь задушить посреди засеянного поля, то урожай будет богатым. Может быть, сделать из этого номер? Или просто позвонить в Ассоциацию виноторговцев и пригрозить разоблачить всю их лавочку, если они не признают свою вину?

В дальнем конце бара Миранда заметила пожилую слепую женщину, которая, съездившись, пробиралась к выходу. Она подумала, что надо бы встать и помочь, но там было немало людей, которые сидели гораздо ближе, и если они не дадут себе труда встать и помочь слепой женщине, то почему она должна быть лучше всех?! Миранда подумала, что если она когда-нибудь ослепнет, она вообще не будет выходить из дома, не говоря уже о том, чтобы гулять в одиночку по центру Лондона.

Слепая была уже у дверей, как вдруг дверь распахнулась, и в бар ввалился здоровенный черный детина, который увлеченно о чем-то беседовал со своими двумя приятелями. Он налетел напрямиком на слепую женщину. Законы физики, похоже, ушли на обеденный перерыв, потому что детина свалился на пол, а пожилая слепая женщина устояла и невозмутимо направилась к выходу, как будто и не заметив, как амбал весом двадцать стоунов пытался ее растоптать.

– Смотреть надо, куда идешь, – прорычал амбал.

Никто ничего не сказал, и не только из опасения навлечь на себя гнев амбала, а потому что всем было стыдно и жалко его. Потому что он был тяжко болен. И даже не хронической глупостью, острой недостаточностью

воспитания, черствостью или агрессивностью. Это был еще более страшный недуг, чем слепота. Миранда заметила одну характерную деталь: слепая женщина и не ждала извинений от человека, который едва ее не убил.

Вот что самое страшное; почти каждый день в нашей жизни – грубый, жестокий и непоправимый. Ключевое слово: почти. Если бы все было плохо всегда, то проблем было бы меньше. Но самое страшное, что все может быть хорошо, но почему-то не бывает. Миранда могла бы встретиться с продюсером и подписать контракт, потом купить все, что нужно, без очереди и выпить в баре нормального пива, а не безвкусного пойла, в то время как улыбающийся амбал помог бы слепой женщине выйти на улицу. Но все было не так, как могло бы быть.

А все могло бы быть по-другому. Гораздо лучше. Ведь можно же было устроить так, чтобы для каждого нашлись доброе слово и вкусный пирог. Чтобы каждый из нас получил свою порцию «пожалуйста» и «спасибо». Но жизнь – небрежный ученик. Едва натягивает на троечку с пометкой: неплохо, но можно лучше.

– Жду не дождусь двадцать первого века, – сказала Миранда парню, выпивавшему за соседним столиком.

Амбал даже и не заметил, что своим поведением смутил всех присутствующих. Он жил в своем собственном мире, где все, что он делал, было сделано мастерски и вызывало всеобщее восхищение. Он важно прошествовал к стойке в сопровождении «группы поддержки» в составе двоих тоже здоровых таких коней, но все же малость помельче его. Смуглые, вроде как турки, они, наверное, всегда ходили по городу парой – потому что один знал дорогу до бара, а второй – дорогу обратно. В целом все это смотрелось, как будто три буровые вышки вышли ударить по пиву.

Миранда по опыту знала, что такие вот громилы обычно страдают от комплекса неполноценности, а члены у них маленькие и худосочные (а если член у тебя размером с пипетку, то самое идиотское, что только можно придумать – это наращивать объемы в других местах). Никто не станет убивать годы жизни на то, чтобы тупо поднимать и опускать металлические болванки, если у него все нормально. В противном случае стоит задуматься, что не так.

Она собрала со стола пустые бутылки и пошла в туалет. Расколотив об унитаз три бутылки, она все же добилась желаемого результата. Потом она прошла к телефону и вызвала «скорую». Потом отсчитала по часам четыре минуты. Уличное движение в Центральном Лондоне... м-да... смеяться на слове «движение». Миранда вспомнила свой старый номер про озеленение Лондона. Каждого, без исключения, автовладельца следует обязать разбить клумбу или мини-лужайку на крыше своей машины, чтобы повсюду были цветы и трава, а в воздухе – больше кислорода. Пробки на улицах смотрелись бы как цветущие луга. А двухэтажные автобусы, увитые бугенвиллеями, выглядели бы прелестно.

Изображая из себя кокетливую озорницу, Миранда подошла к горе мышц возле стойки.

– У тебя такие роскошные мышцы, – сказала она, погладив его по бицепсу.

– И такие твердые.

– Чтобы лучше любить тебя, котик, – хихикнул амбал.

– Ты себя чувствуешь в безопасности, правда?

– Как за каменной стеной.

- Сейчас я скажу тебе две вещи, которые ты не забудешь до самой смерти. Во-первых, ты не защищен от опасностей. - Веселье в его глазах малость притухло. Должно быть, он испугался, что она какая-нибудь малахольная уличная проповедница, а не уличная девица, которая со смаком ему отсосет, может быть, даже бесплатно. - И есть у тебя кое-какая часть тела, которая, как мне кажется... могла бы быть и потверже.

- И что это, котик? - Он снова развеселился.

- А вот, - сказала Миранда, вонзив ему в шею горлышко от разбитой бутылки. Хотя кровожадность считается национальной турецкой чертой характера, турки сбледили от вида крови. Миранда тихо порадовалась про себя, что сегодня она была во всем черном.

Когда она выходила на улицу, к бару как раз подкатила «скорая».

- Там кто-то ранен, красавица?

Миранда кивнула.

- Мы бы приехали раньше, но какой-то придурок на Чаринг-Кросс-роуд вызвал нас, потому что ему понадобился аспирин.

В последние две коробки она просто свалила все, что осталось: заколки, щипцы для завивки, пачку сигаретных гильз «Rizla», бумажные подставки под стаканы, фонарик без батареек, какие-то электрические детали, солдатскую флягу, боксерскую перчатку без пары, кастрюлю и щетку для волос, которая, вероятно, была самой старой из всех ее вещей (двенадцать лет), косметичку с помадами, пользоваться которыми она никогда не будет, два альпинистских крюка, всякие разные мыльца, которые Тони привозил ей из отелей, где он останавливался в командировках, и которыми она никогда не пользовалась и вряд ли когда-нибудь будет пользоваться, кое-какие журналы и бокал для шампанского, который она сперла из каких-то гостей, потому что на нем был изображен символ числа Пи.

Зрелище было весьма поучительное: вся ее жизнь, упакованная в коробки. Пять маленьких и две большие коробки, два чемодана, две спортивные сумки. Итог двадцати семи лет жизни.

Тони удивился, что она сама занялась упаковкой вещей, но он не стал возражать; он всегда был непрочь полениться, когда есть возможность, и плюс к тому уставал на работе. А еще он начал практиковать забавные круговые движения во время постельных забав, и, наверное, полагал это новшество причиной ее непривычной покладистости.

Она собрала все, что было, кроме пинцетов, которые так и не отыскались. Восемь или девять пинцетов, она уже точно не помнила. К последнему она привязала большую зеленую открытку в качестве противодействия исчезновению, и пока что это помогало.

Квартира была абсолютно голой. Собирая вещи, Миранда перетрясла каждую книжку, каждый предмет одежды, каждую туфлю - вообще все. Она облазила все углы, смотрела под шкафом, под креслами, под кроватью, за батареями. Под ковром. За холодильником. Но пинцетов так и не нашла.

Вещи Тони она уложила отдельно. Попутно обшарила все карманы, перебрала клюшки для гольфа, проверила все.

Она в последний раз обвела взглядом пустую квартиру. Придется признать свое поражение. Эту битву она проиграла.

Тони было сказано, что ей хочется переехать, потому что здесь у нее вырвали сумку на улице, и еще потому, что ее уже начинает трясти от этого района. Но это была неправда. Хозяин квартиры сказал Миранде, что заплатит им три тысячи фунтов, чтобы они съехали до окончания срока аренды, потому что он собирается продавать весь дом.

Это был самый лучший способ сказать «прощай». Ей всегда нравилось слово «прощай». Оно было самодостаточным и адекватным. И замечательно передавало смысл происходящего. И при желании в него можно было вложить намек на сожаление о несбывшемся. Тем более, что большинство людей любят банальные ритуалы. Миранда подумывала о том, чтобы просто сбежать, не сказав ни слова, но для Тони это было бы слишком загадочно. Сначала он бы подумал, что ее убили. А потом стал бы ее разыскивать. Хотя бы за тем, чтобы потребовать разъяснений.

Подъехало такси.

– Я поеду на нем. – Миранда схватила руку Тони и сердечно ее пожала. – Я тебе раньше не говорила, но квартира, которую я присмотрела, она не для нас, а только для меня. Тебе без меня будет лучше. Это прощание. Мы никогда не увидимся.

Тони тарашился на нее, как на запутанное расписание поездов.

– Да, я юмористка и все время шучу, но когда я держу палец в ухе, я говорю серьезно.

Она засунула палец в ухо.

Когда такси завернуло за угол, Тони остался в тысячи милях позади и далеко в прошлом. Он был уязвлен и обижен, да. Его гордость была уязвлена, его уверенность в том, что Миранда никуда от него не денется, оказалась необоснованной, его сердце было разбито – именно в таком порядке.

«Есть ли в мире добро?» – размышляла Миранда. Зло в нем присутствует определенно, однако предполагается, что добро – пусть даже слабое и болезненное, бесплодное и неумелое, растерянное и сбитое с толку – обязательно победит.

Враг приближался – и это как раз то, что нужно.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net: <http://bookscafe.net>

Оставить отзыв о книге: http://bookscafe.net/comment/fisher_tibor-idiotam_prosba_ne_bespokoitsya-20136.html

Все книги автора: http://bookscafe.net/author/fisher_tibor-5878.html

Другие книги серии «Мастера. Современная проза»:
http://bookscafe.net/serie/mastera_sovremennaya_proza-178.html

notes

Примечания

1

В индийской мифологии Джаггернаут – одно из воплощений бога Вишну; в переносном смысле – безжалостная, неумолимая сила. – Примеч. пер.

2

Братья-близнецы Край – знаменитые лондонские маньяки-убийцы. – Примеч. пер.

3

Крупнейший в мире нудистский курорт во Франции, на Средиземном море. – Примеч. пер.

4

Гастрономическая энциклопедия издательства Larousse, издающего словари, справочники и энциклопедии. – Примеч. пер

5

Здесь: убийство из ревности (фр.). – Примеч. пер.

6

Здесь: в состоянии аффекта (фр.). – Примеч. пер.

7

Драмбуи – крепкий шотландский ликер на основе шотландского виски и меда. – Примеч. пер.

8

70 кг – Примеч. пер.

9

Гутенберг Иоганн, немецкий изобретатель книгопечатания. В середине XV века напечатал так называемую 42-ю строчную Библию – первое полнообъемное печатное издание в Европе. – Примеч. пер.

10

прохладительный кофейный напиток. – Примеч. пер.

11

"Жизнь, Вселенная и все остальное» – роман Дугласа Адамса из серии «Автостопом по галактике». – Примеч. пер.

12

Свободный стих, стих без рифмы (фр.). В данном случае – не задумываясь, как Бог на душу положит. – Примеч. пер.